

Е.В.Емельянова

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Стихи и очерки



Актобе
2020

УДК
ББК
Е

Автор идеи и составитель:
Емельянова Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент,
директор Русского центра Казахско-Русского
Международного университета

Емельянова Е.В.
Е **Неизвестная война. Стихи и очерки. Юбилейный выпуск (с дополнениями)** — Актобе: 2020. — ... с.

В сборник включены воспоминания жителей нашего города, чье детство выпало на трудные военные годы, стихотворения Актюбинского поэта В.Мартыненко и автора сборника Е.Емельяновой. Автор использовала также Интернет ресурсы, архивные данные и материалы сборника сообщений чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, М: 1945.

ISBN

*Особую благодарность выражаю
Бондаренко Валентине Ивановне и Утеулину Муратбеку,
Соловых Елене Васильевне, оказавшим неоценимую
помощь в создании первого выпуска этой книги.*

Е.Емельянова

УДК
ББК

ISBN

© Е.В.Емельянова, 2020

**Посвящается деду,
Павлу Трофимовичу ЕМЕЛЬЯНОВУ**

Тыл – задь, задняя сторона чего, зады.

(В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка)

Тыл 1) Задняя сторона чего-либо; 2) Территория позади фронта, за боевой линией; 3) Организации, воинские части, обслуживающие армию, но находящиеся вне сферы непосредственных военных действий; 4) перенос. Вся сторона в противоположность фронту.

(С. И. Ожегов. Словарь русского языка)

Так что же такое «тыл» во время военных действий? Это та неприступная крепость, которая не дает воину ни единого шанса на отступление, потому что там остались матери, жены, дети... Это неиссякаемый источник мужества, заботы и поддержки воина. Поддержки его силы и боеспособности, поддержки веры в Победу, поддержки воинского братства.

Мы склоняем голову перед подвигом наших солдат, не щадивших жизни ради защиты Отечества, перед памятью тех, кто не вернулся с поля войны, кто был замучен в фашистских концлагерях, кто, встретив Победу, не смог долго пожить мирной жизнью, так как в их тело и душу крепко въелась война, кровавыми снами, памятью и ноющими осколками снарядов.

Труженики тыла, особенно в Казахстане, не слышали разрывов снарядов, не цепенели от ужаса, услышав вой фашистского бомбардировщика или стон заживо похороненных людей. На наших улицах не было табличек: «Эта сторона при обстреле наиболее опасна», «Бомбоубежище». Но на плечи седых стариков, женщин и малолетних детей нашей Родины легла непосильная тяжесть. Они научились заменять мужчин, ушедших на фронт. Тяжелые станки и орудия подчинялись их хрупким рукам, им хватало 3–4 часов, а то и получасового отдыха, чтобы снова встать на рабочее место. Земля плакала, глядя как падают ее на быках и коровах мальчишки и девчонки по 10–12 лет, как в кровь израненные пальчики собирают колоски, чтобы ни одно зерно не пропало. Потому что это хлеб. А хлеб нужен фронту.

И подвиг этих людей ничуть не меньше подвига фронтовиков, потому что без крепкого тыла вряд ли была бы так близка наша Победа.

Об этих людях, не ждущих особых наград, об их трудовом подвиге этот сборник. «Неизвестная война» должна быть известна всем, потому что это наша история, наша память и наша совесть.

Слово к читателю

Важнейшей и едва ли не самой трагической страницей Второй Мировой войны стала борьба советского народа против фашистской агрессии. Великая Отечественная война — это решающий этап мировой войны, так как на ее фронтах решалась судьба не только Советского союза, но и стран Европы и всего мира. Разгром военной машины Германии, Японии и Италии означал не просто крах политических систем этих стран, он означал победу сил, борющихся за мир и демократию в разных странах.

Великая Победа имела в своей основе беспримерное лидерство и героизм советских людей, выступивших за свободу и независимость своей Родины. В ходе войны, продолжавшейся для нашего народа 1418 дней и ночей, на советско-германском фронте были разбиты 607 дивизий противника (более 10 миллионов человек или 80% потерь), 167 тысяч артиллерийских орудий, 48 тысяч танков, 77 тысяч самолетов (что составило 75% всей военной техники противника). Победа далась тяжелой ценой. По приблизительным оценкам, война унесла почти 27 миллионов человеческих жизней, в том числе до десяти миллионов военнослужащих. Во вражеском тылу погибло более четырех миллионов партизан и подпольщиков, более шести миллионов человек оказались в фашистской неволе.

День Великой Победы стал светлым и радостным праздником, означавшим завершение самой кровопролитной войны.

Казахстан являлся глубоким тылом, куда не долетали взрывы снарядов, но дыхание войны чувствовалось и в больших городах, и в маленьких поселках. Весь наш многонациональный народ слился в едином порыве: «Все для фронта, все для Победы!». И это были не просто слова, каждая семья, каждый человек стремился внести свой вклад в общее дело борьбы с фашистскими захватчиками. Население тыла оказывало помощь фронту теплыми вещами, подарками, продуктами. На собранные средства в годы войны были созданы танковая колонна, авиаэскадрилья, подводная лодка и торпедный катер, огромное количество боеприпасов и снарядов производилось как на местных, так и на эвакуированных предприятиях. В фонд обороны было собрано более четырех миллионов рублей.

Наша Победа была предопределена ходом истории — ведь невозможно победить народ, который защищает свою независимость, свое Отечество, свой дом и своих близких. Простые советские люди, они стали Героями великого народа, обнажившего меч в защиту чести, независимости и свободы.

С каждым днем все дальше от нас события Великой Отечественной войны. С каждым днем все меньше остается тех, кто выжил в этом великом сражении, защитил свою землю от поругания. Все меньше ветеранов собирается девятого мая у Вечного огня.

Но не угасает людская память. Да и как можно забыть вой самолетов и разрывы снарядов, голодный Ленинград и горящую Хатынь, Освенцим и Саласпилс, и того неизвестного солдата, кто принял смерть ради жизни на земле.

Есть еще одна категория людей, о которых почти никто не пишет, чьи имена известны пока только родным и близким. Они не имеют наград и почетных званий. Это те, кому в годы войны было от шести до четырнадцати лет. Дети войны. Они тоже совершили свой подвиг — выжили в трудные годы, помогали фронту вместе с родителями. Они говорят с этих страниц, мы можем их услышать...

Чтобы помнить.

Чтобы не допустить новой войны.

**Елена Владимировна
Емельянова**

...Несколько лет назад, к очередному юбилею Великой Победы в России стартовала акция «Георгиевская ленточка» и быстро распространилась практически по всем республикам бывшего Советского Союза. Георгиевская ленточка в майские дни символизировала сопричастность с подвигом наших воинов в той страшной войне — ведь нет ни одной семьи, которой не коснулась она...

Как правило, люди охотно рассказывают, почему повязали ленточку, кто из их родных воевал, какие имеет награды, где погиб. Но все чаще случаются и такие диалоги: Корреспондент Первого канала российского телевидения беседует с молодым парнем, у которого на зеркале автомашины привязана Георгиевская ленточка.

— Почему у Вас Георгиевская ленточка?

— Мой дед был участником войны.

— А как звали Вашего деда, где он воевал?

— Не помню. Но то, что воевал, знаю точно.

— С кем воевал?

— На войне, там все воевали...

Вот такая вот «память и сопричастность».

В один из майских дней я сняла Георгиевскую ленточку с покоренной архитектуры полуразрушенного дома. Без комментариев.

Пусть не оскудевает наша память. Смотрите и слушайте тех, кто еще может нам рассказать, КАК ЭТО БЫЛО.

Книга же пусть будет моей Георгиевской ленточкой — ленточкой памяти и гордости за весь наш великий народ.

ПАМЯТЬ

*Не задует ветер Вечного огня,
Время не сотрет людскую память
До сих пор хранится у меня
Тот конверт с потертыми листками.*

*То письмо прислал отец с войны.
Молодой тогда, двадцатилетний
Для деревни всей и для родных,
Уходя в свой бой, но не последний.*

*С трепетом держу его в руках:
Вот она — война перед глазами,
Дышит мне в лицо издалека,
Черной гарью в душу мне взгрызаясь.*

*Вижу все, как будто наяву:
Кровь, огонь, разорванные траки.
Будто там я, а не здесь живу,
Где горит отец в подбитом танке.*

*Раскалилось небо от свинца
Нот дыма солнце задохнулось.
И взывает кровь во мне отца
Пережить израненную юность.*

*Будто я стою среди войны,
Сжавши кулаки свои от боли.
И судьба родной моей страны
Стала вдруг в беде моей судьбою.*

*Мой отец живой пришел с войны,
Отогнав ее до Кенигсберга.
Но она в его вернулась сны,
Чтобы жизнь и дальше исковеркать.*

*Тишина, какая тишина!..
Может быть, мне кажется все это?
Нет, недалеко ушла война.
Притаившись там, на дне конверта.*

В. Мартыненко



Мама



Война есть решение политических вопросов с помощью боевых действий. Войны развязывают правители. Кто-то хочет расширить границы своего государства, кто-то — быть властелином мира, а кто-то просто отмывает деньги...

Войны бывают разные колониальные, гражданские, захватнические... И только в одной войне исход предreshen — в освободительной, народной войне против захватчиков, какой бы масти они не были и как ни велика была бы их сила. Только путь к Победе был долог. Он мог бы быть еще длиннее, если бы не великое мужество и сплоченность всего народа. Как можно измерить заслуги каждого из них? Солдата, генерала, колхозника, ученого, артиста? Как взвесить ту ношу, которая легла на хрупкие плечи женщин и подростков? Как сосчитать невыплаканные слезы жен и матерей, получивших коротенькое «пал смертью храбрых»?

Имя все этому — подвиг! Подвиг солдата, не согнувшегося под пулями и подвиг голодающего ленинградца, подвиг артиста и хлебопашца... подвиг народа, сумевшего жить!

Мама моя в первый военный год закончила школу. Ах, как хорошо мечталось о будущем! Учиться, работать, познавать неведомое, радоваться солнцу... все план оборвал суровый голос из репродуктора, объявивший о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину.

Страх. Боль. Растерянность. И шальная надежда — вдруг, ошибка? Нет, не ошибка. Горят города. Отступают наши войска.

И уже летит стопка заявлений от бывших школьников. Проводили девочки своих одноклассников. В дощатых вагонах, под звуки марша... мама пишет одно заявление, другое, третье... но на фронт ее не берут — у нее очень плохое зрение. И потянулись долгие годы в тылу. Пыльный ветер сбивает с ног, засыпает глаза песком, и, кажется, нет края пшеничному полю... надо вовремя убрать хлеб. Надо! Что кричишь ты по ночам после дежурства в госпитале, который развернут в твоей любимой школе? Кровь, бинты, крик и боль раненых... ты можешь им помочь! Страшно. Но надо. А мелкие детали, от которых рябит в глазах? Они, порой, выскользнут из рук и рассыпаются, потерявшись на огромном полу цеха... От работы на Рентгензаводе у мамы окончательно испортилось зрение. Я спрашиваю маму: «А как же ты выдерживала? Как выдерживали все остальные?». Она не может ответить на мой вопрос. Иногда, усмехнувшись, говорит: «Я же уже взрослая была. А рядом совсем мальчишки и девчонки работали. Стыдно было жаловаться. И потом: это нужно было для Победы! А что будет она, Победа, мы никогда не сомневались. Все ведь для нее работали: и солдаты, и врачи, и дети, и артисты. Помню, война ее в самом разгаре была, 43 или начало 44 года, а мы уже по несколько раз посмотрели фильм «В шесть часов вечера после войны» и еще больше в Победу поверили».

Вот так жили, работали и верили в Победу простые советские люди, те, которых мы сейчас называем просто: «труженики тыла».





Дед

Деда моего, Павла Трофимовича Емельянова, уже давно нет в живых, Он умер в возрасте 94 лет — пройдя Первую империалистическую войну, революцию, гражданскую и Великую Отечественную войны. Предо мной лежат пожелтевшие листки его автобиографии — они помогают мне оживить в памяти его голос, его рассказы о детстве и юности, о военных годах.

Павел Трофимович родился в 1890 году в крестьянской семье, в селе Жилинка Бузулукского района. Родители его познали все тяготы крестьянской жизни. И сам Павлик уже с 9 лет пошел батрачить. Зимой, когда работы было немного меньше, удавалось учиться. Тяга к знаниям была не просто большой — великой. «Я как Филиппок, настырностью брал» рассказывал мне дед. Эта «настырность» помогла ему закончить 2-х классное русско— киргизское училище с отличными результатами. Он не только получил знания, но и начал задумываться о том, почему так много несправедливости на земле.

1912 год. Мобилизация на военную службу. Участие в империалистической войне в составе 12-го кавказского пехотинского полка, арест за политическую неблагонадежность прознали про политическую литературу и газету «Искра», скорый суд, передовая, германский плен. Побег, плен, снова побег, голодовка, допросы... «Ничего не добились узурпаторы, — смеется дед, — я друзей своих не выдал. Отправили меня на Турецкий фронт.

Но я уже видел тогда, какая складывается обстановка и из Тифлиса выехал в Кустанайский уезд. Там, 15 июня 1917 года, вступил в ряды ВКП (б) и работал в подпольной организации готовясь к Октябрю». Дед с удовольствием вспоминал то время. Тяжелое оно было, смутное, но люди искренне верили в светлое будущее, были чище, искреннее и надежнее. Дед пел революционные песни. Он знал их великое множество. Иногда в его глазах блестели слезы. Я слушала его и видела...

...вот Павел Емельянов защищает во время бунта эсеров Кустанайский исполком...

...вот созданная им дружина восстанавливает железнодорожный путь от Кустаная до Троицка...

...вот он вывозит секретную документацию и оружие и прячет все это в пойме реки Утаган...

...вот его ведут на расстрел колчаковские офицеры. Ему удалось сбежать тогда. Помогли товарищи — Григорьев и Зубава. Скрывался дед в тургайских степях.

«Я даже разведчиком был. По заданию группы работал во втором отделе Колчаковской милиции, переписчиком. Несколько списков красногвардейцев, подлежащих аресту, мне удалось передать товарищам. И еще 8 человек, приговоренных к расстрелу, мне удалось спасти. Как их звали? Да я и не помню имен. Да и зачем? Настоящие люди были, коммунисты. Потом опять в Тургайских степях скрываться пришлось — чуть не вычислили меня ищейки колчаковские. Вот вы про Амангельды Иманова в книжках читаете, а мы с отрядом его освободили. Я его лично знал. Так-то...»

Противостояние. Историки часто употребляют этот термин. Дед мой испытал его на себе. Колчаковцы, банды озверевших басмачей, голод, болезни — казалось, эта цепь испытаний никогда не закончиться. Рядом с ним, плечом к плечу, делила все тяготы его жена — моя бабушка — Прасковья Ивановна. Неграмотная, почти не разбиравшаяся в политических вопросах, она твердо знала одну простую истину надо быть всегда рядом с любимым человеком. Пока дед скрывался в Тургае, ей пришлось прятаться у разных добрых людей — никто не выдал жену красного командира. Однажды пришлось даже пересидеть налет басмачей в русской печке. Потом был тиф, беспамятство, наголо обритая голова, смерть четверых детей — один за одним, постоянные переезды с места на место. В Бухаре вся семья тяжело болела — в этот раз малярией. Бабушка поправилась быстрее, и ей пришлось быть сиделкой и у постели мужа, и у постели дочери. Она не умела молиться, и сердце ее разрывалось при виде страданий самых близких людей. Дед выжил. Дочь похоронили в Бухаре. Кто знает, сохранились ли эти могилы?

В 1925 году дед был демобилизован из рядов Красной Армии.

Но мирная передышка была недолгой. И уже утром, 23 июня 1941 года, он стоял с заявлением о добровольной отправке на фронт у дверей Актюбинского военкомата. Заявление не приняли. Убеждали, что его знания и опыт пригодятся в тылу. Но что-то, а упрямства у Павла было не занимать. И вот он уже помощник командира 86 артиллеристского полка, а затем, с декабря 1941 года помощник командира 76 артиллеристского дивизиона 101 стрелковой бригады. И снова потянулись военные дни. Только враг теперь был жестче, сильнее и мощнее. Только отступать теперь было некуда... И летели домой весточки с заснеженных полей под Москвой — о боях и минутах покоя, о сжимающем кольце и о первых победах. Тогда дед был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Великой Отечественной войны 2-ой степени. В мае 1943 года был помощником командира батареи 236 Невельской танковой бригады. Тогда же было присвоено звание капитана.



Я смотрела на его правую руку. Чуть ниже локтя — продолговатый шрам, напоминающий пальмовый листок. «Это от пули такие шрамы остаются. Мы тогда шли по Витебскому направлению. Под деревней Кодлово оказались свежие части фашистов. Полтора суток мы с ними бились, там меня и прихватил фриц проклятый. Ребята уже без меня прорывались. А я до конца 43-го в госпитале провалялся. И списали подчистую — сухожилие не работало, рука не сгибалась. Так и закончилась моя война. За тот бой многих наградили, и меня — Орденом Красной Звезды. Только ведь не награды главное — главное, мы Родину защитили, честь свою не растеряли и мир сохранили. Пусть только не будет войны. Все можно пережить. Война — самое большое зло на земле. Пусть больше никогда не будет войны» — говорил он.

Мой сын спрашивает «Мама, а что это за листки?» и я стараюсь объяснить ему, так же, как объяснял мне дед: как важно, чтобы на земле был мир, чтобы матери не плакали и не прятались в подземельях дети...

Я все помню, дед. И хочу, чтобы все помнили, тогда не вернется война!



*«У войны не детское лицо...»
С незапамятных времён мы это слышим.
Только пацанам, не встретившим отцов
Это мы не объясним и не напишем.*

*У станков стояли, на полях
Взяв не себя недетские заботы.
Так война, судьбу переломав
В одночасье прибавляла годы.*

*И по воле взрослых подлецов
Наполнялись юные глаза слезами...
У войны не детское лицо.
Мы должны об этом помнить с вами.*

Е.Емельянова



Зоряна

Мне в 1941 году было 10 лет. Мы гостили у родственников в Алма-Ате, как раз гуляли в зоопарке, когда по рупорам объявили, что началась война. Надо было провожать отца на фронт, и мы с мамой вернулись в Актюбинск. Хорошо помню этот день: отец сказал мне, чтобы я слушал ась маму и дал мне 30 рублей. Народу было много у вагонов. Вагоны были деревянные, скотские. Когда поезд тронулся все побежали за вагонами, кричали и плакали. Я бежала и спотыкалась, пока меня не остановила мама. Я потом долго смотрела на эти деньги, плакала, и мне казалось, что я вижу папу.

Помню, как уже в первые дни после начала войны мама и еще несколько женщин ходили по дворам и собирали для фронта вещи, продукты, кто что сможет дать. Я тоже часто ходила с ними. Люди много отдавали, ничего не жалели. Мама отдала нашу семейную реликвию, серебряную ложку, которую еще ее дедушка делал. Может пулями из нее хоть двух-трех фашистов убило.

И фашистов этих я видела, только пленных, в обмотках, а то и босые, голодные — мы им хлеба и пшенной каши давали, а то прямо смотреть на них страшно было. А пшенная каша нас всех спасала. Я ее, правда, сейчас есть не могу — так она мне тогда надоела. Зато все были сыты. Казахи нам очень помогали: всегда делились молоком, продуктами, хле-

бом. Хлеб давали по карточкам. Мы писали номерки на руке и в 5 утра приходили к военторгу и ждали, куда поедет будка с хлебом. Народу было очень много. Но никто никогда не ругался, не толкался. Был порядок, и никто его не нарушал.

Потом мы с мамой переехали в Алма-Ату. Там было очень много госпиталей, они разворачивались прямо в школах. Дети учились только на окраинах и в районах. Я училась в школе №36 за Никольским рынком. Учителя были очень хорошие, да и мы старались их не огорчать. Мне трудно давалась таблица умножения, и я ее записала на широком подоконнике нашего дома. Так и выучила: то в окно смотрю, то на таблицу.

А еще для нас старшекласники черепах собирали и для нас варили черепаший суп...

Зимой весь город был в черных полосках — из каждой форточки трубы буржук дымили. А летом столько было яблок, абрикос, вишни! И ведь не было случая, чтобы кто-нибудь без спроса сорвал хоть ягодку, понимали — чужое без спроса брать нельзя.

Помню булыжник на мостовой. Помню соседку — она приходила и плакала, когда я пела военные песни.

Папины 30 рублей я отдала маме. И вот надо же, через несколько дней я нашла 30 рублей. На них я купила бордовые поплиновые ленточки и всю войну вплетала их в косички. В них я и папу с войны встретила...

Зарница Петровна Бойченко — урожденная Гребенюк, 1930 года рождения, коренная актюбинка, долгое время работала массажистом в горполиклинике №1, на пенсии, имеет дочь, двух замечательных внучек, любимое занятие — разводить розы.





Мария Ивановна Кузина

— Дочка, да не надо ничего писать об этом. Пусть люди вообще про войну забудут.

— Нет, Мария Ивановна, нельзя нам забывать эти дни. Нельзя нам быть «Иванами, добра не помнящими», и знать о тех, кто принес нам мир, и жизнь мы просто обязаны.

— Только тогда мы будем единым народом. Где же началась ваша война?

— Мне только-только исполнилось 17, когда началась война. Я жила тогда в колхозе под Тамбовом. На фронт хотела, заявления много раз писала. Не брали, многих не брали, потому что не было никакой военной специальности. А потом нам говорили — кто же будет работать в тылу?

— Что делали в колхозе?

— Что делали? А все делали, что скажут. Дрова вручную пилили — девчонки молоденькие, мозоли кровяные сразу — а надо!

Мария Ивановна с грустью смотрит на свои руки. Смотрю и я: пальцы не ровные, покрытые паутинкой морщин. Сколько же вы вынесли, тоненькие девичьи пальчики? — зерно молотили, одежду для солдат шили, хлеб на волах да на быках возили. А они не слушаются, наплачешься, пока довезешь...

— Мария Ивановна, а что было самым тяжелым испытанием для Вас?

— Кушать всегда хотелось! Сейчас понимаю, голода все ж таки не было. Хлебушек нам выдавали по карточкам — 500 грамм на человека один раз в три дня. Взрослые могли растянуть, а у меня не получалось. Спрячу его за пазуху и по крошечке отщипываю. Думаю — ну совсем немножечко, а смотришь — нет уж хлебушка-то! И хлебаешь потом щи из лебеды, пустые... А то вообще я карточку потеряла — чуть с ума не сошла. Боялась даже сказать об этом. А за стол сажусь — всегда кусочек хлеба был рядом. Даже спасибо до сих пор не знаю, кому сказать.

Намного добрее люди были, чем сейчас. А оно ведь и должно быть такое, добро — без имени, просто — добро! На фронт все равно просилась, но так и не взяли. И сколько про нас не вспоминали, сейчас только начали говорить да труд наш оценивать. Да только мало осталось уже...

— Мария Ивановна, а как Вы думаете, можно сделать, чтобы не было войны?

— Люди добрыми должны быть друг к другу. Уважать, почитать должны. Тогда и война не начнется, а с кем воевать?

Мария Ивановна снова тихо плачет.

— Простите меня, за то, что разбередила Вам душу и спасибо Вам за мужество и труд, за юность, положенную на алтарь Победы.

Мария Ивановна Кузина — простая русская женщина, и на пенсии много лет продолжала работать, по-прежнему спешила на помощь людям. В 2008 году Марии Ивановны не стало.



*Скажи, солдат — а не было бы тыла.
То что тогда стал бы защищать?
Лишь жизнь свою? Но где бы взял ты силы,
Коль не стояли бы за тобой отец и сын,
жена, сестра и мать?*

*К чему тогда свершать сей подвиг ратный,
К чему лицом к лицу с врагом стоять?
В небытие он канет безвозвратно,
О нём никто не станет вспоминать.*

*Ты в бой идёшь. И ты прекрасно знаешь,
Что за спиной твоей — твоя земля,
Семья и отчий дом — и сразу понимаешь,
Что отступить тебе никак нельзя.*

*Ты победишь. Мы свято в это верим.
Ты крепок духом, беззаветно смел.
Тебе под силу справиться с фашистским зверем.
Ты сможешь защитить всё то, что ты имел.*

*Не можешь ты завет отцов нарушить.
Перед врагом и болью спасовать.
Веленьем времени войне ты отдал душу,
Ведь Родину и мать нельзя предать.*

Е.Емельянова



Матрена Петровна Юматова

Одна из немногих, кто сразу же согласился вспомнить тяжелые военные годы. Ей больно видеть, как многие из нас теряют человеческое лицо перед совсем небольшими трудностями, как часто мы не замечаем людей, которые нуждаются в помощи и поддержке, забываем свои корни и свою историю.

— Молодые мы были, даже самая трудная работа была нам за игрушку. Мы работали не за страх, не за справки и не за награды, некогда даже было думать об этом. Может, и награждали кого — я не знаю. Нам говорили — надо, вот мы и работали. На фронте-то еще страшнее было! Много мальчишек наших убежало в партизаны. Во время войны работала сначала на посевной, а потом на уборочной. В колхозе очень тяжело было. Я-то постарше была, а рядом и 10-летние работали. Очень тяжело было. В 43-м году меня направили с работы — я работала в кинотеатре «Пионер» (этот кинотеатр еще строил мой отец — Петр Ирницкий) под Москву, вместе со всеми я рыла окопы, подносила снаряды, тушила фугаски. Вот там был

действительно ужас! — Но люди работали слаженно, дружно. Получилась, что я и Москву защищала. Потом работала на строительстве железной дороги Актюбинск – Кандагач. Там и пальцы потеряла — отморозила (на левой руке бабы Матрены всего три пальца). Умирало много. Хоронили на старом кладбище. И работали. Делились и бедой и радостью, правда, чаще бедой. Люди друг друга жалели в то время. На заводе пришлось поработать. Рентгензавод, в то время, выпускал снаряды для фронта. Я там несколько месяцев упаковывала снаряды. Работали по 16 часов в сутки. Старики, дети — никто не жаловался. Беда заставит горшки лепить! — мальчишки в 13–14 лет работали токарями. Кто маленький ростом на ящик вставал... домой редко попадали. Спали возле станков, все на тех же ящиках спали. Прикорнешь на полчаса, и снова молотком стучишь. Командовал нами старик — дядя Леша. Умер он сразу после войны.

После завода я и в госпитале работала, он находился в бывшем здании обкома партии, ближе к улице Некрасова. Раненых много было. Там я до конца войны работала. Но мы успевали еще и фильмы трофейные посмотреть. В городе, в то время, показывали фильмы в двух кинотеатрах: в «Пионере» и в клубе железнодорожников. И артисты эвакуированные к нам приезжали. Не смог таки нас фашист проклятый ни рассорить, ни в тоску-печаль загнать. А все потому, что люди ответственные были. И как много было хороших людей.

Матрена Петровна Юматова — 26 марта 1926 г.р. Жила в г.Актобе, имела сына, дочь, внука. В людях ценила доброту и справедливость. В апреле 2011 года Матрена Петровна скончалась.





Мария Кузьминична Тарасенко

В августе 1940 года Маша Подолько вместе с одиннадцатью подругами — выпускницами акушерских курсов приехала из Орловской области (ныне Брянская) по распределению в Казахстан. Немного задержалась в Алма-Ате и вот она уже фельдшер Алексеевского медпункта Хобдинского района. Медпункт встретил молодую акушерку полупустыми медицинскими шкафчиками, почти полным отсутствием инструментов и оборудования.

Наверное, полагались молодому специалисту и квартира, и подъемные, да только Маша ничего не требовала. Она с детства была очень скромной. Но работать умела. Потянулись трудовые будни простой 18-летней девчонки с Брянщины. Кто жил в деревне, тот знает, что рабочий день там практически не заканчивается.

Маша проводила профилактические осмотры, делала прививки, принимала роды. И днем, и ночью готова была прийти на помощь.

К началу войны она уже заведовала фельдшерским пунктом и имела несколько благодарностей.

Не сразу узнала Мария о том, что началась война. Просто вызвали в военкомат, побеседовали, но на фронт не отправили сказали, что ее руки нужнее здесь, в тылу. Все продолжалось: и бессменная, без выходных работа фельдшера и еще много других обязанностей. Приходилось пешком ходить на вызовы — по тридцать и более километров. Ночью на бричках возили зерно.

Помещений не хватало под ток, тогда забивали двери в домах и в окна засыпали зерно. Особенно тяжелым был 1944 год — зерно не успевали убирать. Колосья прорастали и люди, собиравшие эти колосья, заболевали и умирали целыми семьями. Поэтому надо было собрать весь хлеб сразу. Сколько тысяч этих колосков прошли через ее руки? Считал ли кто? Сама Мария не думала ни о наградах, ни о благодарности. Знала — так надо. «За работу нам начисляли трудодни и даже платили зарплату. Но ее не хватало даже на два куса мыла. Хозяйке спасибо, хорошо помогала мне с питанием. Мы собирали заячий лук, конский щавель. Сусликов били. Да еще пшенная каша выручала. Люди все друг друга уважали, братское отношение было. А как объявили, что фронту помогать надо, так все и личные вещи сдавали, деньги, коров даже продавали. Ничего для фронта не жалели, все с душой отдавали, и друг с другом тоже делились. Днем и ночью, в любую погоду — работали. Хлеб-то, ой, как нужен был фронту! Однажды мы взяли ночью хлеб на ток, а в колесе что-то сломалось, или шина соскочила. Мы втроем телегу держали, чтобы зерно не рассыпалось, а одна женщина хвост у лошади перегрызла, откусила. Ну вот, этим хвостом колесо перевязали, да так и доехали. А ей еще стыдно было, просила, чтобы никому не рассказывали». Так и жила Маша Подолько, зная, что в трудную минуту всегда придут на помощь и ей, не оставят один на один с бедой.

Тяжело было думать о родной Брянщине, которую оккупировали фашисты. Там осталась мать и партизанил брат. В далеком Казахстане уже знали о зверствах фашистов и ужас неизвестности не давал ни минуты покоя. Только в конце войны, когда родные места вновь станут свободными, она узнает, что беда обошла ее семью. Дом сожгли, но мать осталась жива. Немцы забрали все, увели корову, но коровы тоже сумела убежать в другое село. Мама больше всего боялась, что в Германию угонят сноху, но она так измазывалась золой и заматывалась в тряпье, что даже односельчане не могли ее узнать. В конце войны Маша сумела навестить мать. «Страшно было смотреть на то, что сотворили с землей и людьми фашисты. Хотелось остаться рядом с мамой, помочь. Но меня ждала моя работа. Я же не дезертир. Поехала назад. И уже подъезжали к Акбулаку, как поезд вдруг резко встал. Испугались все. А оказалось — конец войне, Победа! А потом было всеобщее ликование. Мир».

Маша Подолько вышла замуж и стала Марией Кузьминичной Тарасенко. Родила троих детей и продолжала работать, теперь уже в городе, в роддоме №1. В ее трудовой книжке за 42 года трудового стажа такое же количество благодарностей за самоотверженный труд. Она ветеран труда, к 55-летию Победы у нее хранится поздравление Н. Назарбаева. Но самой ценной наградой Мария Кузьминична считает медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которую она получила 1 декабря 1946 года.

«На жизнь не обижаюсь, хорошая она была, хоть и трудная. Самое главное — надо труд любить, людей уважать, быть совестливыми» — говорит Мария Кузьминична. Спасибо Вам за Ваш труд, за Ваше уважение к людям, за то, что были надеждой и опорой бойцам Великой Отечественной.

Мария Кузьминична Тарасенко — живет в Актобе, имеет троих детей, шесть внуков и пять правнуков. Любит общение с людьми. Очень благодарна работникам роддома №1, которые никогда не забывают поздравлять ее с праздником.



*Заросли окопы травой
И они как раны болят.
Безутешной, горькой вдовой,
Навсегда осталась Земля.*

*Хоть давно замолкли бои,
И рассветы мирно встают
И лесам войны соловьи
До сих пор тревожно поют.*

*С каждым годом дальше война,
С каждым годом ближе закат
К тем, кто осушили до дна
Чашу горькой доли солдат.*

*Их забыть никак не могу,
Память за собою зову
Перед ними в вечном долгу
Я за то, что есть и живу.*

*С каждым годом меньше солдат,
С каждым годом больше могил,
И в победном мае парад
Не начать им с левой ноги.*

*Но не меркнет грет у погон,
И медалей солнечных блеск.
Я смотрю на Вечный огонь,
Словно на спасительный Крест.*

*Заросли окопы травой,
В травах умерла тишина.
Молча я стою сам не свой
Здесь, где прошагала война.*

*Тянутся в полёт тополя
Крыльями зелёных ветвей,
По погибшим плачет земля
Плачем всех живых матерей*

В. Мартыненко



Бальшим Кабаевна Кульжанова

Я родилась в 1930 году в селе Темри Ключевого района. Сейчас это Алгинский район. Нас было трое детей. Мама работала дояркой, отец кузнецом. Нас с детства к труду приучали. Техники никакой в селе не было, все делали вручную, Только радио слушали. Вот по радио и узнали, что война началась. А перед войной, помню, много самолетов в небе... и потом крик, плач по селу...

Уже осенью появились первые эвакуированные: поляки, молдаване, евреи. Молдаване научили нас шить сапоги из невыделанной кожи — постолы. Они быстро протирались и были скользкие, но все-таки это была обувь. Один старый еврей вместе с нами жил. Отца моего много раз забирали в военкомат, но потом он возвращался. Так этот еврей всегда маме говорил: «Его назад вернут, я сон такой видел». И правда, отец возвращался домой.

А в апреле 1942 года папу забрали. И нашему соседу уже не снился сон, что он вернется. Но папа не сразу попал на фронт, до октября он учился военному делу в теперешнем клубе железнодорожников. Я к нему часто ездила, на ишаке. Ишак был упрямый. Как-то раз я ехала вместе с пятью женщинами и дед с нами, он был высокий такой, и ноги длинные. Сел он на ишака, а меня сзади посадил. А ишак на полпути взял да и лег. У деда

ноги длинные, он стоит над ним, а я скатилась со спины и упала. Не подходила к нему больше! Зато посмеялись мы все тогда. Проводили отца. Многих из села проводили, да вернулись не многие. Брат отца, дядя мой, погиб под Сталинградом. Вечная ему память.

А для нас началась настоящая работа. На посевной и уборочной работали все: девчонки, мальчишки, казахи, русские, молдаване...

Я всех помню, кто вместе со мной на быках пахал: Адельчинова Кадиша — она уже умерла, а вот с Постоленко Прасковьей и Григорием и с Дельви́ф Денисом мы и сейчас общаемся, если есть возможность.

Пахали на быках. Сначала запрягали пару быков, потом пару коров и втроем шли. Одна быков ведет, другая коров, а третья плугом управляет. Нами, детьми, руководил дедушка Ахмет, слепой на один глаз был, но косы, плуги, лемеха отлично точил и учил нас пахать ровно, без огрехов. Сколько мы пахали — не считали. День пашем, ночью быков да коров Николай Пушкарь пасет. Он тоже на фронт хотел, но его не взяли — он был немой и пожилой уже. Мы сусликов вылавливали, чтобы они хлеб не уничтожали. На поле мы месяцами жили. Для нас строили земельные шалаша. Рыли, как большой окоп, по бокам настилали нары, сверху забрасывали досками, ветками и землей.

Жали хлеб лобогрейкой, тоже на быках, вручную обмолачивали катком — большим камнем с валиком. Лучшее зерно отдавали на фронт, остальное у нас на трудодни распределяли. Наш дедушка Ахмет и там успевал — сенокосилки он тоже точил, и лобогрейки. И председатель наш, Сапужан, строгий такой был, деловой, с раннего утра и допоздна с нами вместе трудился.

Зимой мы не работали, средней школы не было, и мы помогали по хозяйству. Бабушка научила меня вязать, и мы вязали для фронтовиков варежки, носки, шерсть пряли. В варежках провязывали вместе по три пальца, чтобы удобно было стрелять.

В 1943 году умерла бабушка, и мы еще не опомнились от горя, как пришла похоронка на отца. Но ее соседи спрятали, долго не отдавали, а потом от отца письмо пришло. Оказалось, что похоронка ошибочной была. Мы ее до конца войны хранили, как талисман, чтобы отец живым вернулся.

Мама много работала, была ударницей и ее за труд наградили теленком. Она его растила, чтобы устроить той, когда отец вернется.

О Победе мы тоже по радио узнали. Работу побросали, побежали в степь — отцов встречать. Матери наши и плакали и смеялись — так нам хотелось поскорей встретить своих родных.

Отец мой вернулся только в сентябре. Я тогда в колхозе кашеварила, так моей каши не дождались люди. Мама дома дожидалась, а я бросилась в соседний колхоз, за шесть километров, чтобы первой встретить отца.

Мальчишки дали мне лошадь, но мне казалось, что она движется очень медленно. Увидела я папу, через двор, через дастархан к нему кинулась, плачу, обнимаю и почему-то сразу говорю о том, что бабушка умерла. Обнял меня отец, и мы вместе домой отправились. Мама дома ждала. Соседи еще удивлялись — все своих родных шумно встречали, весело, пели, плакали, плясали. А она у порога поклонилась отцу, сдержанно поздоровалась, сказала только «С возвращением домой». Плакали уже потом. Рассказывали, вспоминали, радовались.

Потом была мирная жизнь. С помощью отца я сумела выучиться, окончить школу и институт. Но войну не забываю и сейчас. Ее нельзя забыть. Нельзя забыть и простое, незаметное мужество мальчишек и девчонок, детство у которых отняла война.

Кульжанова Бальшим Кабаевна — 1930 года рождения, учитель казахского языка в СШ №14, работник Казкниготорга, ветеран труда, отличник книжной торговли, вырастила сына и трех внуков, все свое свободное время отдает своей правнучке.





Катюша Бескоровайная

Мать с отцом приехали в Казахстан с Украины. Большая любовь у них была. Отца просватали за другую, но он воспротивился воле родителей, выкрал маму и приехали в село Семеновка, Ключевого района. Жить начали на пустом месте. Сами дом стоили, хозяйством обзаводились. Девять детей у них родилось, четверо умерло. С последним ребенком умерла мама, мне тогда было около трех лет. Беда тогда за бедой шла: сначала бычка прямо из сарая украли, потом корову увели, «Отец поехал в город, хотел продать картошку, но ее забрали, в счет недоданного налога. И даже два бруска хозяйственного мыла потом в поезде украли! Приехал тогда папашка — мы его папашкой звали — черный прямо, мы его таким никогда не видели, и говорит: «Ну все, дети, пропали мы теперь». Один единственный раз я отца таким видела. Но мы не пропали. Сестры мои собирали березку, сушили ее, потом перемалывали и делали лепешки. Собак далее ели и сусликов. Отец на работе ел суп только, а хлеб нам приносил. Очень он нас любил. Не бил, не ругал никогда. Когда я в первый класс пошла, мы

переехали в Алгу. Там ему женщина подвернулась, тоже с четырьмя детьми. Да не ужились они, потому что папашка стал замечать, что она нас обделяет. Потом опять корова у нас появилась, стали молоко продавать, немного легче жить стало. Старшие сестры Паша и Нюра замуж вышли, в Актюбинск уехали. Потом Вера устроилась на химзавод санитаркой, а я пошла в валяльный цех. Я была подмастерьем, нас дядя Вася учил. Он был старый очень, но справедливый. Я и сейчас смогу валенки свалить. А тут война началась. В 1942 году у сестры забрали мужа на фронт, папашка сказал, что ей надо помочь. Сестра работала в аэропорту, в подхозе, это нас летом очень выручало. У нее еще бахча была, и мне надо было два арбуза продать, а два домой нести. А арбузы были огромные, что я под них подползала и как на коромысле поднимала. Как-то раз, а там у нас рядом учебная часть была, солдаты у меня эти арбузы купили и потом долго еще покупали. Вот была радость — такую тяжесть на базар не нести! Зимой было очень тяжело. Сестра варила пшеничную баланду, тем и спасались от голода. Печку топили шлаком. Из-за этого шлака меня однажды так наругали, что я ушла пешком в Алгу, к отцу. Как этот путь прошла, не замерзла — до сих пор понять не могу. На мосту меня охранники остановили: «Стой, кто идет? — Я... — Куда? — Домой, к папашке. — Откуда? — Из Актюбинска». Хорошо, знали они отца моего, проводили к нему. Пожалел он меня, пожила я несколько недель дома и снова вернулась в Актюбинск. Там уже узнала, что муж сестры был зачислен в 312 стрелковую дивизию, но их эшелон не дошел до фронта, разбомбили его...

В 1943 году я пошла на рентгензавод сначала учеником токаря, потом учетчиком, потом попробовала работать экономистом. Но это было трудно с моими семью классами. Экономисту давали 400 г хлеба и платили зарплату. Анатолий Крушевский, кадровик, по моей просьбе перевел меня в пятый цех, прессовочный. Я его долго упрашивала, это был самый тяжелый цех, а мне только 16 год пошел, и была я совсем маленькая и худая. Так я этот здоровенный пресс на живот укладывала и так в два приема переставляла. Мы делали детали к подрывным машинам, работали по 12 часов. Наш начальник цеха, Котовский, сказал как-то, что пока норму не сделаем, домой он нас не отпустит. Мы с Катей Шевченко, моей напарницей, тоже сиротой, норму к утру только выполнили, а домой идти сил уже не было. Так на протирочном столе и заснули. Потом говорили, пришел он, смотрел на нас и плакал... не обижал нас никогда, подарки к праздникам всегда делал. Мне вообще на людей хороших везло. В прессовке выдавали 1 кг. Хлеба и пол-литра молока в сутки, и раз в месяц мы получали полкило настоящего сливочного масла. Паек получала сестра. Однажды я сама пошла за пайком, магазин был рядом с заводом. Несла я этот черный, тяжелый хлеб, отщипывала по кусочку, и не

заметила, как съела весь. Вот так до конца войны и проработала в пресовке. В начале 44-го года на завод прибыло пополнение — ребята с ФЗУ, по 14–15 лет. Все хорошо работали, потому что нет такого дела, которое человек не сможет выполнить.

А еще помню, был в Алге госпиталь, а рядом парк. И солдаты, выздоравливающие, туда на прогулку ходили. И нам хотелось туда сходить, а обуви не было. Так мы на носки грязь да землю налепим будто туфли — и идем. Только все равно прогоняли, бежали так, что только «туфли» отваливались по кусочкам.

Немцы у нас пленные работали. Строили завод ферросплавов. Живых немцев я не видела, только мертвых.

Умирало много, особенно зимой. Бывало, по пять-шесть саней возили на старое кладбище.

А потом была Победа. И слезы, и крики, и смех... не работали в тот день. Начальство вечером танцы разрешило устроить. И стали мы ждать возвращения наших родных, фронтовиков. С рентгензавода местные вернулись в Москву, остался Л.С.Малолетков, директор, А.А.Горшков — главный инженер и начальник производства Субботин.

А в 1947 году я познакомилась со своим будущим мужем Бондаренко Василием Петровичем и началась мирная жизнь.

Екатерина Андреевна Бондаренко родилась в 1927 году, после войны работача на заводе «Актюбсельмаш», воспитала троих дочерей; одна дочь живет в Красноярске, другая — в Челябинске, третья — в Актюбинске, зовут к себе, но она считает, что ее дом здесь, в Актюбинске.



*Зачем мы вспоминаем о войне?
Ведь это боль, и слёзы, и утраты.
И города, сгоревшие в огне,
И с поля брани не пришедшие солдаты.*

*Зачем мы вспоминаем о войне?
Кому нужны наши печаль и жалость?
Быть может тем, кто выжил в битве той,
Да только мало их совсем осталось...*

*Зачем мы вспоминаем о войне?
О ней давно уже забыть бы надо!
Да только не даёт покоя мне
Гремящая и ныне канонада.*

*Так памяти людской закон нарушив,
Забыв о детях, смерть отцов поправ
Богу войны свои доверив души
Идут на смерть солдаты сверхдержав.*

*Чтоб не слышала земля раскатов грома
Грома снарядов в ранней тишине
Чтоб мир и счастье воцарились в каждом доме.
Тоска разлук и боль от ран чтоб стала незнакомой
Для этого мы помним о войне.*

Е.Емельянова

Александра Макаровна Лысенко

АХ как колосилась пшеница какие крупные янтарные початки кукурузы зрели на полях! И лилась по вечерам песня, призывно играла гармошка да вторила ей балалайка. И в радость была работа на полевом стане — там, в Мартукском районе в поселке Рыбаковка начала свой трудовой путь баба Саша. Родители ее были с Украины, приехали на большие земли в поисках своего крестьянского счастья. Их радушно приняла наша казахстанская земля. Обжились, растили детей, с малых лет приучали их к труду. И маленькая Саша, окончив три класса начальной школы пошла, работать кухаркой, помогала на поле зарабатывать трудодни. Пришлось поработать и нянькой. В самом центре поселка был дом в который приносили и приводили детей самых разных возрастов а хозяйка получала за это трудодни Она же и сторожила этот импровизированный детский сад. Кем только не побывала молоденькая Сашенька которой к 1941 году едва исполнилось 15 лет! А в начале лета 1941 года пришел к ее отцу руководитель животноводческой бригады. «Ну что Макарий Игнатич а дай-ка мне свою дочку в доярки. Я ей сначала 7 коров вместо 11 дам самых смиренных пусть учится!» — Отца уговаривали долго, очень ему не хотелось отпускать Сашу работать. Но Саша сказала свое решительное «Я приду» — и уже через два дня опухли пальцы, опухли и перестали слушаться, по утрам гудела голова, но Саша продолжала работать. А через 11 дней началась война. В поселке стало пугающе тихо и тоскливо, уже не слышно было звонкой балалайки, молодежь перестала собираться в клубе. А потом стали уходить из домов мужчины. Плач стоял в каждом доме, и казалось, что плачет сама земля.

Баба Саша плачет и сейчас. Она вытирает красные глаза кончиком платка и рассказывает.

«Остались в поселке лишь женщины подростки да старики. Всем находилось дело. Часто обращались за советом к старожилам — и убеленные сединой старики шли на ферму, на поле, на ток и учили нас работать. Все люди были нужны, и каждый знал, что ему всегда помогут и поддержат. Работали сутками. Хлеб грузили, бывало до 4-х часов ночи, а потом за несколько километров шли коров доить. Шли пешком, жевали траву, чтобы не заснуть. И днем не удавалось отдохнуть — надо было базы мазать, готовиться к зиме. Пасли овец, свиней, вязали носки да варежки для фронта. Пахали на коровах да на увечных лошадях — хороших коней сра-

зу забирали на фронт. Еще кисеты для солдат шили. И каждый думал, а вдруг моему сыну или мужу попадет? Вагоны с хлебом для фронта шли непрерывным потоком, и со своих огородов люди несли совершенно добровольно овощи, картошку, зерно, муку. Для себя сажали кукурузу, фасоль, чечевицу, картошку опять же — надо было выживать. На каменной мельнице — такую сейчас только в музее увидишь — мололи муку, смешивали с картошкой и кукурузой и из этой смеси пекли лепешки. Тыква еще нас очень выручала, да корова, хотя корову прокормить было очень трудно — сено ведь тоже отправляли на фронт. Когда отца забрали, нас было пятеро, а потом родился мой самый младший братишка — его отец уже не увидел. И как же жутко было всем нам слышать его вопрос — А почему у меня нету папы? Я помогала матери его выкармливать — тайком давала сырое буренкино молоко. И все таки нам, коренным жителям, было конечно, чуть-чуть полегче, чем всем остальным.

Уже к концу 1941 года к нам в Рыбаковку прибыли первые партии эвакуированных — это были немцы, чеченцы, молдаване, поляки. Особенно страшно выглядели чеченцы — исхудавшие, разутые, раздетые, с огромными голодными глазами. Они ловили сусликов и ели калачики — это трава такая, её много росло на полях и огородах. Всех их расселяли по домам, никто и не думал отказываться. Мы жили тогда в землянке на две комнаты, так вот в одной разместили шестеро поляков, а в другой — шестеро нас с мамой. Жили дружно, все были наши, родные и даже немцев никто не обижал. И воровства никакого не было, скот у всех, считай, на улице стоял, и не пропадала никогда ни скотина, ни лопата, ничего.

Мы не стонали, не жаловались, каждый понимал всем своим существом, что так надо, что иначе нельзя. В 1944 году меня направили на трудовой фронт в Актюбинск. Я работала подсобницей в «Актюбугольтресте», в шахтах в Курашасе. Нам выдали только галоши и бахилы. В них было очень холодно, и сильно болели ноги.

Сейчас стыдно вспоминать, но я и еще несколько девчонок сбежали назад в колхоз. Нас называли дезертирами и вернули обратно. Ничего, привыкли и к этой работе. Я стала получать рабочую карточку — в месяц по ней молено было получить 400 грамм сахара, иногда масло, а вот чёрный хлеб давали по 700 грамм в сутки. Однажды я привезла домой трёхмесячную пайку сахара, и мой младшенький братишка Володя долго боялся его даже попробовать. Пришлось силой засыпать ему в рот сладкое лакомство. Распробовав, он стал долго просить у мамы — то, что Саша привезла.

8 мая по репродуктору — мы его называли «шапка» — объявили о Победе. По всем поселкам нашего района проехал уполномоченный и сообщил о том, что кончилась Война. И снова были слёзы горя — ведь с нашего

посёлка не вернулось больше половины мужчин... И это уже нельзя было изменить. Исчезла, растаяла последняя надежда, что придёт ещё письмо, что постучит в ворота пусть израненный, но живой...

Надо было пережить и это. Надо было жить дальше. Уже в июле мы стали встречать своих первых фронтовиков. В ноябре пришел мой будущий муж, которого я знала только по письмам. Он был из соседнего посёлка Шевченко, воевал вместе с моим двоюродным братом, он и погиб на его глазах.

Мы поженились в 1948 году и уехали в Иваново. Но там прожили недолго, вернулись на свою Родину, где столько пережито и хорошего и плохого. Мне сейчас кажется, что, несмотря на боль и утраты, мы жили лучше, чем сейчас. Добрее и честнее были люди, Никогда не кривили душой и помогали друг другу. И мы все вместе хранили и оберегали свою Родину — Советский Союз.

Пусть больше никогда не будет войны — это самая страшная беда на свете».

Лысенко Александра Макаровна проживает сейчас в старой части города Актобе. С ней рядом её трое детей и 5 внуков. Она не терпит лжи, грубости и жестокости и с теплом вспоминает доброту людей военных лет.



БЫЛА ВОЙНА

*Давно ушла в историю война
И строй её участников редееет,
И скоро не с кем будет вспоминать
Всё то, что должно помнить нашим детям.*

*Как школьные учебники скупы!
На три листа война в четыре года.
Но до сих пор ещё клубится пыль
На тех дорогах, от того похода.*

*Была война. Да, да, она была!
И надо бы об этом крикнуть громко.
Как матери метались по углам,
Когда в дома стучались похоронки.*

*Как сена стог горели города,
И дождь хлестан свинцовый с диким свистом.
И в реках кровь текла, а не вода,
И это помнят Днепр, Дон и Висла.*

*Война неслась лавиной огневой,
И никого она не пощадила.
Солдат из камня — вечный часовой
Стоит над каждой братскою могилой.*

*Историки напишут свой трактат
Скупым и жестким словом строгих судей.
Мне в каждой строчке видится солдат,
И в каждой дате миллионы судеб.*

*Пускай зарос травой фашистский дот
В грязи болот навек увязли танки,
Не кончилась война — она идет
Пока в лесах солдат лежат останки.*

*Сегодня мир натянут как струна,
Погряз он в мраке злобы и обмана.
Как видно, миром правит сатана,
И вся земля одна большая рана.*

*Медали продаются, ордена,
Политые солдатской кровью, потом.
И в лик святых возводят имена
Всемирных палачей и идиотов.*

*Дошло к нам эхо той большой войны
Сегодняшней Чечней, Афганистаном.
И рвутся нервы у моей страны,
И стынет сердце у телевизора.*

*А люди продолжают воевать,
Забыв извлечь из прошлого уроки.
В слезах забьётся снова чья-то мать,
С бедою повстречавшись на пороге.*

*Когда придёт покой и Тишина?
Наверно, одному известно Богу...
Давно ушла в историю война,
А пыль ещё клубится по дорогам.*

В.Мартыненко



Нина Степановна Сегеда

Она родилась 18 марта 1929 года. Очень гордится этим, так как 18 марта — это день взятия Бастилии. Считает, что это черты ее характера — чувство долга, честность и порядочность. Ее родители были родом с Украины, а в Казахстан переселились по Столыпинской реформе. Село Благовещенское, Темирского района, Актыубинской области стало их Родиной. Нина Степановна осталась верна Советскому времени.

Она помнит все. Помнит страшные картины детства, особенно 33 год. Отец работал на железной дороге, но его заработок не спасал от голода. Все были опухшие, хуже всего было младшей сестре. И только благодаря мудрости матери им удалось выжить тогда.

Никто и не мог предположить, что совсем скоро новая беда придет на нашу землю.

Нина Степановна вспоминает: «В 1941 году я перешла в 6 класс и летом мы жили с семьей брата отца в колхозе имени Шевченко. Когда началась война, неуловимо изменились лица людей — вроде улыбается человек, а улыбка выходит грустная, напряженная. Молодые не верили, что это надолго.

Летом 41 года мы еще травили сусликов, чтобы они не съедали зерно. Мы еще не знали, что уже через год это будет основная пища для людей.

Начиная с 1942 года, все школьники работали: кто в подсобных хозяйствах, которые были у каждого предприятия, кто на заводе, кто на полях. Я работала в подсобном хозяйстве паровозного депо, которым руководил Житников Семен Иванович. Работали мы за большую награду — тарелку супа в

обед, которую можно было забрать домой. Спасибо этим хозяйствам — картофель и овощи очень нас выручали. О фруктах мы могли только мечтать.

Главный деликатес у нас был — кусочек хлеба, величиной со спичечный коробок, небольшая добавка к суточной норме. Не было ничего вкуснее! Однажды наша учительница по географии потеряла хлебную карточку, и весь класс целую неделю отдавал ей эти драгоценные кусочки. Хлебные карточки выдавались на неделю, ведь если потеряешь карточку на целый месяц, это будет непоправимая беда. Очередь за хлебом занимали с вечера. До полуночи стояли дети, потом их сменяли родители. Не было споров и ссор — эта очередь напоминала очередную трудовую вахту.

В нашем классе очень много читали. Наши учителя сумели убедить нас, что образование — это тоже вклад в борьбу с фашистами. Времени свободного не было совсем, зато потом, во время работы мы рассказывали друг другу прочитанное, и становилось легче работать. Я даже плакала, когда мама отбирала у меня книгу и разрешала делать только уроки. Это потому, что вместо электричества в нашей хатене горела керосиновая лампа-коптюшка, а керосин надо было экономить.

У нас с осени 42 года жили эвакуированные. Я хорошо помню мужчину-врача, он работал в больнице, а домой к нему приходили часто казахи, чтобы вылечить голову. Этот человек даже ночью всегда вставал и помогал людям.

В конце войны я увидела и военнопленных, тех самых «фрицев», которые напали на нас. Их посылали работать и на завод, и на стройку, и в подсобные хозяйства. Они еле тянули ноги, норму не выполняли и получали в день всего 200 грамм хлеба. У нас к ним не было не только ненависти, а даже неприязни, мы их жалели и иногда подкармливали.

А в Победный 1945 год сама природа сделала нам подарок — небывалый урожай мы собрали. На трудодни заработали целую машину зерна.

После войны много всего было. И отмена хлебных карточек, и голод, и учеба. Эту жизнь, это время я всегда вспоминаю с теплотой: пусть было трудно, но каждый знал, что рядом находятся люди, которые помогут выстоять и выдержать. И мне очень больно сейчас видеть, как разрушено то единство душ, которое было у нас. Об этом ни в одном учебнике не напишешь, но этого нельзя забывать.

Сегеда Нина Степановна проживает сейчас в городе Шостка Сумской области. 1 мая всегда ходит на площадь, отмечает праздник труда и единства народов. 9 мая для нее святой день радости и поминовения. Болеет душой за разрушенную экономику. С нетерпением ждет выхода сборника, чтобы прочитать его младшему внуку.



Раиса Сергеевна Яхненко

Жизнерадостная словоохотливая женщина, общаться с которой огромное удовольствие: настолько она полна оптимизма, доброты и веры. Она перебирает старые фотографии и перед моими глазами оживают все те, кто был близок Раисе Сергеевне, а на листах бумаги появляются новые и новые строчки: странички еще одной детской военной судьбы.

«Сложно судить о трудности того времени в тылу. У нас ведь не было бомбежек и танками нас не давили. Но все же беды хватало — хоть отбавляй. И несмотря на это, я считаю, что детство мое — счастливое.

В 1941 году мне исполнилось 10 лет. Но я не могу начинать говорить о себе, не вспомнив тех, кто дал мне жизнь, вырастил меня, научил добру и справедливости, кто был всегда рядом.

Мои родители переселились в Казахстан по Столыпинской реформе. Переселенцы шли пешком, целыми деревнями. Так потом и расселились на отведенных местах. Мои отец и мать жили в соседних селениях — деревне Пригородня и поселке Луговой. Отец был из бедной семьи, не мог даже ходить в школу, потому что на всю семью были одни сапоги. Читать и писать он научился уже на службе в армии. Мамочка моя росла в более благополучной семье — у нее был грамотный дедушка, который хорошо умел вести хозяйство, а бабушка была целительницей. Мои родители по-

женились в 17 лет. Мама очень быстро втянулась в городскую жизнь. В Актюбинск папа стал работать на железной дороге и уже через два года его послали на учебу в Ленинград в школу усовершенствования командного состава — ШУКТС. Вот он в форменной одежде на фотографии — смотрите, какой он строгий и собранный! После окончания школы папа начал работать в Оренбурге, но по доносу был репрессирован. Мама пошла работать истопником, чтобы хоть как-то прокормиться. Нам повезло — между допросами в коридоре папу узнал его бывший одноклассник, дело его пересмотрели, разобрались и через семь месяцев папа вернулся к нам. Он стал работать на элеваторе начальником охраны. Папа всегда говорил, что в Казахстане мы бы не выжили, если бы нас не поддерживало местное население — казахи. Молоко, сметана, тара, дружеское участие — это не измержается никакой мерой и не стирается в памяти.

Началась война. Папу на фронт не брали. Он продолжал работать инспектором охраны. Это был настоящий фронт — с диверсиями, с подлостью, с предательством. Папу несколько раз пытались убить, топили, поджигали. Он приезжал с работы и плакал. Страшно было смотреть, как сильный мужчина плачет. Я и сейчас вспоминаю эти минуты с содроганием. А еще я помню его предупреждение: ни в коем случае не брать ничего у чужих людей, если они говорят, что это от папы. Он говорил, что всегда сам принесет, если будет можно. Отец был настоящим службистом, ответственным, преданным Советской власти.

Во время войны мы жили по улице Дзержинского. Рядом с бывшим нашим домом сейчас памятник Алие Молдагуловой. Мы жили, а эвакуированные жены военных рядом с нами. Напротив нас располагались мастерские, там работали женщины — полячки. Им приходили посылки с яичным порошком и сухим молоком, они нам часто давали попробовать. Мы не голодали, нас хорошо спасала всякая живность, особенно куры и хрюшки. Самое страшное было — это холод. Топили шелухой, кизяком.

Вот представьте — раннее утро. Мама выгоняет корову к элеватору и бегом бежит к госпиталю, чтобы набрать кусочки недогоревшего угля и растопить печь. Без этих угольков шелуха не разгоралась. Тепла от такой печки хватало часа на два, потом мы снова мерзли. Мама шила телогрейки, брюки, спецодежду для рабочих — вот стоит машинка, на которой она работала.

У железнодорожников было подсобное хозяйство в Россовхозе, там мы пропальвали овощи, собирали картошку.

Иногда нам разрешали взять немного картошки, мы брали, но всю ее отдавали эвакуированным и тем, у кого не было ни огорода, ни подсобного хозяйства. Так делали и мои родители, и все вокруг нас. Мы жили очень дружно. Нечего нам было делить и незачем ругаться и ссориться.

Под яром тоже были огороды. Там сажали в основном капусту. Ее надо было часто поливать. Поливали овощи из копанок. Это ямы, из которых надо было сначала вытащить несколько ведер песка, только потом появлялась вода, которой мы и поливали. Наберешь два-три ведра, а там уже снова песок...

Больше всего не хватало нам мыла, хлеба и сладостей. Хлеб был по карточкам, все равно не хватало. Приходилось спать по очереди, записывать номера, чтобы получить свой паек.

Мама брала яйца, сметану, делала кисляк и ходила к поездам, выменивала его на хлеб и на хозяйственное мыло. А для лица сама варила мыло из сметаны и каустической соды.

Главным лакомством были жареные семечки и сахарная свекла — папа получал как паек. Сахара я всю войну не видела. Чего только не делала мама из свеклы — и мед варила, и запекала ее, и пирожки пекла, и квас делала. Я только недавно снова стала варить борщ со свеклой — настолько она мне надоела.

Работали мы и в госпитале, в этом здании сейчас находится старый роддом. Мы сворачивали бинты в рулончики, их потом стирали. У меня был крупный почерк, и я часто работала писарем — писала раненым письма домой.

К своим 10 годам я умела все делать. Главное слово у меня было — сама. Так меня и мама называла. А моя крестная называла меня муравейником. Однажды я сварила борщ для женщин, работающих на прополке. Варила на улице, в большом котле. И, пока ходила домой за посудой, цыганята через дыру в заборе вытащили прямо из котла курицу и убежали. Я плакала потом, а все смеялись и меня не ругали. Вообще, я не могу припомнить ни одного случая, чтобы люди ругались, завидовали друг другу. Вот ведь у многих на фронте уже погибали мужья, сыновья, а моего папу никто никогда не упрекал, что он не на фронте.

Я училась в 45 школе. Это была железнодорожная школа. О детях заботились, ОРС обеспечивал продуктами. В пятом классе я была вожатой и помню, что школьникам младших классов на 7 ноября, Новый год и 1 мая обязательно делали подарки. Мы упаковывали подарки и для фронтовиков. Там было много вкусного, даже шоколад! Но никто, самые хулиганистые мальчишки, его не трогали даже пальцем. И об этом не нужно было и предупреждать. Приносили из дома вязаные вещи для солдат. Долго смеялись над одной девочкой, которая не объяснила бабушке, как надо вязать варежки и принесла варежки обыкновенные. А надо было с двумя провязанными пальцами, чтобы удобнее было стрелять. Наши учителя всегда были рядом с нами и мы воспринимали их, как своих родителей. Это и Казанская Александра Николаевна — учи-

тель литературы, изумительный педагог и просто человек. Это и Петр Георгиевич, который учил нас и математике, и игре на скрипке. Это и Мих.Мих — бессменный руководитель нашего хора. Они учили нас быть настоящими людьми, защищали и оберегали нас. Они учили нас человечности. Среди нас разные дети были: и из репрессированных, и сироты, и зажиточные — всякие. Все были вместе, никого не разделяли и не выделяли — ни родители, ни учителя этого не позволяли. Какими мы были лучше всего сказать словами гимна учеников нашей школы того времени:

*Горят глаза и светлы наши лица
И наши души радостью полны
Тобой всегда, везде будем гордиться
И мы всегда тебе будем верны.*

*Просты и честны педагоги наши
Своей Отчизны верные сыны
И нет девочек, чтоб были наших краше
И нет ребят, счастливее, чем мы.*

*Почетный труд, общественно-полезный,
Мы свято чтим, традиции храня
В нас много сил и выдержки железной
В нас очень много юного огня.*

Припев:

*Горя огнем, улыбками сверкая,
Твои успехи множим с каждым днем
Тебя мы любим, школа дорогая,
И мы с тобою вместе в жизнь пойдем.*

В 45 году я заканчивала седьмой класс. Предстояло сдать 11 экзаменов. У меня порвалась обувь, и мама сшила мне стеганые сапоги. В них я провалилась под лед и тяжело заболела. После болезни я пришла в школу рано утром 9 мая. Что творилось в этот день на улицах! На каждом углу гремели черные громкоговорители, в домах открыты все окна! Чужие, свои, знакомые, незнакомые люди обнимались, плакали и смеялись, целовались... Начинали и прекращали петь, плясали... Мы тоже кинулись к окну и так рванули его, что оно разбилось. Подошла наша директриса, обняла нас и заплакала.

А осенью я снова пошла в седьмой класс.

Судьбу можно судить по-разному. Настает время, и беда никого не обходит стороной. Надо только научиться видеть хорошее и не сгибаться под тяжелой ношей. И надо уметь любить людей. Я все— таки была ребенком и больше всего тягот вынесли мои родители. Но я была любимой и любящей. Меня любили родители, брат, муж, дети, внуки. Я счастливый человек. Больше всего я хочу, чтобы наших детей не коснулись ужасы любой войны».

Счастливый человек Раиса Сергеевна всю жизнь проработана в железнодорожном техникуме. В1953 году закончила Алмаатинский институт иностранных языков. Муж закончил военное танковое училище в Батуми. В 2000 году трагически погибла вся семья. Осталось пятеро внуков и двое правнуков — Миша и Этери. Раиса Сергеевна называет их «мои крылышки».

Яхненко Раиса Сергеевна всегда спешит на помощь людям. Ее дом гостеприимно открывает двери и друзьям, и хорошим знакомым, и просто соседям. Не забывают ее и в железнодорожном техникуме — навещают, приглашают на торжественные мероприятия, поздравляют с праздниками.



Лидия Сазоновна Запорожец

Родилась пятого марта 1930 года. Коренная актюбинка. Ее родители тоже родом с Казахстана. Отец — выходец из простой семьи, потомственный рабочий. Мама — черноглазая красавица с длинной косой — закончила сельскую церковноприходскую школу, была простой домохозяйкой. Мама очень много знала и когда маленькая Лида декламировала стихотворения Пушкина, мама могла продолжить читать с любого места. Знала много сказок, пословиц, поговорок. В семье родилось девять детей, но в живых осталась единственная — Лида. Лида была маленькой быстрой девчушкой с ярко-голубыми, как у отца, глазами. Маме казалось, что именно поэтому она и выжила.

Глаза у Лидии Сазоновны и сейчас по-молодому задорно блестят.

Что война,— говорит она, выжили, и еще раз выжили бы. Потому что люди были... во какие люди были, и показывает большой палец.

«1941 год. Мы жили где-то в районе Курмыша. Бегали на улице, играли... И вдруг как-то разом во всех домах пооткрывались двери и наши родители кричали: Дети, домой, беда большая! Ринулись мы по домам, а там из черного репродуктора голос Левитана сообщает о нападении Германии и о начале войны.

Сразу же начался набор на войну. В первые месяцы забирали мужчин только до 55 лет. Моему отцу как раз исполнилось 55, но он пошел добровольцем. Не мог он сидеть дома, когда другие воюют. На фронт его не взяли, отправили на пороховой завод в какой-то северный город. Там было очень тяжело работать, потому что газы вызывали отравление организма. Заболел и мой отец. Его отпустили домой. Больше месяца он добирался до дома, ехал на крышах поездов, голодный, больной. Домой он приехал совершенно разбитый и вскоре умер.

Много горя мы хлебнули...

Голодали. Ели макуху — проваренный в кипятке жмых. Мама варила макуху во дворе, в большом котле. Немного полегче стало, когда мы купили двух козочек — Катю и Зою.

Моей обязанностью стало пасти и кормить козочек. Я очень боялась, что они убегут и постоянно кричала «Катя, Зоя», меня потом в классе дразнили «Казоя». Козочек вычесывали, и, как только набиралось нужное количество пуха, мы с сестрой садились его перебирать. Я должна была выбирать жесткие волосы. После этого мама вязала носки и рукавицы для фронта. Мы очень много послали на фронт рукавиц и носков.

Старшая сестра добилась, что бы ее взяли в токарный цех на Рентгензаводе. Домой она приходила только на три часа, сразу засыпала, а мы все старались не шуметь. Она никогда не жаловалась, говорила, что делает самые лучшие снаряды, без которых очень трудно солдатам.

Трудно было без хлеба. Чтобы получить хлеб по карточке, надо было с вечера занять очередь, простоять всю ночь. Особенно тяжело это было зимой.

Я училась в 45 железнодорожной школе. Это была единственная школа в городе, которая отапливалась. Уголь нам давали путейцы. Только у нас можно было сидеть в классах без пальто и варежек. В начале 42 года военные подарили нашей школе большой котел. В этом котле варили рассольник и на большой перемене мы ели его из алюминиевых кружек. Чуть позже к рассольнику стали давать маленький кусочек хлеба.

Мы старались хорошо учиться, отмечали все наши праздники и особенно день рождения В.И.Ленина.

Совсем тяжело стало в 1943 году. У старшей сестры родился ребенок. Наши козочки или убежали, или их украли — не стало молока. В это время собирались домой наши соседи — эвакуированные с Полтавы. Они уговорили нас переехать на Украину.

Приехали. Полтава полностью разрушена, работы нет. Переехали в Миргород, потом шесть километров шли пешком и остановились в колхозе. Жили там в большой комнате, в каждом углу разные семьи. Работали за трудодни, по которым выдавали свеклу, картошку, хлеба не было. Я очень хотела учиться. Поэтому сестра перевезла меня снова в Миргород и поселила у какой-то бабушки за мешок картошки в год. Первое время я ходила в школу босиком по стерне, в кровь изрезала ноги. Меня часто дразнили — кацапюрочка, тебе не в седьмой, тебе во второй класс надо! Украинский язык тоже давался мне с трудом. У украинцев было такое контрольное слово — поляныця — буханка хлеба. Так проверяли, умеет ли человек говорить на «украинской мове». Я до сих пор не могу сказать это слово правильно. Но скоро я пошла в русскую школу, там было конечно легче.

Люди помогали друг другу. Я вспоминаю интересный обычай под Новый год на Украине. Мы брали большой мешок — лантух и ходили по домам. Читали разные присказки, например: Щедрик, ведрик, дайте колбаски! А колбаска не така, Дайте, дядьку, пятака!

Колбаску и пятака нам, конечно, не давали, зато от души накладывали пирожков с фасолью. Ничего не было вкуснее и сытнее этих пирожков!

И хоть и ждали все с нетерпением конца войны, и верили, что уже вот — вот наступит наша Победа, все равно весть о ней была и радост-

ной, и неожиданной. Снова раскрылись все окна и двери, снова весь народ высыпал на улицы... Но уже не с замиранием от предчувствия беды и горя, а с великой, всеобъемлющей радостью. Пели, смеялись, танцевали... И стали ждать. Ждать возвращения своих отцов, мужей, сыновей.

Уже в июне потянулись первые эшелоны с солдатами. Солдаты ехали в теплушках и на крышах, веселые и голодные. Встречали всех: и своих, и чужих. Каждый день к эшелонам собирались местные жители и бежали к солдатам с хлебом, квасом, пирожками, несли все, что могли, старались накормить и приласкать.

Вот так закончилась война и началась мирная жизнь».

Лидия Сазоновна Запорожец всегда стремилась заниматься наукой, изобретать, искать новое. Закончила Казанский университет. Кандидат технических наук. Так сложилось, что Лидия Сазоновна не имела своей семьи, но ее нельзя назвать одинокой. Она продолжала работать и приносить пользу. Свой трудовой и жизненный путь Лидия Сазоновна закончила доцентом одного из первых частных ВУЗов Казахстана – университета «Дуние». Светлая ей память!



Зарина Букаевна Нуржубаева

Аксырга Букаевна Буктыбаева

Это две сестры Есеновы. Старшая, Зарипа, родилась 5 июля 1931 года, а Аксырга появилась на свет в военный 1942 год, первого апреля.

В годы войны семья Есеновых жила в России. Есть такой колхоз «Трудовой актив» в Соль-Иледком районе, Оренбургской области. Богатое разнотравье, перелески, яркие цветы, ручьи и речушки — обо всем об этом с огромной теплотой вспоминают сестры.

Отца не взяли на войну по болезни, он работал в колхозе: сторожил поля, помогал убирать урожай. Мама управлялась по дому, помогала отцу. Рассказывала замечательные сказки, сочиняла стихи. Стихи были очень хорошие, мама сочиняла их очень быстро. Аксырга Букаевна жалеет, что не записывала их.

Воспоминания Зарипы-апай похожи на кусочки мозаики, из которых складывается картина ее военного детства.

«Когда началась война, все провожали отцов. Долго провожали, с караваем, с напутствиями. Желали скорого возвращения. Мне было девять лет. Отец остался с нами, на войну ушел его младший брат. И мы стали ждать его возвращения.

Я не училась. Не было возможности: ни обуви, ни носок, ни варежек. Даже школьной сумки не было у меня.

Работала в поле. Взрослые женщины запрягали по четыре пары быков и пахали поле. Мы шли сзади и поправляли плуги. Собирали сено, хлеб. Вручную работали на веялке — целый день стояли на ящике и крутили ручку. Потом я прямо в платке, на тело насыпала зерно и приносила домой. У нас был очень хороший председатель, Петр Тыщенко. Он всем помогал, жалел нас. Мы работали за «палочки»-трудодни, за них расплачивались только осенью.

Отец сторожил поля с тыквами. Осенью тыквы укладывали в ямы. Тыквы вырастали просто огромные, я их не могла поднять. Ими расплачивались за наши трудодни. Мама пекла их потом в печке. Как-то был урожай арбузов. Мы их собирали, скатывали в кучу, а женщины перетирали и варили арбузное повидло.

Много было ежевики. Мы ели ее, не думая, что из ежевики можно варить варенье и компот. Однажды тетя Зина, заведующая фермой, попросила меня набрать ей ведро ежевики. За это она дала мне сметаны — какая же это было радость!

Наш поселок стоял на горе, а внизу были базы. Во время паводка их затопляло, зато после паводка мы ведрами и руками собирали рыбу из ям. Перебирали землю после сбора картошки, собирали всю оставшуюся мелочь. На стане варили овсяной кисель. Мы его пили сквозь зубы, выплевывали колючую шелуху.

Весной собирали оставшиеся колоски и жарили их. Ели, а потом покрывались волдырями. Правда, никто от этого не умер. Уже позже нам стали обменивать эти колоски на хорошее зерно, которое мы жарили. Наверное, старые колоски для чего-то использовали.

С Аксыргой нянчилась. Ходила с ней на речку. Наберу ей лилий, она с ними играет, пока я купаюсь. Мама ведь весь день должна была на поле работать.

Коров пасли. Пасли босиком, а кругом ящерицы, змеи — ничего не боялись. Я дома брала горсточку муки, в поле подоишь немножко корову, сделаешь затируху, так и питались — коровы травой, а мы — затирухой. Я так хорошо научилась коров доить, что после войны запросто управлялась с 20 коровами.

Света не было, делали фитилек из ваты и жгли. Топили печку зеленым тальником и корой деревьев. Однажды чуть не сгорели — вспыхнула кора, сложенная возле печки. Мамке кричу — Шайтан пришел! — еле погасили.

В одной комнате две семьи жили. Никто не ссорился, дети не дрались. Что есть, то одевали, что было, то кушали. Все так жили. Ругаться и скандалить некогда было. Все работали.

Как-то не ели три дня, а потом с одной лепешкой по очереди чай пили.

Аксырга рано научилась ходить и мы ее один раз чуть не потеряли. Она уже почти дошла до леса, хотела, наверное, ежевики поесть. Хорошо, что мы на стан с отцом ехали и увидели ее.

А потом война кончилась. Помню черное радио, откуда услышали весть о нашей Победе. К нам в колхоз приехал большой начальник, Захар его звали. Его встречали торжественно, он потом собрание проводил, поздравлял всех. Плакали, смеялись, кто как мог, так и отмечал Победу. Папин младший брат дошел до Берлина и вернулся домой. Я радовалась больше всех, потому что он привез мне подарок — красивое платье.»

Зарипа-апай живет в Актобе. У нее семеро детей, десять внуков и трое правнуков. Апай, как настоящий командир, держит их в строгости. Дома у нее всегда много народу.

Аксырга Букаевна — кандидат сельскохозяйственных наук. Несмотря на возраст, Аксырга Букаевна до сих пор востребованный преподаватель в ВУЗах г. Актобе.

Малика Калиевна Душакова

Родилась 10 мая 1940 года в городе Эмба Муголжарского района Актюбинской области. В семье Малики родилось 14 детей, но все они не доживали до годовалого возраста: болезни, голод, необходимость матери сразу же выходить на работу делали свое черное дело.

Детские воспоминания Малики тесно переплетаются с рассказами матери о войне.

Мама Малики работала на конюшне, за маленькой Маликой присматривала старшая сестра. Жили очень бедно, не было одежды, очень хотелось маленьким девочкам сладостей и фруктов, но не хватало даже хлеба. Мать получала как продуктовый паек овес. Этот овес девочки вместе с матерью вручную мололи на зернотерке. Перемалывали несколько раз, чтобы полностью смолоть и овес, и оставшуюся шелуху. Маленькие ручки девчонок были в кровавых мозолях. Зато потом получившуюся муку замешивали на воде и жарили лепешки на разогретой печи. Горячая печь была настоящим спасением. В военные годы зимы выдались как никогда суровыми, как будто сама природа взбунтовалась против захватчиков. В лютые морозы ничего не было видно в степи, провода бились друг о дружку и летели сизые искры, метель сбивала с ног. Зимняя обувь была не в каждой семье, поэтому те, у кого одевать было нечего, брали займы у более состоятельных соседей и даже просто устанавливали очередь, кому одевать сапоги. Город Эмба — узловая станция, здесь часто проезжали поезда с военной техникой, эвакуированными, ранеными. Проходили теплушки и «телячки» вагоны с солдатами, отправляющимися на фронт. Ребята бегали к поездам, проводжали с надеждой танки и пушки, выменивали у эвакуированных хлеб, а раненым бойцам несли из дома все, что могли: овсяные лепешки, кислое молоко, жмых.

Какая же была радость для всех жителей городка, если к кому-то приезжал с фронта солдат: муж, сын, брат или отец. Его встречали всей улицей, заходили домой, бесконечно расспрашивали о войне, о фашистах, о том, скоро ли будет Победа и вернуться домой все мужчины. Солдата наперебой приглашали в каждый дом, ведь после таких разговоров легче было переносить все тяготы военного времени и все больше укреплялась вера в скорую Победу.

Трудно было с учебой. Мало того, что не хватало одежды и обуви, совершенно не было школьных принадлежностей. Но школы работали. Учителя рассказывали о том, как идут бои, говорили, что Победа будет за нами. Чтобы иметь возможность научиться писать, сестра отрезала в газетах белые полоски и использовала их вместо тетрадей.

Учиться хотели все, но регулярно занимались только ученики младших классов. Старшие ребята, как могли, помогали взрослым: разгружали уголь, собирали сено, заготавливали корма на зиму. Именно эта сплоченность и взаимовыручка помогла выстоять в лихие военные годы.

Душакова Малика Калиевна проживает в городе Эмба. Трое детей. Четверо внуков. Бабушка часто рассказывает им о войне и о Победе.



**Война над нашими степями
Не грохотала.
Но мы простились с нашими отцами.
Разве этого мало?**

**Блокада нашим городам
Не угрожала.
Но хлеб по карточкам и ночь в очередях —
Разве этого мало?**

**Мы в школу шли, на полях
Поработав сначала.
И хлеба кусочек в подарок —
Разве этого мало?**

**По двадцать часов у станка отстояв
Домой не бежали.
Часок подремав, за работу брались,
Разве этого мало?**

**Мы делали все, чтобы наша страна
Войну не проиграла
Чтоб мирною снова была земля,
Чтоб ласково вновь колосились поля,
Живыми вернулись домой сыновья...
Разве этого мало?**

Е.Емельянова



Владимир Александрович Зотов

Его отец родился в Актюбинске, в семье переселенцев с Украины. Во время голода 20–21 года потерял и отца, и мать. Как самого младшего, его определили в детский дом. Оттуда Сашу взяли в семью Зотовы Семен Акимович и Варвара Петровна. Семен Акимович был потомственным строителем и, конечно же, Александр стал работать вместе с ним. Учиться не удавалось, образование получил уже взрослым. Мама родом из Воронежа, из семьи железнодорожников. Место жительства менялось в зависимости от продвижения строительства железной дороги: Россия, Казахстан, Узбекистан... В 30 годы обосновались под Ташкентом, на станции Курсатьевская. Там она закончила курсы по борьбе с вредителями полей и переехала в Таджикистан. В это время в Таджикистане остро ощущалась нехватка рабочих рук. Попытать счастья и удачи приехали сюда и все братья Зотовы. В 1934 году родители поженились и жили на станции Чептура Шахринаусского района. Там находилась сельскохозяйственная опытная станция, на которой проводились работы по испытанию новых сортов, селекции и райнированию. На этой станции семья Зотовых прожила до войны. Здесь же 20 ноября 1935 года родился Владимир.

В 1941 году переехали в Сталинабад — нынешний Душанбе. Здесь и началась война маленького Володю, которому еще не исполнилось и шести лет. В городе стали проводить учения местного населения. В небо поднимались самолеты и выпускали разноцветные газы. Это были сначала большие кра-

сивые шары, которые потом превращались в тучи и закрывали все небо. Все жители города должны были плотно закрывать окна и завешивать их мокрыми тряпками. До 20 часов подряд нельзя было выходить из дома.

Сразу же ввели хлебные карточки, но хлеба не хватало катастрофически. Распределение хлеба было очень строгое. Без такого распределения трудно было бы выжить. Основной едой являлась картошка: картофельники, вареная, печеная картошка, картофельные клецки... Если в картошку удавалось добавить хоть немножко муки, это был уже праздник. На благодатной поливной земле хороший урожай давали фрукты и овощи, но без хлеба было просто очень трудно.

В очереди за хлебом приходилось стоять ночами. Иногда вместо кирпичика хлеба выдавались крошки.

Однажды мать договорилась с соседкой Фатимой сходить в горы и обменять одежду на зерно. Они ходили пять дней и привезли — таки пшеницу. Я сам ходил потом на мельницу и молот эту пшеницу.

Мама работала на свиноферме и ей, как и всем работникам, иногда выдавали премию — выделанную и обсмоленную свиную шкуру. Из этой шкуры удавалось вытопить почти поллитра жира. Настоящий свиной жир был в то время самым изысканным блюдом. Зигорное (льняное) масло, которое изредка появлялось в магазинах, было горькое, пенилось и сильно горело.

В 1944 году мы снова переехали на селекционную станцию. Там даже столовая работала. Обед можно было забирать домой. Я хорошо помню, как мать давала мне бидончик, и я ходил с ним за обедом. Вообще, о людях заботились, отношение было очень хорошее. Мы сажали бахчу, огород, выделялись участки под сено. В конце 44 года дед с бабушкой подарили нам телочку, и через год у нас уже было молоко. В конце войны стала поступать помощь от американцев — яичный порошок и консервы. Отца в армию не брали. Дед служил в строительных войсках, вернулся в 1946 году.

Все учились. Я ходил в школу в город. Пешком, километров 5–6. Школа у нас была трехэтажная. Первый и второй этаж освободили под госпиталь для раненых, а учились мы на третьем этаже. Книжек и учебников не было, зато на целый год выдавали одну — две тетради. Поэтому писали на газетах и на страничках имевшихся книг. Ходил я в школу с сумкой, которую мне мама сшила из двух старых мешков. Помню, что в школе нам выдавали булочки с изюмом «калорийные» — по одной в день. Вкуснее этих булочек ничего не было! Больше всего донимали холодные зимы. Угля не было, топили в основном кизяком, на ночь. Но уже утром в доме стоял холод. В нашей школе — госпитале не было топлива даже для приготовления пищи. Мы вместе с учителями ходили на речку и собирали плавник — все, что приносила река во время разлива. В основном это были щепки, веточки, иногда небольшие бревна — но этим можно было топить и готовить пищу.

Для фронтовиков наши родители вязали варежки, носки, и каждый класс регулярно отправлял на фронт вязанные изделия.

Те, кому исполнилось 12–13 лет, шли работать на завод. Вытачивали разные детали к технике, снаряды. Стояли у огромных станков на ящиках, тут же спали, работали по 18 часов в сутки.

Мы, ученики младших классов, выходили на хлопковые поля. Хлопок был очень нужен для военных целей: это и хлопковое масло, это и одежда для солдат, и перевязочный материал. Из семян хлопка изготавливали порох и взрывчатку. На сбор хлопка выходили на три месяца, с августа по декабрь. Нам устанавливали норму — 50 килограмм в день. Не всегда удавалось собрать столько хлопка. Наши руки были в порезах и царапинах — ведь каждую коробочку надо было открыть и достать пушистый комочек ваты. А коробочки были очень колючие, сами кусты хлопчатника тоже царапались и кололись.

С третьего класса мы даже жили в школе и питались там же, чтобы быстрее выходить на поля.

В Таджикистане жили эвакуированные, которые нам много рассказывали и о войне, и о своих городах, и о фашистах. Мы жили дружно, все помогали друг другу, как могли.

И вот в мае 45 пришла долгожданная весть о Победе. Наконец-то закончились наши мучения, голод, ожидание писем и страх перед похоронкой. Все стали готовиться к встрече своих родных и близких. Встречали с песнями, цветами и слезами. Одним из первых вернулся сын соседей-белорусов Давыдовский Владимир. Раненый, но уже поправившийся. Он сразу пошел работать — на счету была каждая пара рук.

Вечерами шли бесконечные расспросы и рассказы о пережитом.

В первые послевоенные годы все мы с нетерпением ждали выхода газеты «Правда». В конце каждого года там публиковали список продуктов и наименований товаров, цены на которые снижались.

Начали сбываться наши мечты и чаяния».

Зотов Владимир Александрович 26 лет прожил в Таджикистане, закончил там школу и университет, затем переехал в Ашхабад. Долгое время работает профессором Актюбинского университета «Дуние», изучая проблему определения способа оценки интеллектуального вклада в открытии и разведке месторождений полезных ископаемых. Зотов В.А. — академик Уральской АГН РФ, автор и непосредственный руководитель многих проектов и разработок, первооткрыватель крупных месторождений полезных ископаемых.

Валентина Кирилловна

Личковаха

Родилась 11 августа 1926 года, на Украине, в Одесской области. Отец — рабочий на железной дороге, мать — домохозяйка, сама родом с Казахстана. Вместе с маленькой Валею в семье было пятеро детей. В 1934 году вся семья переехала в Казахстан и обосновалась в поселке Яйсан.

Война началась, когда Валентине было 15 лет.

Валентина Кирилловна рассказывает так, как будто картины суровых военных дней снова и снова встают перед ее глазами. Она не сдерживает слез, ведь это ее боль и ее память.

«Отца моего забрали в 1937 году, и всю войну он провел на трудовом фронте.

А мальчишек наших... Их забирали на фронт прямо с уроков. Просто открывалась в классе дверь, все сжимались от предчувствия, назывались фамилии и ребят уводили.

Только двое ребят из нашего класса вернулись после войны в родной поселок: артиллерист Волков Федор Николаевич и летчик Машченко Иван Тимофеевич, оба они стали генералами. Больше не вернулся никто.

Когда мы узнавали, что везут на фронт молодых солдат, все жители выходили к вокзалу: и дети, и школа, и матери... Состав останавливался на две-три минуты, ребята выскакивали из вагонов. Плакали, прощались — состав потихоньку начинал движение и жалобно гудел. Мы долго бежали за вагонами, видя перед собой застывшие лица и протянутые руки. Каждый старался успеть хоть что-то вложить в эту руку — кусок хлеба, фотографию, ладанку...

Конечно же, мы учились. У нас были просто замечательные учителя. Я была очень маленького роста, но шустрая. Хорошо помню, как подшучивал надо мной учитель географии и истории Арсенюк Иван Павлович. А учитель по алгебре Дмитрий Петрович Масюк всегда строго проверял домашние задания. Занимались мы в две смены, иногда по восемь уроков в день. Учили нас и венному делу, и сестринскому. В школе зимой стоял невыносимый холод.

Замерзали чернила, и мы держали их на груди под рубашкой, писали в книгах между строк. Когда холод невозможно стало переносить,

учителя ходили к нам домой и проводили уроки. Знания мне давались легко. После окончания школы я закончила краткосрочные курсы и работала кассиром в колхозе. Было очень трудно, много оплошностей допускала, но мне всегда помогали и поддерживали. Меня окружали хорошие люди. Как — то зимой я поехала в райцентр за зарплатой. Деньги тогда были большие, и я получила два мешка. Мой сопровождающий в это время отлучился и я решила поехать сама. Уже вечерело, началась поземка, управлять лошадью я практически не умела. Попросилась переночевать к знакомым, но они побоялись — денег-то много, и отправили меня на постоялый двор. Поехала я туда. Как сейчас слышу слова пожилого казаха, встретившего меня у ворот: Ой, дурак, кыз, ой, дурак! Он отвел меня в дом, занес мои мешки, накормил. В доме ночевало много людей, я сама спала крепко, но ни один человек даже не прикоснулся к деньгам. А ведь все были голодные, и драться я бы не смогла. В поселке в это время не расходились люди, ждали меня. Страшно подумать, что было бы, если бы я не привезла деньги.

В войну все работали. Девочки на огородах, мальчишки с лошадьми на полях. Работали босиком, колючая стерня в кровь ранила ноги, но никто не Жаловался. Умели делать все. И собирать хлеб, и сажать овощи. до огородов по весне надо было добираться через озера, заполненные ледяной водой, — переходили! Колоски собирать — собирали, себе не оставляли ничего. А ведь хлеб был только по карточкам. Выше хлеба не было ничего.

Весной, когда Илек разливался, после спада воды собирали в грязи занесенную картошку, сушили и ели. Из мерзлой картошки пекли оладьи.

Успевали и поработать, и песни попеть, и пошутить. До сих пор вспоминаю известного теперь писателя Юрия Бондарева. Он тоже был среди эвакуированных и жил в соседней Вознесенке. Мы часто подсмеивались над ним, потому что он был городской и совсем не умел управляться с лошадьми.

В первый же год войны к нам привезли высланных чеченов и немцев. В феврале с огромного состава сняли два вагона.

Люди эти были легко одеты. Их поместили в нашем клубе на улице Советской. В клуб завезли только лишь соломы вперемешку со снегом, на ней они и ночевали. Потом их расселяли по домам. Добрее всех, лучше к ним относились казахи. Они сами, без приказа, приходили и забирали к себе этих людей, помогали им, делились пищей. Да и мы все просто не могли спокойно смотреть на то, как пухнут с голода и взрослые, и дети. Мама часто плакала: приносила им картофельные очистки и совала в протянутые ручонки. Весной вообще была жуткая картина:

измученных детей выносили на солнышко, и они своими прозрачными, тонкими, как палочки, руками рвали тоненькие зеленые травинки и ели. Разве можно такое забыть и простить!

Мы вместе с чеченами и немцами работали на плотине, носили на носилках землю, потом ее ровняли трактором. Чеченам приносили обед — суп из росяной шелухи. После обеда они заводили долгую тягучую мелодию — то ли пели, то ли молились. Слушать эту песню-молитву без слез было невозможно.

Дети не ссорились, мы все дружили. Многие так и остались жить в Казахстане.

В Яйсане работала эвакуированная ремонтная база. Там ремонтировали танки. Ремонтировали на открытой площадке и одновременно строили завод. В нашей землянке жили четверо москвичей, которые работали на этом заводе.

Помню, как приходили составы, залитые кровью и привозили шинели, гимнастерки, брюки. Одежда была изорванная и в крови. Ее разносили по квартирам — отстирать и отремонтировать. Мыла не было, стирали водой, размешанной с золой, кровь отстирывалась плохо. Сколько стирала мама эту одежду, столько и плакала. Отстирывала, зашивала и снова отправляла на фронт.

Мы собирали посылки на фронт. В немудрящую коробочку укладывали носочки, рукавицы, сухарики, записку, чтобы подбодрить и обязательно обратный адрес.

А сами посылки посылали без адреса, просто «на фронт». С нетерпением ждали ответа, как будто уже давно были знакомы с этими солдатами. И ответы приходили, и солдаты приезжали, и поженились многие потом.

Точно так же, «на фронт», отправляли зерно, продукты, полушубки и валенки. Днем и ночью работали в Яйсане шубный и валяльный заводы.

Все жили дружно, не было воровства, дверь закрывали просто на палочку.

Очень урожайными выдались 43–44 годы. Не хватало рук, чтобы убирать.

И вот наступил май 45 года. Хотя и ждали мы Победу, хоть и чувствовали, что близок этот день, все равно он был ярким и неожиданным. Сразу состоялся митинг и поздравление правительства. А потом мы стали ждать возвращения наших родных. Уже в конце июня потянулись первые составы с фронтовиками. Самые первые возвращались в теплушках, чуть позже приезжали уже в пассажирских вагонах.

Встречали всех. Снова бежали к поездам, снова несли цветы, хлеб, лепешки. Снова целовали и плакали, снова спрашивали «А мой где? Мо-

его не видели?». Или, сдерживая рыдания, обнимали совершенно чужого солдата и поздравляли с возвращением.

Кто и когда сможет подсчитать, чего стоят эти выплаканные и невыплаканные слезы?!»

В.К.Личковаха сразу после войны поступила на второй курс Одесского техникума продтоваров. Работала в торговле. Работу свою любила. Воспитала двоих детей своей сестры, мальчика и девочку. Сейчас у нее двое внуков и трое правнуков.

Бабушку Валю любят все. Свой дом в Яйсане она называет «Дом открытых дверей». Здесь всегда рады людям.

Личковаха Валентина Кирилловна переехала в Актобе к родственникам подлечить ноги, но сердце ее осталось в родном Яйсане.





Яков Ильич Ниделько

Вообще-то вся семья носит фамилию Неделько. А вот в метрике Яши писарь допустил досадную ошибку, из-за которой частенько происходила путаница. Яков Ильич относится к этому обстоятельству философски и ничего менять не собирается.

В Мартукском районе Актюбинской области протекает веселая речка Буртя. На ее берегу расположился очень красивый, весь в зелени, поселок Буртинский (его еще называли Студенческ). Здесь и родился в семье колхозников 28 апреля 1935 года Яша Ниделько.

Отец его был по специальности маслодел. Его ценили в районе и к началу 1940 года перевели работать мастером на маслозавод в Новомихайловку. В этом поселке и застала война шестилетнего Якова.

«Я хорошо помню начало войны. На весь поселок имелся только один репродуктор, висел на столбе возле клуба, и в считанные минуты к нему собрался весь поселок. Сразу же началась мобилизация. Через месяц после начала войны забрали отца. Мы провожали его на быках до Мартука, а потом вместе с матерью и сестрой так же, на быках, поехали жить к бабушке Ефимии в Буртинский. Отец попал на фронт не сразу.

Сначала его отправили на учения в Актюбинск, на место формирования 312 стрелковой дивизии, его руководителем был Наумов. В составе 312 стрелковой дивизии он и ушел на фронт в начале октября.

Началась наша военная жизнь в поселке. Двое бабушкиных сыновей сразу ушли добровольцами на фронт, а один остался работать председателем колхоза. Василий закончил всего два класса церковноприходской школы, но по природе своей был очень хорошим организатором. Он болел душой и за общее дело, и за каждого человека, старался, чтобы колхоз был всегда на хорошем счету. Однажды, когда решался вопрос об очередном сборе денежных средств для нужд фронта, Василий Григорьевич высказался против. Реальных денег к тому времени у колхозников уже не было. После этого его забрали на фронт, назад он не вернулся.

В колхозе работали все. В 43 году с наступлением лета начались и мои трудовые будни.

Как сегодня, помню, начинал я работать на лобогрейке. Сначала запрягали направляющих — лошадей, потом шли быки и уже за ними лобогрейки. На самих лобогрейках сидели старшие, а мы управляли лошадьми, эта работа была хоть немного полегче. Многие из нас еще не могли самостоятельно садиться на лошадь, нам помогали старшие ребята, — и вперед! С пяти утра до позднего вечера, пока можно было различать борозды. Жили прямо на стане, домой отпускали очень редко, возвратиться надо было к пяти утра. Если опоздаешь, ругали и тебя, а особенно родителей. Но такое случалось редко, все понимали, что от нашего труда напрямую зависит Победа.

Нас кормили супом из огромного котла. Основным в этом супе было зерно, которое оставалось в лобогрейках. Раз в неделю наша повариха ездила в город, привозила немного продуктов, да матери наши снабжали ее бутылочками с кислым молоком.

В 1944 году я работал на гребке. В нее тоже запрягали лошадь и сгребали траву после сенокоса. Чуть позже стал работать на сенокосилке. В нашем колхозе организовывались бригады по отливу сусликов. Искали норки, отливали, суслика убивали и отрывали хвостик. Этими хвостиками в конце дня отчитывались перед бригадиром. Пытались и схитрить — из одного хвостика сделать два, но хитрость нашу бригадир очень быстро раскрывал. Нам ничего не платили, заработки наши приплюсовывали родителям. Трудодни оплачивали зерном осенью.

Ранней весной, в середине марта, когда суслики впервые выходили на поверхность, мы выливали их для еды. В это время мясо не имело запаха. Приносили домой, тушили с зерном в русской печке. А вот когда суслик попробует свежую траву, мясо приобретает специфический запах.

После сусликов наступало время разлива рек. Можно было ловить рыбу. Мы ловили петлей шук, в заводах марлей загоняли мальков, жарили целиком. Нас еще очень хорошо выручали огороды, которые наделали возле реки. После работы их надо было каждый вечер поливать. Хорошо еще, что вода в колодцах — криницах была не очень глубоко, около 1,5 метров всего.

Трудно было с одеждой. У нас в колхозе жило много эвакуированных, пальцев не хватит перечислить: русские, евреи, украинцы, молдаване... Они обменивали нам одежду на пищу. А молдаване научили нас делать постолы — овалыные кусочки шкуры с прорезями по краям, в которые вставляли ленточки кожи и затягивали на ноге. Постолы были легкие и удобные, но в нашем климате быстро засыхали и стягивали ноги. Тогда мы размачивали их в лужах.

Во время боев под Сталинградом к нам эвакуировали много скота. Я впервые увидел лошадей — тяжеловесов. Они большую помощь нам оказали, ведь один тяжеловес заменял трех наших лошадей. Тем более, что из колхоза на фронт забрали почти всю технику, трактора забирали прямо с трактористами. Они нужны были для транспортировки пушек и других орудий.

На фронт отправляли и наших лошадей, продукты, очищенное просо. Каждая семья должна была сдавать вязаные изделия. Моя мама и бабушка тоже вязали рукавицы и носки. Масло вытапливали. Раз в неделю забирали заполненную бочку с маслом. Отдельно перетапливали жир барсуков и сусликов, его отправляли в госпитали и санатории. Когда резали скот, запрещалось смолить шкуру, ее целиком сдавали для пошива сапог. Кто мог, сдавал деньги. Наш бригадир, Козоза Иван Трофимович, сдал большую сумму на танки. Покупали облигации, вырученные деньги тоже шли на нужды фронта.

Несмотря на все трудности, мы учились. Сначала писали прямо в книгах, только в 43 году появились тетради. Не было чернил. Мы научились делать чернила из печной сажи и из свекольного сока. Правда, чернила из свекольного сока мы иногда и до школы не доносили, выпивали их. В классах стояли конпромарки — цилиндрические железные печки — но грели они плохо. Топили соломой, тальником, который заготавливали старшекласники. Вместо электрического света горели керосиновые лампы. Керосин был на вес золота. Дома мы делали уроки при чадящем свете ватного фитиля, смоченного маслом. В школе мы отмечали все праздники, даже кружки работали и хор у нас был. Помню, на Новый год нам старшекласники вместо елки привезли ольху и украсили ее. Колхоз выделял для школы немного муки и моя бабушка пекла замечательные бублики.

Мы жадно слушали любое известие с фронта, много нам рассказывали учителя. Каждый день начинался с фронтовых новостей.

Очень хорошо помню, как собирались мы вечерами и смотрели на зарево, поднимающееся в стороне военных действий. И наша учительница, Анна Матвеевна, говорила нам о тяжелых боях, о том, что там сражаются наши отцы и братья. И нам казалось, что мы видим своих родных.

Главным человеком был почтальон. Почту надо было получать в Андреевке, это больше двадцати километров от Буртинского. Почтальон приезжал поздно вечером, никто не ложился, ждали писем. Когда приходили похоронки, то все село плакало.

Мой отец вернулся в 1943 году по ранению и стал работать завхозом. Осенью 1944 года вернулся мамин брат, дядя Саша. Тоже по ранению, запыленный, в песке, в военной форме. Пришел ночью, долго стучался во все окна. А мы его уже и не ждали, так долго не было писем.

Жили трудно. Жили дружно. Не было злобы, зависти, недовольства. Все двери были открыты: и поплакать, и порадоваться. Особенно дружно жили с казаками. Ходили друг к другу в гости, делились всем, чем могли, что имели. Дворы и дома закрывали на палочку, я не помню ни одного случая воровства.

А девятого мая 1945 года мы на лошадях снова собирали народ со всех уголков нашего хозяйства к единственному репродуктору. Репродуктор вынесли на площадь, чтобы каждый мог услышать голос Юрия Левитана, сообщающий о капитуляции Германии, о нашей Победе. Все плакали. Это была радость, замешанная на горе, на страданиях, но все-таки это была радость».

Ниделько Яков Ильич закончил Оренбургский сельскохозяйственный институт, служил в составе Группы Советских войск в Германии. После службы в армии поехал к брату в Новороссийск. Жить там не остался, зато познакомился со своей будущей женой и переехал в Актюбинск. Имеет двоих сыновей, троих внуков. Сыновья выбрали небо, летчики, один в Казахстане, другой в Белоруссии. Яков Ильич доволен своей судьбой.





Мария Яковлевна Крегер (Бойко)

Родилась 15 мая 1929 года в Актюбинске, но уже через год ее семья переехала в Киргизию. До сих пор точно помнит свой домашний адрес: Таласская область, Кировский район, село Покровка, улица имени М.Горького, дом 175.

К началу войны едва исполнилось 12 лет. «К войне готовились, чувствовали беду, но все равно она началась неожиданно. самого начала войны я и не помню, по радио не слышала. А вот как провожали на фронт — помню. Провожали легко, с гармошкой, с песнями, с плясками... На бречках, с цветами. Плакали, конечно, но как-то по традиции. Желали скорого возвращения с Победой. Не знали тогда, что долгий путь к этой Победе, что много не вернется назад.

В колхозе остались только женщины и дети. Стали работать для фронта. С раннего утра до поздней ночи. Изо дня в день, по пять—шесть километров до полей пешком. Когда пели, когда плакали. Выращивали для фронта пшеницу и табак. Нашей обязанностью было сортировать табак и укладывать его в тюки. Пшеницу сначала жали вручную, потом стали приходить комбайны. Но у нас ни одного зернышка не пропало. Зерно потом перемальвали на ручной мельнице — тыгырмыне. Это были два камня с рукояткой. В нижнем камне был желобок для муки. На этой мельнице можно было приподнять один камень, тогда получалась крупа, опустить ниже — получалась мука. Хорошо, что у нас долго стояла ясная погода, мы успевали собрать весь урожай. Сдавали фасоль, свеклу, семечки. За работу

сначала начисляли трудодни, а потом работали просто так. Никто и не думал возмущаться, все понимали, что это нужно для фронта, для Победы.

Раз в неделю обязательно отправляли посылки на фронт: вареники, носки, кисеты, письма. В каждую семью поселяли раненых. У нас долечивался солдат Иван из Курска. Всех раненых выхаживали, не было случая, чтобы кто-нибудь умер. А ведь из медикаментов имелась в лучшем случае лишь марганцовка. Забота, любовь, вера лечили лучше любых лекарств.

Садик у нас работал. Туда каждый приносил все, что мог. Мы все очень дружно жили. Не унывали, помогали друг другу. Как узнаем, что кому-то похоронка пришла, сразу все туда бежим, разве можно в горе человека одного оставлять?

Подкармливали и друг друга, и эвакуированных. У нас были огороды, только сажать было нечего, сажали кукурузу. Сушеными фруктами подкармливали наших учителей, которые тоже были приезжие. Учителя были хорошие, душевные.

Помню, как коров по весне поднимали на веревках, чтобы они могли есть зеленую траву. Только потом коровы начинали потихоньку ходить.

Помню свою подружку, Ньюру Рыбалко, которая научилась обходиться без хлеба. Утром она ела соль и потом целый день пила воду с арыков.

К 14 годам мне уже устанавливали план. Это было тяжело, но я не жаловалась. Отец мой, которого не взяли на фронт из-за больной ноги, сам работал без отдыха и нам не давал расслабляться. Терпеть не мог лодырей, говорил: будешь работать, все у тебя будет. Да и без этих слов никто и мысли об отдыхе не допускал, пока шла война. Мои сестры работали доярками, четверо братьев ушли на фронт, один не вернулся, погиб. Братья с честью воевали, имеют награды.

Мама всю жизнь проработала в колхозе, долгое время была депутатом.

В войну в нашем селе жили чечены, евреи, курды. Хуже всех пришлось чеченцам, их очень много умирало. Поселили три еврейские семьи. Мы жили дружно, помогали друг другу.

Все верили, что обязательно придет Победа, стремились к ней.

На Победу радовались и за своих, и за чужих.

Наших ребят очень мало вернулось назад. А кто вернулся, те уже были инвалиды, раненые, после контузий. Главное — живые.

Главное, не зря были наши мучения, наш труд и наши слезы.

Крегер Мария Яковлевна переехала в Актюбинск в 1957 году. Всю жизнь проработала на Актюбинском заводе ферросплавов. У нее трое детей, восемь внуков и восемь правнуков. Дети закончили МГУ. Сыновья живут в Москве и Омске, дочь — в Актюбинске. Мария Яковлевна по-прежнему не может сидеть сложа руки, не терпит лжи и несправедливости.

Дора Дмитриевна Акишева (Дечева)

Родилась 26 сентября 1933 года в молдавском городе Комрат. К началу войны исполнилось семь лет.

Маленькой Доре пришлось увидеть войну изнутри: румынская и немецкая власть, полицаи в соседнем доме, мародерство, улицы в огне, разрушенные дома. Превращенный в руины некогда зеленый уютный город.

Взрослые как могли, оберегали детей от беды. Но беда ходила рядом.

«Мы жили на центральной улице. Она была зеленая и красивая. Я бежала в школу и тут объявили бомбежку. Я спряталась возле моста. В небе послышался заунывный гул. Он нарастал с каждой минутой и заглушал все вокруг. Земля задрожала, что-то стало взрываться, а потом совсем рядом загорелся огромный пожар. Это разбомбили бензозавод, а я была совсем рядом, только мост перейти.

Отец работал сапожником, к нему даже немцы приходили, но он тоже боялся на улицу выходить.

Часто по нашей улице гнали военнопленных, мы успевали кинуть им хлеба, воды.

Немцы часто делали облавы, каждую субботу. Искали в сараях, под кроватями. Они были страшные, высокие, в шортах, со значками. Требовали вина, курицу, яйца. В городе жили беженцы с Украины, они нас научили, как спастись от облав. Надо просто говорить, что в доме тиф. Тогда немцы не заходили и нас не трогали.

Вечером в окнах не должно быть света.

Если окошко светилось, сразу приходили полицаи и немцы.

Выращивали кукурузу. Мы помогали ее очищать специальной драчкой и перемалывали на ручной мельнице. Варили мамалыгу прямо на улице.

И на фронт сдавали яйца, молоко, кукурузу.

Евреев немцы угнали всех, никто не вернулся.

Уже перед приходом русских солдат немцы кидали нам игрушки, карандаши, конфеты, которые взрывались. А они потом громко хохотали...

По ночам жутко, надрывно гудели самолеты.

Пришли русские солдаты. Немцы прятались от них в колодцах, в виноградниках. И разрушали за собой все: взрывали дома, сжигали хлеб, грабили и убивали.

9 мая наша пионервожатая объявила о том, что война закончилась. На центральной площади был большой митинг и демонстрация».

Акишева Дора Дмитриевна училась сначала в румынской, а потом в русской школе. В Казахстан приехала в 1953 году. У Доры Дмитриевны трое детей, пятеро внуков. Живет с внучкой. Часто заходит к Марии Яковлевне Крегер – им есть о чем поговорить, что вспомнить.





Ида Кирилловна Карякина

Передо мной листочки из тетради с записями одной из старейших учителей города Иды Кирилловны Карякиной. Ей часто приходится выступать перед школьниками в майские дни Великой Победы.

Ида Кирилловна родилась 19 июня 1926 года в семье мастера производственного обучения ЖДУ №6. Мама была простой домохозяйкой.

«В семье было четверо детей. Старший брат, Анатолий, ушел на фронт со школьной скамьи. Его забрали прямо с 11 класса. Под Белой Церковью он был тяжело ранен.

Чем дальше уносят годы нас от сурового 1941 года, тем глубже боль и сознание того, что уже невозможно подсчитать беспримерные подвиги, совершенные на полях сражений и на прифронтовой полосе. А жизнь и работу в тылу никто и подвигом не считал тогда. Как можно было плохо работать, слушая каждое утро:

*Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

В мае 1941 года меня и еще пять моих одноклассников приняли в комсомол. А в июне началась война. Мы как раз возвращались на лошадях с дачи.

Выходной день. Голос Левитана. Митинг. «Граждане и гражданки Советского союза! Товарищи! Сегодня, в четыре часа утра, без объявления войны.» Прямо с площади забирали в эшелоны и отправляли на фронт. Не давали даже проститься с родными. У нас в это время стоял театр из Сызрани, их все отправили на фронт из нашего города. Эшелоны шли один за другим, без перерыва.

Всех старшеклассников железнодорожной школы перевели в железнодорожный техникум, на специальность техник-путеец. Нам дали форму, которой мы очень гордились. Почти сразу была введена карточная система отпуска продуктов и особенно хлеба. Но даже по карточкам хлеб мы могли получать не каждый день, а два-три раза в неделю. На весь город был всего один хлебный магазин. Мы собирали черную и желтую макуху и ели. Черная макуха была из семечек, а из чего была желтая, я уже не могу вспомнить. Поэтому и сейчас, говоря о военных днях, я сразу вспоминаю о голоде.

В классах было холодно, не хватало тетрадей, учебников, но мы все равно учились.

Эшелоны шли через наш город сплошным потоком. Шли на фронт с боевой техникой, снарядами, самолетами, покрытые серым брезентом. обратно — составы с ранеными. Перрон и вокзал нашего города тщательно охранялся.

Очень трудно было первой военной зимой. Нас часто снимали с занятий для расчистки путей от снега. Работать было очень тяжело, но самым тяжелым испытанием стала для нас выгрузка раненых из вагонов. Нам приходилось всего лишь вдвоем носить носилки с солдатами, которые были в гипсе, в бинтах, часто без сознания. Мы даже радовались, когда слышали стон или даже крепкое словцо. Часто останавливались, клали носилки прямо на снег, чтобы хоть чуть — чуть передохнуть. А потом смотрим: солдатик уже не дышит, и нести его надо уже в другую сторону.

После таких ночей учиться было особенно трудно, и совсем не от усталости.

Конечно, мы дежурили в госпиталях. Помогали медсестрам и нянечкам, иногда даже во время операций помогали. Изучали санитарное дело и сдавали кровь для раненых. Нас ждали, чтобы мы помогли написать письмо или прочитать весточку от родных. Бойцы всегда просили, чтобы мы писали только хорошее, что ранение не тяжелое и что в госпитале они просто отдыхают. И мы учились у наших раненых этому простому мужеству, заботе о близких людях. Некоторое время мы работали в разных госпиталях, а к концу 41 года за нами закрепили госпиталь, который развернулся в здании напротив нынешнего драмтеатра.

Несколько раз нам объявляли благодарность за нашу работу.

Хорошо помню уроки по военному делу, сборка и разборка автомата, винтовки, пулемета — на скорость. Бег на лыжах, броски гранат — нас готовили к участию в войне.

Мы все очень переживали за отступление наших войск. Первой общей радостью была Победа в битве под Москвой. Тогда мы смотрели фильм в кинотеатре «Зимний» «Разгром Немцев под Москвой».

В 1942 году начал строиться Актюбинский завод ферросплавов. На стройку нас возили на рабочем поезде, автобусов не было. Когда вырыли котлованы, мы снова пришли на помощь, по цепочке передавали кирпичи для стен и печей под музыку духового оркестра, которую исполняли пленные немцы. Уже позже, в 1943 году пленные приступили к строительству заводских домов и Дома Культуры металлургов. Их всегда привозили на работу под охраной. Умом каждый понимал, что не все немцы враги, а сердце рвалось на части, ведь так много уже было похоронок в наших семьях.

Глубокой осенью 1943 года мы, уже студенты железнодорожного техникума, проходили свою учебную практику, строили Курашасайскую железную дорогу. Зима была суровая, рано пошел снег, а мы жили в палатках, землю носили на носилках, в мешках, причем это было самое страшное, потому что там нам попадалось много мышей.

Особенно тяжелой была работа летом в животноводческом совхозе на молотилке. Молотилку нельзя было останавливать, а, значит, и передохнуть тоже нельзя. Но никто не жаловался, не ныл, не хныкал — ведь мы работали для Победы. Мы даже песни пели по пути в совхоз.

Шла война, я закончила техникум и стала работать в ПЧ (дистанция пути). Началась совсем взрослая жизнь. Нас, самых молодых, чаще всего отправляли дежурить — проверять исправность путей и охранять эшелоны — в ночную смену и в праздники. Очень хорошо помню как в Новый, 1944 год, мы (трое девчонок) с молотками, разводными ключами, прошли по путям, проверили, до 41 разъезда и уже под утро под завывание волков и ледяной ветер вернулись домой. Мне иногда кажется, что таких холодных зим, как в войну, не было больше никогда.

В мае 1945 я работала в Курайлях. Совсем рано, еще даже не рассвело, во все окна изо всех сил стали стучать. Это был первый радостный стук, первое пробуждение без страха, потому что все ждали его каждый день.

Это закончилась Великая война и пришла Великая Победа. И уже не люди встречали солнце, а солнце встречало людей, которые смеялись и плакали, обнимались и целовались, и поздравляли друг друга с Победой, с началом новой жизни».

Карякина Ида Кирилловна закончила в 1947 году Учительский институт, работала в Кустанайской области, там же вышла замуж. В 1965–1985 годах работала бессменным завучем в средней школе №11. Вырастила двоих сыновей, сейчас радуется двум внукам. Ида Кирилловна частый гость в родном коллективе, к ее мнению прислушиваются и молодые, и опытные учителя. А своих учеников, вернее, учеников 11-ой школы она помнит всех по именам, по месту за партой. Всех — поименно! Ида Кирилловна Карякина умерла в 2018 году. Она навсегда останется в памяти благодарных учеников.





Ирина Петровна Аберемко (Октябрина Петровна Кушнаренко)

Октябрина родилась 23 февраля 1926 года в семье служащих Кушнаренко Петра Емельяновича и Елизаветы Ивановны. «В 1935 году начала учебу в старейшей средней школе города, школе №2. Последние годы нашей учебы — военные годы — были очень трудными. Здание школы заняли под госпиталь, а учащихся перевели в помещение школы №11. Классы были переполнены, учились в три смены. Писали на конторских бланках, на газетах между строк, не хватало учебников.

Нам приходилось осенью заготавливать топливо для школы. Ходили с топорами к Илеку, рубили талу и доставляли в школу. Носили на руках куски торфа с угольного склада. наших заготовок надолго не хватало. Местный уголь горел плохо и давал мало тепла. Мы по очереди дежурили по ночам в школе, топили печи. Но в школе все равно царил холод, на стеклах и стенах застыл иней. В классах сидели в пальто, шапках, платках. Замерзали чернила. У многих, и у меня тоже, были обморожены руки, и мы не писали, а только слушали то, о чем говорилось на уроке. Когда мороз уж больно свирепствовал, уроки продолжались по 15 минут, после чего мы прыгали минут пять, чтобы согреться.

В эти тяжелые годы нас поддерживало сознание того, что там, на фронте, в сотни раз труднее каждое поражение и каждую победу наших войск мы переживали как свои собственные, ведь ТАМ воевали и погибали наши отцы и братья.

Суровая зима 42–43 года принесла радостную весть — под Сталинградом разбита армия Паулюса и война повернулась на запад, наша армия шаг за шагом начала освобождение родной земли.

На одном из комсомольских собраний нам зачитали призыв партии «Взять шефство над Сталинградом» — послать лучших добровольцев восстанавливать разрушенный до основания легендарный город. Будут ли желающие из вашего класса? Нам предложили подумать и назавтра сказать о своем решении. После собрания долго не расходились. Ехать — да, но очень хотелось поехать всем вместе. Мало кто смог заснуть в эту ночь. Почти все комсомольцы нашего класса решили просить комсомольские путевки. Поехали пятеро: Егоров Роберт, Кушнаренок Октябрина (я), Шелимова Валентина, Замятина Майя и Подставочкина Ольга. Провожали нас одноклассники, наш любимый классный руководитель Любовь Александровна Зубатая, друзья, родители.

19 апреля одним из первых рейсов по восстановленному пути нас доставили в Заволжье. Сталинград, темный, разрушенный находился на другом берегу. Совсем близко фронт. Холод. Утром просыпаемся, покрытые инеем.

Через три дня нас на катере переправили в предместье Спартановку. Оттуда до тракторного завода пешком по узкоколейке около семи километров. По пути попадаются трупы фашистов. «Не разбредаться» — чаще, чем трупы, попадают мины.

Тракторный завод не прекращал своей работы даже во время осады Сталинграда. Танки собирали и ремонтировали под открытым небом. Нас распределили по цехам: юношей в цех №5, где собирали корпуса машин, а девушек — в цех №900, мы собирали моторы. Так мы стали создателями грозных машин, на башне которых под красной звездочкой выводилась белой краской надпись: «Ответ Сталинграда». На всех, выпущенных машинах.

Поселились мы в единственном доме с крышей по краям большого четырехэтажного дома №519 в Нижнем поселке, который от Волги отделял сквер. Дорожка от дома вела на берег к бывшей водной станции, где как-то чудом уцелел небольшой участок широкой деревянной лестницы. Здесь мы брали воду для питья. Очень плохо было с питанием, случались и голодные обмороки, и отравления.

Середина дома была разрушена фугасной бомбой, вместо окон и дверей зияющие дыры... стены черные, закопченные...

Пришлось нам чистить стены сапожными и одежными щетками, которые остались от фрицев. В хозяйстве пригодилось все: штыки от винтовок, противогазные коробки, ремни, котелки и каски. Наш район представлял собой изрытую обезображенную землю, на которой сиротливо просматривались остатки сломанных деревьев и руины зданий. Из под развалин долго несло сладковатым запахом гниющих тел. На каждом шагу — братские могилы, часто без надписей, лишь фанерка со звездой.

Территория завода была завалена грудями исковерканного металла и покореженными скелетами бывших танков. Но самое страшное — это мины, оставленные фашистами. Немало людей стали жертвами этих смертельных «подарков». Такой жертвой оказался наш товарищ Егоров Роберт, подорвавшийся на mine 3 мая 1943 года. Похоронили мы его под кленом в сквере между последним порядком домов и Волгой. Вот тогда мы впервые по настоящему ощутили страх. Было потом много нелепых и случайных смертей. поэтому совсем не хотелось даже в свободные минуты просто ходить по городу и что-то осматривать.

Постепенно город стал очищаться от завалов, вновь и вновь прибывающие молодежные комсомольские отряды восстанавливали дома, сажали деревья, хоронили погибших защитников Сталинграда.

А мы по-прежнему работали на заводе. Сначала учениками, а потом получили различные квалификации. Я стала слесарем — сборщиком дизелистом пятого разряда. Мы работали по 12 часов в сутки. Особенно тяжело было работать в ночную смену. Первое время мы собирали моторы из агрегатов, снятых с подбитых танков. Иногда запчастей не хватало и мы вместе с начальником участка топливной аппаратуры В.И.Акимочкиным выезжали в степь, снимали агрегаты с подбитых танков, которых много было на местах сражений. Многие наши танки были именными, мы передавали их экипажам, а те, в свою очередь, всегда сообщали нам о боевых успехах наших машин.

В выходные дни все мы вместе с коренными жителями восстанавливали славный город. Свободного времени практически не было. Изредка в клубе на территории завода, сколоченном из досок и освещенном копилками из артиллерийских гильз кинопередвижка показывала киножурналы и новости. Около заводоуправления на рельсах стоял пассажирский вагон, в котором работала редакция газеты «Комсомольская правда». Мы часто ходили туда и общались с ребятами. Очень хорошо помню стихи Семена Гудзенко о жестоких боях за Мамаев курган:

*Танки не пробились. На заре
Вся земля здесь ходуном ходила.
Видишь на Мамаевом бугре
Пехотинцев братские могилы.*

Эти братские могилы и блиндажи мы видели из окон своего дома, ведь мы жили как раз у подножия кургана, который местные жители называли Мамаев бугор.

Сейчас, когда я вспоминаю все это, мне с трудом верится, что я, 17-летняя девчонка была участником этих событий. Видимо, так человек устроен, что любое дело в момент его выполнения, кажется ему самым обычным и лишь позже осознаешь и его значимость, и его трудность. А может быть, причиной были наша молодость и задор, наш советский дух — мы просто не могли поступать иначе.

Я все-таки сумела побывать в самом знаковом историческом месте Сталинграда — в последнем убежище генерала Паулюса в подвале одного из универмагов города. Мне посчастливилось присутствовать и на вручении городу Сталинграду меча Короля Георга от английской королевы Елизаветы I за стойкость и мужество.

В 1944 году я поступила в Северокавказский горнометаллургический институт.

У меня много юбилейных медалей, но самой ценной для меня остается медаль «60 лет Победы в Сталинградской битве». Пусть я не была участником сражений, но я считаю себя и моих товарищей — комсомольцев участниками той войны, потому что нашими руками создавались мощные машины, приближавшие нашу Победу.

А начиналась она здесь, под Мамаевым курганом.

У **Ирины Петровны** на фронте погибли брат и отец. Она вырастила двоих сыновей. Уже работают двое ее внуков. Большую часть своей жизни Ирина Петровна проработала в энергетической промышленности, на Актюбинской ТЭЦ.





Мамаев курган

В период Великой Отечественной войны Мамаев курган, возвышающийся над центральной частью города, служил важнейшим звеном в системе обороны Сталинградского фронта, потому что позволял тому, кто контролировал вершину кургана, контролировать не только город, но и Заволжье, а так же переправы через Волгу. Высота 102 — так обозначали курган на военных топографических картах. Это место известно всему миру, как арена одних из самых ожесточённых сражений второй мировой войны. Битва за Мамаев курган длилась 135 суток из 200 дней Сталинградской битвы. За это время курган 147 раз переходил из рук в руки. Склоны кургана были изрыты бомбами и минами — даже в снежные дни он оставался чёрным. Снег тут моментально таял, перемешиваясь с землей от огня артиллерии и кровью защитников кургана. Плотность огня здесь была колоссальной: на один квадратный метр земли приходилось от 500 до 1250 пуль и осколков.

По завершении Сталинградской битвы на Мамаевом кургане хоронили погибших со всего города. Здесь похоронено около 34,5 тысяч человек. В тот период это место стало настоящим курганом, местом захоронения.

Три года после сражения Мамаев курган даже не зазеленел на выгоревшей, пропитанной кровью земле не выросла трава. Усыпанный осколками от мин, бомб, снарядов, весь в воронках, курган чернел, как обугленный.

Останки советских солдат, пожертвовавших собой в Сталинградской битве находят и по сей день.





Надия Абдулловна Гадыльшина

Родилась 28 ноября 1927 года в поселке Джамбейта Уральской области. У маленькой Надии было четверо братьев и сестер, но все умерли. Через два года семья переехала в город Уральск, где поселились у бабушки. Очень скоро Надия осиротела и осталась вдвоем с бабушкой. Деда она на помнит совсем: в то время он очень хотел открыть в Уральске мечеть, даже ездил в Алма-Ату, но после этой поездки его посадили Больше домой он не вернулся. Своих детей у бабушки не было.

«В 1941 году мне было 14 лет, я заканчивала восьмой класс.

Войну объявили по радио. Город сразу же стал мертвым. На улицах на нас смотрели занавешенные наглухо окна, свет отключили с первых дней войны. По радио иногда сообщали о прорывавшихся самолетах-разведчиках, мы все радовались уже тому, что город не бомбили, слишком уж тяжело было слушать сообщения о захваченных городах, о разгромленных частях Красной Армии. Новости я вместе с бабушкой слушала или на улице, у громкоговорителя, или у соседей. Бабушка не получала пенсию и провести себе радио мы не могли.

Здание школы сразу забрали под госпиталь, вообще все школы остались без постоянного здания. На партах у нас стояли самодельные коптилки со скрученным из ваты или тряпки фитилем, писали в перчатках, на газетных страницах между строчек. Но и газеты были не у всех. Старшие классы уходили на фронт. Провожать их нам было очень тяжело.

Мы с бабушкой вязали носки и варежки для наших солдат. Варежки были особенные — с тремя пальцами, чтобы удобно было держать винтовку или автомат. Бабушка покупала на базаре шерсть и пряла на казахской прялке, а я вязала. За ночь я могла связать пару носков и пару варежек. Часто к бабушке приходили соседи, знакомые и незнакомые люди и просили как можно быстрее связать варежки своим близким, которые получили повестку. Тогда мы вязали вместе. Если предлагали деньги, то бабушка брала, потому что шерсть ей надо было покупать. Но и не отказывала тем, кто заплатить не мог.

За одну пару носков давали около 60 рублей. На эти деньги можно было купить одну банку проса, самого главного продукта питания того времени.

Мы толкли просо в оружейных стволах, потом просеивали и получалось пшено, пшенная каша была, пожалуй, единственным спасением от голода.

Хлеб давали по карточкам, по норме 600 грамм на учащегося и 400 грамм на семью. Карточки отоваривали через день, но хлеба не хватало, и он больше напоминал пластилин или глину. Много людей умирало от голода. Иногда можно было видеть, как человек просто падал на улице, и умирал.

Я поступила в фельдшерское училище и получала стипендию, 270 рублей. Это деньги нас очень выручали, на них мы покупали целый килограмм настоящего пшена. Учеба занимала почти весь день, а ночью я вязала, готовилась к занятиям и даже находила время просто почитать. Книги были редкостью, мы брали их друг у друга.

Самое трудное было — достать керосин, за керосином иногда приходилось стоять сутками, даже дольше, чем за хлебом.

Осенью мы с подружкой ходили с коромыслами и ведрами и собирали колючую траву и коровьи лепешки — основное топливо на зиму.

Да, было очень трудно, порой невыносимо жить в то время, но все мы считали, что надо перетерпеть — и перетерпим. Ведь на фронте намного труднее. Все делили пополам, особенно горе — когда приходили похоронки, никто не оставался один на один со своей бедой, рядом были соседи, просто знакомые люди, помогали, чем могли. Запомнилось: ни в очередях, ни просто на улицах не было драк, оскорблений, никто никого не трогал, не было воровства. Тетя моя работала в банке и часто возвращалась домой поздно ночью, иногда с денежной суммой и ее никто никогда не трогал.

Мой муж рассказывал, а воевал он под Москвой, что там было так холодно, хлеб приходилось рубить топором. Искры летели, а потом хлеб долго отогревали за пазухой, прежде чем его можно было откусить.

Утро 9 мая для нас началось очень рано, с громкого стука в двери, окна, с криков на улице. Но уже никто не пугался этого стука и этих криков, потому что все ждали вести о Победе со дня на день, считали минуты и часы до этого мгновения. Это было всеобщее ликование. Совершенно незнакомые люди обнимали и целовали друг друга, смеялись и плакали под лучами восходящего солнца. Потом был митинг на площади у обкома, снова поздравления и радость, замешанная на слезах.

И мы стали ждать эшелоны с нашими защитниками.

В 1947 году я вышла замуж. Мой муж с 18 лет был на фронте, защищал Москву, до конца жизни проходил с пулей в легких, инвалид второй группы.

Пока он был жив, всегда посещал школы и рассказывал о войне, о боевых действиях, победах и поражениях. Его имя занесено в Актобинскую Книгу Памяти.

А я рассказала о нашей жизни в годы войны. Просто о жизни».

У **Надии Абдулловны** пятеро детей. Двое педагогов, двое врачей и химик. Она по праву может гордиться своими детьми, имеет медаль Материнства I степени. Около 20 лет Надия Абдулловна проработала в оргметодкабинете областной больницы. Каждый год 1 октября Надия Абдулловна приходит в родной коллектив, вспоминает прошлые дни, кто-нибудь обязательно играет на гармошке, все поют песни. Надия Абдулловна кроме теплоты общения и радости воспоминаний получает и небольшую денежную премию.



Анатолий Петрович Максимча

Анатолий Петрович родился 10 июня 1944 года в поселке Караганда Хобдинского района.

«Я был Анатолий второй в нашей большой семье. Мой старший брат, тоже Анатолий, умер в войну от голода. Как рассказывала мама, все жители поселка и близлежащих деревень спасались сусликами, почти все четыре военных года это была основная еда. Правда, были еще и коровы, но их не резали, потому что без молока остаться было еще страшней. Но сусликов мой брат совершенно не мог есть, и мама пошла просить хлеба у нашего соседа, дяди Кости Шевченко. А он отказал, хотя в поселке все знали: это был единственный человек, который не оставался без хлеба. Брат мой умер. Дядя Костя дожил до 90 лет, но мог бы прожить и больше. Похоронив жену, он остался совсем один и не смог дотянуться до хлеба. Умер от голода — вот ведь как распорядилась судьба!

Кроме сусликов сильно выручала мамалыга, эта кукурузная каша была не только сытной и полезной, но и невероятно вкусной.

В нашей семье было 13 детей, после войны выжило всего девять. Отец с матерью работали в колхозе, на ферме, в поле — куда пошлют. Папу на фронт не взяли по состоянию здоровья, у него был горб. Он всю войну проработал бригадиром. А в бригаде были одни женщины, работать было очень тяжело. Все мужчины нашего поселка воевали на фронтах, кто пошел добровольцем, кого мобилизовали. Мамин брат за мужество и отвагу получил Звезду Героя Советского Союза. Двое наших посельчан вернулись из плена: Могильный И. и Рылин А. Рылину повезло, он каким-то чудом попал не в лагерь, а в услужение в немецкую семью, присматривал за детьми. Как-то, услышав канонаду, он спросил: «Когда наши придут» и получил страшный удар кнутом (хозяйка занималась лошадьми) и сквозь зубы «Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит».

Мне кажется, что моим односельчанам повезло, что практически все возвратились с той кровавой войны домой, к женам, матерям и детям. Я так уверен в этом, потому что не помню, чтобы сильно плакали и кричали наши женщины. Значит, похоронок было мало».



Петр Матвеевич Сердюк

Родился в большой и дружной крестьянской семье 6 июня 1931 года в поселке Алексеевка Хобдинского района.

«В июне 41 года мы все были в поле. Вернулись поздно вечером, а в поселке плач стоит, уже раздают повестки в районный военкомат. Мать моя и все остальные женщины сразу же начали готовить нашим солдатам еду в дорогу. Рано утром их повезли в район. Отца моего на фронт не взяли. Он был 1886 года рождения, участник германской войны 14 года. Тогда он был тяжело ранен и долго ходил на костылях. На войну забрали моего старшего брата, потянулись дни ожидания маленьких фронтовых треугольников. Очень скоро мы научились и по походке, и по глазам нашей почтальонки определять, с какой весточкой идет она в дом. Похоронок было много. Дня не проходило без плача то в одном, то в другом конце поселка. Нас миновала беда, брат живым вернулся с войны, а вот у соседей на фронт ушли двое сыновей и получили они две похоронки. Старший сын погиб под Москвой, а второй уже в 1944 году. С первых дней военрук нашей школы учил 15–16 летних мальчишек и девчонок военному делу, они почти ежедневно совершали марш-броски, бегали по 6–7 километров до района и обратно. Мы часто бегали вместе с ними. А потом приезжали подводы и увозили ребят в район, а оттуда — на фронт. Нам надо было продолжать учиться. В школу я пошел с восьми лет, и к началу войны закончил второй класс, а уже в 11 лет работал в полевой бригаде. Мы учились, но не каждый день, часто вместо занятий до поздней осени ходили ловить сусликов. Я больше никогда не видел такого большого количества этих зверьков. Самих сусликов мы жарили, а шкурки сдавали уполномоченному в район. Наверное, из них шили какую-нибудь одежду для наших солдат. Вообще-то, сусликов мы ловили в любую свободную минуту, ведь это была основная еда, коров держали для молока, кур из-за яиц. В поселке все-таки легче было выживать, мы сажали кукурузу, из нее наши мамы готовили немудреную вкусную кашу, мамалыгу, ее ели просто свежую, а вот хлеба было очень мало, только из просяной шелухи. Все зерно отправляли в Акбулак, на элеватор, для фронта. Тяжело было дежурить на посевах кукурузы, особенно при ранних всходах.

Ее просто облепляли воробьи, и можно было остаться без кукурузы. Мы гоняли воробьев с помощью трещоток, металлических брусьев и просто криком и шумом.

Из суслячьего жира получались очень хорошие фитили для каганцов, они горели долго, как свечи, и почти не давали копоти. С такими каганцами мы и зимовали, и учились при их свете. Лампочек электрических не было, и при свете каганцов мои сестры (их у меня четверо) вязали носки и варежки для фронтовиков и сдавали их в сельсовет. Там эти вязаные вещи упаковывали и отправляли солдатам.

Ходили в поношенной, но чистой одежде, хотя стирать приходилось без мыла, только золой. Иногда можно было встретить мальчишку в разных сапогах или в мамином платке. Никто не смеялся, не насмешничал. Осенью собирали бурьян, кизяк — основное топливо на зиму. Керосина тоже не хватало. Мы переехали в Казахстан с Украины в 1938 году, отец с матерью за один год построили землянку из пластов дерна. Стены были толстые, комнат всего две, на одно окно каждая. Поэтому зимой мы не мерзли. Хотя снега хватало — заносило нашу землянку иногда до самой крыши.

Трудно приходилось в школе — мы писали на газетах, с обеих сторон между строк. Чернила расплывались и размазывались — так что учеба была, пожалуй, тоже подвигом.

Техники не хватало, в колхозе имелся старенький колесный трактор, но он постоянно ломался, а запчастей не было. И вот весной женщины на быках распахивали землю, за ними шли старики и разбрасывали зерно. А наша задача была это зерно втоптывать в землю, чтобы не склевали птицы и оно проросло. Потом мы приловчились, и стали уходить рядками вперед, и зерно докидывали до нас — получались более или менее ровные ряды посевов. Сейчас о таком способе посева только в старых книжках прочитать можно. Никто не жаловался, все понимали, что наша работа нужна фронту, и там, под бомбами и пулями нашим родным намного тяжелее.

За хорошую работу нам давали по куску хлеба, разрешали собирать колоски и шелуху от проса. Осенью тоже вручную скирдовали зерно, потом женщины обмолачивали его цепами на токах. Комбайнов тоже не было. Все зерно оправляли на фронт.

9 мая 1945 года был самый обычный день. Мы работали на посевной. А после обеда приехали в нашу бригаду из района, привезли радостную весть о Победе. И подарок — почти булку настоящего хлеба каждому из нас!

В июле пришли первые фронтовики. И только тогда мы по настоящему поверили, что война закончилась».

Сердюк Петр Матвеевич и после войны остался работать в родном колхозе, сначала на колесном тракторе, потом на ДТ. В 1982 году вместе с женой Зоей Петровной переехал в Актюбинск. У них тоже большая семья: трое детей и восемь внуков.



Рахимжан Сакенович Сакенов

Родился 17 марта 1935 года в колхозе Жанажол Джурунского района, в семье крестьянина. Семья была по тем временам небольшая — у Рахимжана имелась только старшая сестра.

«В июне 1941 года в колхоз часто приезжала бортовая машина (это хорошо запомнилось, так как машины были редкостью) и собирала призывников на фронт. В колхозе собирался народ, провожали своих родных и близких, провожали в неизвестность. Плакали. Ведь никто не знал, придется ли еще раз увидеть отца, сына, брата.

Моего отца на войну не взяли по возрасту, он родился в 1884 году. Из нашей семьи проводили двоюродного брата, Кулахметова Искандера. Первое время призывали строго по возрасту. Всем было страшно.

Отправляли на фронт после короткой подготовки со станции Эмба, от нас 77 километров, на подводах и грузовиках. И нам оставалось ждать вестей с фронта и работать. Самым главным человеком в военные годы для нас стал наш почтальон, старик Сайм. Он разносил почту через день, был аккуратным и добросовестным. От Сайма мы узнавали последние новости, ведь в колхозе не было света и радио. Первые письма — да и потом тоже — читали всем колхозом. Частенько их читали школьники,

затем отвечали под диктовку старших. Грамотных в колхозе были единицы. Радовались первым небольшим победам, всем миром оплакивали погибших. Не обошла и нашу семью похоронка. Мой брат погиб смертью храбрых в Смоленской области, Темкинском районе, пос. Васильевский. Только в 2006 году мне удалось разыскать его могилу. Я отвез горсть земли с Родины на место его захоронения, и оттуда взял землю, перезахоронил в Актобе и поставил памятник.

Как ни горьки были утраты, все понимали, что надо продолжать работать. Ведь наша работа приближала день освобождения от захватчиков. Работали женщины, дети, старики. С первых лучей солнца и до поздней ночи. Все дети работали, начиная с третьего класса. Малыши должны были гонять воробьев, особенно во время посадки проса. Воробьи могли запросто уничтожить все, что было приготовлено для посадки. В нашем колхозе сеяли пшеницу, просо, в конце войны — кукурузу. Сеяли вручную. Сначала на волах распахивали землю. Женщины гнали волов плетьюми, а мальчишки вели их на поводьях в нужном направлении. Потом самые опытные старики руками разбрасывали зерно. Убирали обыкновенным серпом, молотили на токах, каменными катками. Женщины раскладывали зерно большими кругами. В обязанности пацанов военного времени входило верхом на лошадях проволакивать каменный каток по кругу. Я думаю, нашим лошадям в цирке не было бы равных. Веяли тоже вручную, лопатами. В колхозе была только одна молотилка, но и она часто ломалась, а запчастей не было.

Так же, вручную, безо всякой техники, была сооружена Батпакульская плотина, на тысячу гектаров. Весь урожай, полученный на этом орошаемом участке, мы отправляли на станцию Эмба, в приемный пункт. Шли караваны из верблюдов, волов, лошадей, нагруженных мешками весом по одному или полтора центнера. Я тоже участвовал в посевной и уборочной страде, помогал обмолачивать зерно.

Наши матери и сестры, старушки вязали для фронтовиков варежки, носки, делали полушубки из бараньих шкур.

Зимой учились. Перерыва в занятиях не было, но в нашем колхозе работала только начальная школа, я ее закончил в годы войны.

Все постройки у нас были из самана — это сильно выручало в снежные и холодные военные зимы. Печи топили шагыром, камышом, по осени заготавливали дрова и кустарник. Но основное топливо было кизяк. Тем более, что его было достаточно, ведь в каждом доме были коровы, овцы, козы. Вот только куры были редкостью. Резать скот на мясо строго запрещалось. Все заготовки отправлялись на фронт. На каждую корову устанавливалась норма сдачи молока и масла. Нам оставался только обрат. Приходилось доить овец, коз, делать брынзу — ее разрешалось иногда

оставить себе. Выливали и ели сусликов и даже ишачину. Летом собирали разную траву и тоже ели. Травы в степи было много, хватало всем.

Я ни разу не слышал, чтобы люди жаловались или роптали, наоборот, всегда помогали друг другу, последним делились. И как-то сразу дети выросли. Наверное, действительно, нужда и беда сплачивают людей.

Зимой 41–42 года к нам прибыли эвакуированные из Ростовской области, со всеми пожитками и скотом. Их расселили по домам. Теперь в одной комнате могло ютиться по 3–4 семьи, буквально по углам. Все жили дружно, никто не скандалил, не ругался. На всех был один котел и каждый нанизывал кусочки мяса на нитку или завязывал в тряпочку, чтобы потом съесть только свой кусочек и никого не обидеть.

В мае 45 я тяжело болел. 9 мая услышал, как мать и сестра побежали к соседям. Крик, слезы, плач. Я с трудом поднялся, вышел на улицу и увидел, что это слезы радости, что люди плачут и смеются одновременно. Это были слезы Победы. Победы, о которой мы узнали около 11 часов утра, ведь добраться до нашего колхоза было нелегко.

Уже в начале июня стали прибывать первые участники войны, наши победители. Сначала это были раненые, а ближе к осени мы стали встречать остальных. Мы пережили голод и разруху, изнурительный труд, но мы были дружны и не потеряли чувства сострадания и справедливости, дождалась Победы и стали учиться жить без войны. Ученые-философы считают, что людям даже нужна война — как испытание, как воспитание человеческих качеств. Но это слишком тяжелый урок».

Сакенов Рахимжан Сакенович окончил Алмаатинский зооветеринарный институт в 1957 году. Работал главным ветврачом в Шагаджановском и Хобдинском районе, затем директором Актогайского совхоза, начальником областного управления овцеводства, первым секретарем Иргизского райкома партии, вице-президентом «Актюбмясопрома» — это далеко не полный его послужной список. Последнее место работы — вице-президент Актюбинского Университета «Дуние». У Рахимжана Сакеновича двое сыновей и шесть внуков. Он полон энергии и с удовольствием встречается со студентами университета и своими коллегами.



*Трясется по степным дорогам
В клубах пыли грузовик бортовой.
И хмурый военком в фуражке пыльной
Кричит того, кому оставить дом родной.*

*Выходит новобранец, стар и млад,
И наскоро прощается с родней.
И только плачет мать, шепча вослед солдату:
«Воюй, как надо! И вернись, пожалуйста, живой!»*

*И все. Вдали смолкает шум мотора.
Осталось лишь вестей с позиций ждать.
И делать все, чтобы приблизить пору,
Когда домой придет ее солдат.*

*За старшего теперь в семье младший братишка
Пасти коров, пшеницу убирать,
Мать утешать, читать сестренке книжку
И по полсуток у станка стоять.*

*Так, в ожиданьи, проходили дни, недели.
Тоска и боль терзали всем сердца.
Но каждый жил и твердо верил,
Что будет стерта свастика
с земли родной лица.*

Е.Емельянова

Надежда Васильевна Гречухина

Давным-давно, во время Столыпинской реформы, в степь Западного Казахстана приехала молодая семья из Украины. На долгие километры тянулись обозы с переселенцами. Степь встречала непрошенных гостей неласково — пыльными бурями, суховеями, жарой и безводьем. Совсем иначе измученных людей встречали казахи — кормили, поили вкусным чаем, помогали искать воду, учили обращаться с верблюдами. И жизнь постепенно налаживалась. У молодых украинцев родились дети, потом появились внуки. Так через много лет в селе Нагорное появились родители маленькой Нади.

Тетя Надя — просто язык не поворачивается назвать ее «баба Надя», настолько она энергична, ее волнует абсолютно все, что происходит вокруг и до всего ей есть дело — так вот, тетя Надя по свидетельству о рождении родилась 2 января 1937 года. Но она считает себя немного старше, что может быть правдой, потому что путаница в документах была в то время достаточно частым явлением. Она помнит отца — статного мужчину в белой фуражке и в белом костюме, балагура и весельчака, знавшего огромное количество пословиц и острых словечек.

И эту уже устоявшуюся, мирную жизнь в одночасье перечеркнула война. Уже 24–24 июня 1945 года по поселкам потянулись серые и зеленые бортовые машины со скамейками в кузове. Началась всеобщая мобилизация. Списки составлялись в городе и по этим спискам уполномоченные выезжали на сборы по всему району. Надя очень четко помнит, как ехали эти машины, останавливаясь у нужных домов. «Выходи», — кричал уполномоченный, добавляя фамилию и имя. И новый солдат выходил, наскоро обнимал родных. — и все. Новобранцев увозили в город, а оттуда в телячьих вагонах на фронт. Так же быстро забрали и Надиного отца. Он успел только поцеловать жену на прощание, да сказать «Молись, чтобы я был живой». Эти слова маленькая Надя запомнила на всю жизнь. А ехать в город провожать — не было никакой возможности.

И потянулись дни — в работе сутки напролет, в ожидании весточки с фронта.

Только одно письмо получили они отца — он сообщал, что уже на передовой. Мать долго плакала и молилась, как будто уже знала, что будет дальше.

А дальше была похоронка, одна из первых в Нагорном.

А дальше была зима. Суровая, как очередное испытание на прочность. Были Надюшка и ее младшая сестра, и только что родившийся сын, о котором так и не узнал отец.

И была работа — по 12–14 часов, изнуряющая, отупляющая, мутящая сознание.

И была та зимняя ночь, когда Надина мама в очередной раз отправилась вместе с другими женщинами на заготовку сена, вернее, за тем сеном, которое с осени осталось неубранным. Под вечер лошадь распряглась, началась метель и женщина замерзла. Трое детей остались сиротами.

Можно сказать, им повезло: весной 1942 года Надю забрали «в семью», удочерили. Брата и сестру забрали другие незнакомые люди. Надя с новыми родителями переехала в Мартук. Приемного отца на фронт не взяли по состоянию здоровья, но уже зимой 43 года он был зачислен в состав бойцов трудового фронта, на восстановление связи (приемный отец имел специальность связиста). Чтобы быть к нему ближе, вся семья перебралась в Астраханскую область, поселок Янатаевский. Здесь Надя почувствовала настоящее дыхание войны. Часто слышала взрывы снарядов, вой сбитых самолетов, казалось, даже запах войны долетал до маленького поселка.

На Надиных хрупких плечах было все хозяйство — она пасла коз, собирала разные травы, из которых можно было варить что-то похожее на суп. Наде иногда казалось, что она работает прислужгой. Коз пасти было совсем нетрудно, даже весело — козлята, как дети, играли с нами, — вспоминает Надежда Васильевна.

«У нас даже было такое развлечение — после бомбежек в окрестностях всегда оставалось много разноцветных стекол от посуды, витрин магазинов. Мы эти стекла собирали и несли украшать могилы на кладбище. И если мы видели рядом со скромной могилой другую, где много цветов и венков, то часть венков переносили на бедную могилу. Ведь все должны быть равны! Все могилы и склепы обшарили, совсем без страха.

В Янатаевском я училась в первом классе. У нас был один учебник на несколько человек, чернила в пузырьках и заточенные палочки вместо ручек. Учителя были хорошие, особенно запомнилась учительница по истории. Вообще, люди были разные — я видела и тех, кто наживался на людской беде, и тех, кто делился последним. Но хороших все-таки было больше.

Помню богатую накрашенную даму, всю в золоте, которая даже не стеснялась говорить, что все заработала на детях. Оказалось, что она перепродавала продукты, выделяемые для детского дома, которым она

заведовала. Я не знаю, как сложилась ее дальнейшая жизнь, бог ей судья. Меня воспитывали иначе — трудиться, уметь отвечать за себя, помогать ближним. Старые люди называли воровство большим грехом, за который будут в ответе даже наши дети. А жизнь — она ведь всегда трудная. Мне даже приходилось побираться у вагонов, чтобы было что покушать. С вагонов кидали хлебные корки, рыбу, иногда солдаты бросали нам конфеты.

Питались мы в основном рыбой, травой, тыквой и арбузами. Рыбу ловили сами. Иногда приходилось переходить Волгу, чтобы попасть на рыбные места. Для этого нанимали проводников. Говорят, до сих пор есть люди, которые знают места, где Волгу можно перейти вброд.

Из тыквы варили будан — что-то среднее между киселем и кашей. Ели. Как только сходил снег, отрывали из земли коренья растения, похожего на камыш. Эти корешки назывались чушинки, их очень хорошо ели свиньи. Мы сушили эти корешки на печке, потом чистили стеклышком (шуршали, как мыши) и ели. До сих пор помню этот вкус. Чем-то чушинки напоминали нам орехи. Мама вязала варежки и носки для солдат, в каждой семье для фронта отдавали все, что могли.

Такая жизнь была. Кто померил, тот поверил. Но вот настал май 1945 года. Все уже знали, что Победа за нами, мы выстояли в этой страшной битве, но как же долго тянулись эти последние дни, как их ждали в каждой семье! Девятого мая я, как обычно, пошла в школу. И обомлела — весь поселок был на улице, играла гармошка, кто-то пел, кто-то плакал. Оказывается, уже сообщили о конце войны и капитуляции Германии.

Уже в августе мы поехали домой. Ехали через Сталинград, там мы проходили санобработку. Это было необходимо, потому что практически у всех были вши. А я переболела малярией, очень тяжело. Не было никаких лекарств, вылечили отваром полыни и хиной. Я была совсем прозрачная, тоненькая.

Очень хорошо помню разрушенный Сталинград. Ни одного целого здания, разрушены мосты, заводы, магазины — все в руинах. Но город жил и работал — в подвалах, в бомбоубежищах. Прошли санобработку, на пароходе добрались до Саратова, а оттуда уже ехали на поезде.

В Актюбинске сначала попробовала работать на заводе ферросплавов, потом водовозом на быках — но не выдержала, ни рост, ни здоровье не позволяло. Особенно после случая, когда по моей вине пришлось забить быка. Он ночью наелся ржи, а утром я его напоила и хотела запрячь, но бык мой упал и весь прямо вздулся. Мясо потом долго ели. Хорошо, хоть не наказали строго, ведь каждое животное было на строгом учете. Я радовалась тому, что я живу. Потом я работала швейей в

швейной мастерской «Образец» — сейчас там находится центр отдыха «Казахстан», который был первым Актюбинске кинотеатром с двумя залами. И на работе люди были разные. Я всегда работала честно. По-другому не умела».

Гречухина Надежда Васильевна живет в старой части г. Актюбе. У нее трое детей, семеро внуков и семеро правнуков. Старшая правнучка уже заканчивает 8 класс. Всех вырастила, дала высшее образование, научила жить. Часто встречается со своим коллективом. И по-прежнему осталась неравнодушной, помогает людям и благодарит бога за свою нелегкую жизнь.





Просто цифры...

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сёл и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 млн зданий и лишили крова около 25 млн. человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орёл, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.

Во время оккупации немецко-фашистские войска разрушили 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 млн. рабочих; уничтожили или вывезли 239 тысяч электромоторов, 175 тысяч металлорежущих станков.

Было разрушено 65 тысяч км железнодорожной колеи, 4100 железнодорожных станций, 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

Фашисты уничтожили или разгромили 40 тысяч больниц и других лечебных учреждений, 84 тысячи школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тысячи библиотек общественного пользования.

Были разорены и разграблены 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций; немецкие войска зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. голов свиней, 27 млн. овец и коз, 110 млн. голов домашней птицы.

Чрезвычайная Государственная Комиссия определила ущерб, причинённый народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям, в сумме 679 млрд рублей в государственных ценах 1941 года.

Сдвиги в численности, составе и размещении населения. Людские потери СССР составили за годы войны 28 млн. человек, 2/3 из них пришлось на мирное население. В 1946 г. население СССР составляло 172 млн. человек. Эта цифра едва превышала уровень 1939 г. (до включения в Советский Союз прибалтийских и западно-украинских территорий с населением около 23 млн. человек). Довоенная численность населения была восстановлена только через 10 лет, к 1955 году.

Годы военного лихолетья тяжело отразились и на сельском хозяйстве: было разорено около 100 тыс. колхозов и совхозов, сожжено более 70 тыс. деревень, тракторный парк сократился на 1/4, поголовье лошадей — на 50% (в 2 раза), свиней — на 65%, крупного рогатого скота — на 20%.

Плодородные поля Украины, Кубани, Дона и Поволжья были усеяны минами, перекопаны рвами и траншеями, заросли бурьяном. В целом посевные площади страны сократились со 150 до 114 млн га, т.е. на 24%. На оставшихся от войны минах и снарядах подорвалось немало деревенских жителей, особенно — детей.

В деревнях оставались почти что одни женщины и старики, которым нередко приходилось пахать на коровах. Многие демобилизованные из армии предпочитали не возвращаться в деревню, а вербовались на многочисленные стройки, где их обеспечивали жильем, хотя бы в бараках, и гарантировалась постоянная оплата труда.

В годы войны гитлеровцы планомерно уничтожали культуру «неполноценных славян». Было разрушено 84 тыс. школ, техникумов, вузов и научно-исследовательских институтов, 43 тыс. библиотек, разграблены и сожжены дворцы Павловска, Петродворца, Царского Села, вырублены их исторические парки. Фашисты не пощадили музеи-усадьбы А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, старинные соборы и монастыри Новгорода, Пскова. В Германию было вывезено имущество не успевших эвакуироваться музеев, что породило неразрешённую до сих пор проблему реституции (возвращения) культурных ценностей, перемещённых в годы Второй мировой войны.

В огне войны погиб каждый седьмой житель СССР, национальное богатство страны сократилось на 1/3. Западные эксперты со злорадством подсчитали, что восстановление разрушений займёт у советских людей не менее четверти века.

Страна была практически полностью восстановлена за пять лет. И с этим историческим фактом не поспоришь!

*К нам в степь не добралась война
Разрывом бомб и грохотом снарядов.
Она таилась в треугольниках письма
И каждый знал, что горе где-то рядом.*

*Война открыла в каждом даже те черты,
Которые скрыть хочется подчас.
Перед лицом всеобщего несчастья и беды
Равны мы были, без регалий и прикрас.*

*Кто злобился, а кто, храня и дел, и сердца чистоту
Спешил на помощь, свое горе забывая.
И молча гладил по ручонкам сироту
Ему надежду к жизни возвращая.*

*И верно потому сейчас, ведя беседу,
Про боль и смерть в те давние военные года,
Я после слез вдруг слышу: «все же
Как хорошо мы жили, вместе были мы всегда».*

*Подумать надо всем — а что же вдруг случилось?
Что потеряли мы за мирные года?
И неужели нам война нужна, как милость,
Чтобы понять, что значит мир для нас?*

Е.Емельянова

Надежда Петровна Лапаева (Азовскова)

Лидия Петровна Щипакина (Азовскова)

Александр Яковлевич Лапаев

Надежда и Лидия — сестры. Лида постарше — с 1937 года, Надя младше, она родилась в 1940 году.

Уже с порога мне показывают замечательный коллаж — составленное из фотографий семейное древо. Говорят все сразу, перебивая и поправляя, стараясь вспомнить мельчайшие подробности. Становится ясно — это огромная и дружная семья, где уважают и ценят друг друга, бережно хранят память об ушедших. И в первую очередь о родителях — Петре Михайловиче и Пелагеи Николаевне, простых и незатейливых тружениках, рабочем и домохозяйке, Матери-Героине. Петр Михайлович и Пелагея Николаевна вырастили настоящими людьми 11 детей, воспитали в них любовь к труду, уважение, честность и ответственность. Лида сразу же вспоминает, что им было на кого равняться — не только родители были им примером, их родные и близкие также оставили свой след в истории родного города Уральска. Голунов Константин Николаевич, дядя Костя, брат мамы, стал первым пионером в Уральске. Как же можно подвести такого человека? О дяде Косте можно найти много интересного в местном краеведческом музее. По-разному сложилась жизнь братьев и сестер этой большой семьи. Константин, Николай и Евгений надолго связали свою судьбу с футболом и их спортивные удачи до сих пор помнят в народе. Лида стала воспитателем детского сада, Надя работала и на кондитерской фабрике, и на военном заводе им. Ворошилова, и товароведом, фотография Владимира в Дни Победы украшала заводскую Доску Почета, если посчитать трудовые будни всей семьи, то получится больше двух столетий. И никто и никогда не посрамил чести семьи и чести трудового человека.



И в эту жизнь смерчем ворвалась 22 июня 1941 года война. И сразу четверо покинули родной дом: отец и трое братьев. С матерью и сестренками, за старшего, за кормильца, остался четырнадцатилетний Костя. Вспоминает Лидия Петровна: «Косте и 14 лет дать было трудно, такой он был маленький да худой. Наша тетка сначала пристроила его на наш военный завод красить заборы. А чуть позже упростила начальника третьего цеха Якова Кутафина поставить Костю слесарем. Он ему долго места не мог найти, к какому станку поставить, в конце концов, Костя стал подставлять себе под ноги ящик, и так работал. Он настолько хорошо освоил слесарное дело, что в конце войны, когда его год пошел на фронт, ему безоговорочно дали бронь. За Костей приезжали и ночью, и после смены, у него получались самые тяжелые детали. Никогда не отказывал! Косте даже директор завода, командированный из Ленинграда, Атоян Петр Александрович, позволял лудить ложки, вилки и другую посуду. Петра Александровича уважительно называли «хозяином», и это было правильно. Он уверенно руководил заводом, никогда не забывал и о людях. Всегда слезы не глаза наворачиваются, когда о нем вспоминаю. Он и брата нам помогал лечить, и хоронить.

В 1944 году я пошла в первый класс, в 17 школу. Учебников не хватало, мы пользовались ими через день, менялись друг с другом. Писали на краешках газет и прямо в книгах. Вместо сумки мама сшила холщовый мешок, с ним и ходила в школу. Зимой было особенно тяжело — на всех одна фуфайка и одни валенки, поэтому бывало, что в школу ходили по очереди. Хорошо помню первую учительницу, Раису Витальевну, которая учила нас до пятого класса. Она была из военных, после ранения, без руки и без глаза. Жила совсем одна. Часто занималась со мной, я была слабень-



кой ученицей и я помогала ей: мыла полы, выносила ведро, иногда даже помогала готовить. Мы все ей помогали.

Нас сильно выручал большой земельный участок. На нем сажали овощи и тыкву. Хорошо помню, у нас давно валялась телячья шкура, отец зарезал теленка еще до войны. И мама отрубала кусочек этой шкуры, смолила ее на примусе, мыла, и после варила холодец. Жмых ели, очистки картофельные мама варила».

Вступает в разговор Надежда Петровна: «А помнишь, паслен летом собирали и продавали три стакана за 10 копеек? То, что это паслен, я узнала уже здесь, в Актюбинске. Мы его называли «вороняшка». Печку топили коровьими лепешками. Коров пасли, коз. Скотина очень выручала. Еще за Уралом, в Ханской роще, находились лагерь — там устроили лазарет, и детский дом. Мы туда часто ходили через плотину, носили раненым и детям молоко. Всегда у нас просили козье молоко, и мы уже тогда знали, какое оно целебное. Нам за это давали солдатскую кашу, и даже суп. Молоко мы еще сдавали в соседний совхоз «Коминтерн», там его перерабатывали, нам возвращали обрат и еще платили 6 рублей. Это были по тем временам очень большие деньги.

Мама часто плакала. Но нам еще повезло — мы и письма от отца получали регулярно, и он даже приезжал несколько раз на побывку. Отец был конюхом, возил комсостав. Помню, приехал он с каким-то военным, остались они у нас ночевать, а утром отец обнаружил, что он исчез и унес с собой отцовы штаны, так они ему понравились. Мать только рукой махнула, ругаться не разрешила, дала другие штаны. Было, конечно, и мародерство, но таких людей сама жизнь наказывала, не могло пойти в добро украденное!

Мама была депутатом. Именно ей поручили сообщить об окончании войны 9 мая 1945 года. А отец вернулся домой только в 1947 году. И мама приготовила самое лучшее угощение — вареную картошку, не очистки, а самую настоящую! Отец был больной, полуслепой, но — живой!»

К нашему разговору присоединяется супруг Надежды Петровны, Александр Яковлевич Лапаев. Он родился в 1932 году, в Сталинградской области, в Елани.

«Мои родители оба были крестьянского рода, были колхозниками в «Коминтерне», так раньше многие колхозы называли, в каждом районе был такой. Война совсем рядом с нами была, немцев остановили только под Камышиным. Прямо за огородами мы копали окопы и насыпали земляные валы на случай прорыва фашистов. Немецкие самолеты постоянно летали по ночам, жутко выли, сбрасывали бомбы с самой разной начинкой, даже со стеклом. А как потом скот пасти? Я каждое лето военное подпаском работал. Вот, помню, сестру палкой гонял, чтобы вовремя коров доила. Кормились с огорода: той же тыквой, свеклой, овощами. В каждой семье имелись козы, овцы. Для фронта вязали носки, варежки, носки, по норме, все было рассчитано. шерсть овечью сдавали, яйца, молоко, масло. только бы победили наши! За огородом, ближе к реке, сажали капусту. Убирали землю, чтобы проступала вода. После Сталинградской битвы во всей округе появилось много пленных немцев. Их уже никто не боялся, даже жалели. Да и какие это были фашисты — измученные, голодные солдаты, пленные немцы глушили для нас рыбу. И сами ели, и мы рядом с ними, и еще домой несли.



Хлеба не хватало, приходилось по ночам стоять в длинных очередях. Мы собирали колоски, после комбайнов их много на полях оставалось. Били колоски веревками, прутами, чтобы осыпалось зерно. Потом несли это зерно на каменную мельницу, вручную мололи. Получалась серая, грубая, но мука. стакан такой муки отдавали в оплату за мельницу. Зато в саду у нас всегда были вишни, сливы, яблоки.

В школе нашей развернули госпиталь, нас перевели в другое помещение. И дрались там, и играли, и учились. Перья, помню, привязывали к палочкам и так писали. Птичьи перья, не железные.

В мае 45 выгнал, как обычно, коров пастись и ничего не пойму все на улице, женщины плачут, кричат в голос. Оказывается, это война кончилась. Отец вернулся уже в 1945 году.

После войны служил в Севастополе, потом работал бурильщиком на острове Песчаном, хорошо зарабатывал. После пригласили в Казахстан. Поехал. Не жалею. Практически весь Жилгородок построен с моим участием, везде проходил мой ГАЗ-93.

Всегда мы все сплоченные были, дружные. Нельзя обижать людей, надо быть добрым».

Это действительно добрые, жизнерадостные люди. Наверно, поэтому просто невозможно поверить, что им всем далеко за семьдесят лет.

У **Надежды** и **Александра** шесть детей, шесть внуков и шесть правнуков. Старшему внуку уже 43, а младшему правнуку исполнилось 10. И когда в уютном доме в районе областной Филармонии собирается вся семья, можно только радоваться вместе с ними, и, наверное, немножко завидовать. 14 апреля Надежда отметит свой день рождения и займется огородом, а как же иначе?





Борис Васильевич Петухов

Родился в Актюбинске в 1936 году. Отец — авиатор, начальник отдела перевозок в местном аэропорту. Мама была домохозяйкой. В семье росли трое сыновей: у Бориса в 1940 году родились братья-двойняшки. «Мама моя была потомственной казачкой. Она много пережила на своем веку и научилась чувствовать беду заранее. Задолго до начала войны я видел, как она потрошит матрасы и набивает их зерном, приговаривая при этом: «Вот начнется война, голод, чем же я буду сыновей кормить? Вот и согдится».

Яркое впечатление от начала войны: именно в ночь на 22 июня загорелись цеха авиаремонтного завода, пожар был очень большой. Кто говорил, что это случайность, кто считал пожар диверсией, вредительством.

Отец сразу же ушел добровольцем на фронт, в одиннадцатую авиационную армию, которая формировалась в Казани. Он сразу же попал под Сталинград. Потом жили только письмами.

Осмысливать, что такое война я начал именно с вестей о боях под Сталинградом, которые постоянно передавали по радио. Эта черная пергаментная тарелка с управлением в центре, репродуктор, висела в каждом доме и практически никогда не выключалась.

После Сталинградской битвы в Актюбинск стали прибывать эшелоны с пленными немцами. Их везли в товарняках (пульманах) и часто на станции

приходилось сначала выгружать трупы, и только потом выводили живых. Морозы стояли очень сильные, да еще мародерство, болезни, особенно тиф, Мертвых хоронили на кладбище в районе улицы Турксиба, где мы жили.

В 1944 году отца ранили и после ранения его направили в Кривой Рог. Там он работал до 1946 года инструктором-преподавателем в школе ускоренной подготовки летчиков-истребителей. Эти молодые ребята часто погибали уже в первом бою. Поэтому и вышел тогда указ Сталина, о том, чтобы не посылать в бой необстрелянных летчиков от 25 лет и младше. Мы тоже переехали к отцу. Вместе с собой в другом вагоне перевезли корову — нашу главную кормилицу.

Кривой Рог был основательно разрушен. Особенно запомнился красный цвет: красная пыль, красные дома, красные каменные заборы и каменные скамьи у домов. Особенно разрушена была окраина и наша улица Почтовая. Часто шли дожди, влажность была высокая, хлеб, который обычно хранился в кухонном столе, быстро покрывался плесенью. Дожди вымывали трупы погибших, их потом собирала специальная похоронная команда. Прямо за городом мы пасли коров, а уже на опушке леса можно было наткнуться на оставленные мины. Мы примерно знали, где они заложены, но все-таки помню, что трое-четверо ребят подорвались. Это только те, о которых я знаю.

На окраинах города располагались шахты, еще царской постройки, накрытые толстыми деревянными досками. Немцы сбрасывали туда растрелянных евреев. Шахты были вертикальные, можно представить, сколько туда трупов вошло. Мальчишки кинули туда гранату, так на километры вокруг кости и скелеты разлетелись.

Первый и второй класс я учился в украинской школе. Это была четырехлетка и в ней всего одна учительница. Так что я, можно считать, все четыре класса за два года освоил.

День Победы стал для нас и праздником, и трагедией. Весь народ собрался на стадионе. Перед нами выступал молодой майор, красивый, статный — и вдруг выстрел. Пуля попала ему точно в лоб. Стрелял снайпер, из оставшихся банд. Паника началась, с трудом народ успокоился, долго потом вспоминали эту совершенно нелепую смерть.

Отца потом перевели в СМЕРШ.

В 1943 году мы и еще две семьи погрузились в вагон с буржуйкой, в другой вагон погрузили скот и отправились назад, в Актюбинск. Ехали долго, только в Киеве стояли две недели. Вот в Актюбинске я и узнал, что такое голод. Летом вырубали суслики-песчаники на Бештамаке — мы их выливали, обдирали и ели, с диким луком и чесноком. На мельнице — крупорушке мололи муку. У мельницы была специальная пластина, подвигав которую можно получить муку разного сорта, от мелкой, до самой

грубой, манку даже. Собака нам помогала. У нас жил дворовый пес, куцый, умный, хотя никто его не учил. Он тоже принимал участие в добыче пропитания. В те годы возле завода Сельмаш находился главный цех хлебокомбината. Вечером, к концу смены, некоторые ухитрились выбросить через забор булку хлеба, чтобы потом подобрать. Пес наш ровно к концу смены бежал к заводу и приносил хлеб, в той же тряпке, в которую он был завернут. Мать делила хлеб на всех, собака тоже получала «паек». А потом он украл котелок со шкварками, его, видно, успели проткнуть вилами. Но он все-таки донес котелок до дома и уже тогда умер.

Самое замечательное лакомство — пеклеванный хлеб с молоком. Сейчас такого хлеба нет.

Я поступил в пятнадцатую школу, директором которой была Башуткина Таисия Петровна, там я закончил 7 классов и доучивался в школе №13. Учителя были и из репрессированных, и беженцы, но это были настоящие мастера. Просто уникальные были учителя! У нас химию преподавала дочь академика Стальского. Хотя им, «потерявшим доверие», было особенно тяжело. Я помню, сколько перенес трудностей друг отца. Тоже летчик, он совершал дальние вылеты еще в начале войны, бомбил Берлин. И вот при бомбежке Берлина его сбили, он попал в плен. Его даже в клетке по городу возили. Всю войну он провел в плену, но не сломался, был даже заместителем руководителя подполья в концлагере. После войны ему запретили летать, не доверяли долго, но он все выдержал, перучился, стал первым мэром г.Актау, является ученым секретарем АН Казахстана. Фамилию сейчас не могу вспомнить, но это не важно. Важно то, что мы смогли остаться людьми, не потерять чести и достоинства».

Борис Васильевич закончил Ейское авиационное училище, где тоже готовили летчиков-истребителей, но уже для войны в Северной Корее. Отец его считал, что подготовка была очень слабой и сделал все, чтобы сын пошел просто служить в армию. Четыре года Борис отслужил на Тихоокеанском флоте, командиром машинокотельной группы на эсминце. После службы работал на Орской ТЭЦ, в Актюбинском совнархозе, в Уральске на заводе.

Сейчас Борис Васильевич — президент АО «Акдюбинскглавнаб», единственного предприятия, сохранившегося от системы Госснаба СССР.

Петухов Борис Васильевич женат, воспитал сына и дочь, у него есть внук. Работе отдает все свое время — он просто не может иначе. Сын работает вместе с отцом. А дома его ждут жена и верная кавказская овчарка, которая беззаветно любит свих хозяев.

*«Спасибо деду за Победу»
Слышны повсюду в майскую пору слова.
Но только странно, что ведя беседу
Смысл этой фразы понимает внук едва.*

*Еще в живых остались Ветераны
Великой той, освободительной войны,
И с каждым днем все больше ноют раны
В ответ на короткую память страны.*

*Мне дед, прошедший три войны, сказал когда-то:
«Мы, внучка, мир и жизнь отвоевали вам».
Нет, что-то здесь не так, совсем не так, ребята
Коль войны снова полыхают тут и там.*

*Наверно, правы те ученые мужи,
Твердящие о том, что войны начинают
Греметь в тот миг, когда с планеты исчезает
Последний, кто военный ужас пережил.*

*Поэтому так больно мне, когда подросток
Уж очень весело о дедовской Победе говорит
И ленточка Георгия Святого
Без всяких почестей на стройке
за углом дрожит.*

Е.Емельянова

Просто люди...

Меня часто спрашивают, где я нахожу героев своих историй. В случайно завязавшемся разговоре на улице или в транспорте, в беседе с близкими и знакомыми коллег по работе, из скупых заметок в местной печати к юбилейным дням. Это простые бесхитростные люди, которых не сломало ни военное время, ни тяжелые послевоенные годы, ни смутное и непонятное перестроечное время. Просто люди — сохранившие верность Родине и долгу, неравнодушные ко всему, что происходит вокруг.

Разговор всегда складывается нелегко — слишком много тяжелых воспоминаний. Слишком много выпало испытаний на неокрепшие детские души, познавшие до черного воскресенья 22 июня только любовь и ласку, теплый ветер казахских степей и добрые лица вокруг.

Я не тороплю моих собеседников. Мы иногда молчим, иногда плачем вместе. И в этих воспоминаниях — во всех! — я увидела, пожалуй, главный парадокс военного времени: какое же трудное было время — но как же хорошо мы жили! Конечно, много разных людей было вокруг, но хороших было намного больше.

Как-то в поезде, по дороге в Москву, я разговорилась со своими попутчиками. Они по очереди читали мой сборник и плакали. Семейная пара. Живут в Москве. Ему в годы войны было чуть больше семи лет, ей — всего четыре. Войну они встретили в Алма-Ате. Главной едой были кукурузные лепешки и пирожки со свеклой и морковкой. Женщина до сих пор ненавидит эти пирожки, а тогда — без них было просто не выжить. Мужчина вспоминает эвакуированные заводы, многие из которых работали прямо под открытым небом на территории, огороженной колючей проволокой. Его отец много раз просился на фронт и мальчик помнит, как плакала мать, просила не оставлять ее и детей. На фронт отца не взяли и он целыми сутками, неделями пропадал на работе, стремясь хоть так помочь нашим воинам. И трое мальчишек, его сыновей, по очереди носили на завод немудреную пищу. Сказать, что было труден — ничего не сказать. Чтобы понять, надо быть там. Видеть. Переживать.

Как выжили — а у людей была совесть — вот ответ супругов.

Мы расстались. И я еще раз убедилась в том, что надо успеть выслушать тех, кто еще может рассказать нам о пережитом, о том, что видели своими глазами те, кто просто жил в то военное время. Жить — это тоже был подвиг.

*Я славлю мой город на белом холме
И пред ним преклоняю колени.
За то, что известно сегодня о нем
С истории страниц, из жизни поколений.*

*За мудрый союз, что в глубинах веков
С Россией Абулхаир-хан заключил.
За то, что Ибрай из незнанья оков
Народу путь к просвещенью открыл.*

*За то, что у нас родилась Алия,
И песнею стала крылатой.
За то, что в сраженьях за стены Кремля
Прославились наши солдаты.*

*За то, что несокрушимой стеной
И тылом для армии был он.
За то, что в просторах степи родной
Он для мира и дружбы рожден!*

Е.Емельянова

Жания Нуржан

Жания Нуржан родилась 24 апреля 1931 года в Иргизе. Ей можно дважды отмечать день рождения — по документам он значится 24 мая. Жания апай уже 82 года, но она продолжает работать. Она учит казахскому языку русских, немцев, украинцев, корейцев и самих казахов. Тех, кто плохо владеет родным языком. Ее кредо — языку надо учить через народные обряды, традиции, через познание культуры. Именно Жания апай вместе со студентами пединститута, где она в то время возглавляла кафедру казахского языка и литературы, в 1990 году впервые в Актобе организовала празднование Наурыза. Сами сделали макет шанырака, оделись в национальные костюмы и устроили праздничное шествие по проспекту Алии Молдагуловой. Угощали жителей города баурсаками и коже. С этого дня празднование Наурыза, встреча весны и нового года стало традицией в нашем родном городе.

Жания апай кандидат педагогических наук, защищалась она в Москве, в 53 года, имея на руках семерых детей. Тогда Жания выучила русский язык.

Это настоящий педагог, Учитель с большой буквы и просто замечательный человек. Она сразу согласилась рассказать о себе, о военной године, потому что привыкла делиться всем, что имеет. Ее воспоминания также бесценны, как и ее талант педагога.

«Мән, Жәния Нұржан, 1931 жылы Ақтөбе облысы Ырғыз ауданында 24 сәуір күні дүниеге келгенмін. Отан соғысы басталғанда 3 сыныпта оқып жүргенмін. Күн ыстық болып тұрған соң, Сағила — досым екеуміз суға түсіп жүргенбіз. Бір кезде қатты айқай: Соғыс! Соғыс! Соғыс басталды! — деген дауыстан шошып кетіп, үйге қарай жүгірдік...

Әкем — Жабағыұлы Нұржан еңбек армиясына аттанды. Екі інісі

Жабағыұлы Нұрғали, Жабағыұлы Ералы соғысқа алынды. Анасы, үлкен әжем (есітуімше) — Бидәу — әже балалары соғысқа алынып, қоштасып кетіп бара жатқанда, жылап, ойбайламай, алақанын жайып, шашу шашып, аман келулерін тілеп қала беріпті...

Кіші інісі — Жабағыұлы Ералы — жас мұғалім болатын, ол кісіні 3 ай танкистік курстан өткізген. Танкі командирі ретінде көп жерде соғысқа қатысып, (жаралы да болып жүрсе де) соғыстың соңғы күндерінде жаумен айқасып, Дрезден қаласына кірген. Соғыстан кейін сонда комендант болып жұмыс істеген.

Отбасында 5 қызы — Алма, Жәния, Төлебике, Ұлдай, Тәжүрілді анамыз Ұрқия қиналып жүріп, бір сиырдың сүтімен бақты. Әкем соғыста ауырып елге жетті. Келген соң, Болат деген інім 1944 жылы өмірге келді. «Халықпен бірге көрген ұлы той» дегендей, бала болсақ та, жетпей отырса да қолдағы барын анаммен бірге (шұлық, қолғап тоқып) қолындағы білезік, сақина т.б. халықпен бірге посылкамен соғыстағы азаматтарға жіберіп, олардың жеңіспен қайтуын тілеп отырады, халықтың тілегі орындалды.

Анам киетін киім, оқу құралы, тамақ жетпей жатса да бізді үзбей оқытып, еңбекке, шыдамдылыққа, төзімділікке тәрбиелеп отырды. Әкем, анам қайтыс болды.

Қазір менің жасым 82-де. 60 жыл бойына мемлекеттік тіл — қазақ тілін мектепте, мекемеде, жоғарғы оқу орнында студенттерге, жастарға оқытып, үйретіп, еңбек жазып келемін».

Жания Нуржан до сих пор преподает, пишет книги. По ее учебникам и пособиям учатся дети и взрослые в Актобе, Алматы, Астане, Костанай и Атырау. Многие свои пособия Жания апай раздает бесплатно. Она хочет передать свой опыт, свои накопленные знания молодым. И нет большей награды для этой женщины, чем сознание того, что ее труды помогли хоть кому-то лучше понять и освоить казахский язык.

Жания апай всегда в окружении детей, внуков и правнуков. в ее квартире огромное количество книг, классики русской и казахской литературы, биографии ученых и писателей, и, конечно, свои собственные пособия. На стене среди фотографий барельеф с благодарственной надписью мужу Жании апай, рано ушедшему из жизни, но оставившему долгий след в сердцах своих учеников, которые и сейчас не забывают помочь Жание апай. Всю свою жизнь Жания апай следует простому принципу — учить надо сердцем.



Нина Павловна Теплова

Родилась в селе Миренки 28 марта 1937 года. Село это находится недалеко от города Алатырь, который находится прямо на границе Мордовии и Чувашии. Отец ее — кустарь-ремесленник, портняжил, шил шубы и полушубки, мать — из простой крестьянской семьи, вела хозяйство, растила детей. Детей в семье было трое — старшая Екатерина, 1925 года, Виктор — с 1929 года и младшая — Ниночка. Сейчас Нине Ивановне кажется, что отец любил ее больше всех, будто предчувствовал, что очень скоро уйдет навсегда.

«Я помню хорошо Алатырь. Небольшие аккуратные домики и улица, зеленая, как ковер. На этом травяном ковре часто лежал папа, а я его обнимала, говорила, что он только мой папа и никого близко не подпускала. Помню соседский забор из дощечек — по ним так удобно было перелезть, перебирая дощечки, как ступеньки...

Мне было четыре года, когда началась война. Я сразу и не поняла, что изменилось в жизни. Очень скоро на фронт ушел отец. И не вернулся. Помню, что мама, получив похоронку, долго не верила. Даже после войны она долго ходила к возвращавшимся фронтовикам в надежде услышать хоть что-нибудь об отце. Отец мой погиб 5 марта 1944 года, похоронен в Белоруссии, в Витебской области. Мама осталась одна стремя детьми.

За отца, за единственного мужчину остался старший брат. Начался голод. А когда наступила зима, хуже всех приходилось Екатерине. Ей ведь было уже 16 лет. В ее обязанности входила заготовка топлива зимой. За дровами ездили на санях в дубовую рощу за четыре километра от города.

Моя тетя Мария Андреевна научила маму шить брюки. Их всегда можно было обменять на продукты. От голода спасал свой огород и козы. Коров держать было тяжело, да и налог за корову надо было платить, а козы налогом не облагались. И молоко — полезное, по два литра утром и вечером. И все-таки, главным продуктом была картошка. И песни про нее пели, и частушки.

Народ юмора не терял: я помню карикатуру на картошку:

*«Картошка повесилась.
 Меня и кидают, меня и сажают,
 И трут, и толкут
 И режут, и мнут
 А после съедают.
 Жить надоело!»*

Картошку мыли, скоблили, чтобы не сдирать всю кожуру, прокручивали на мясорубке и делали картофельные «кавырдашки.» мясорубка была одна на село, у Парфеновых, мы все по очереди ей пользовались. А в семье Малыгиных всегда было шумно, много людей, много песен, много оптимизма. Люди шли к ним и за помощью, и просто так. Как раз у них я слышала частушку про картошку: «Накормила меня мать кавырдашками опять» Не помню уже всех слов. Делились все и всем. Особенно не хватало керосина для коптилок. Я помню, керосин брали даже столовыми ложками взаймы. Но каждый понимал, что никто возвращать не будет. И все равно давали! Никаких конфликтов не было у нас. Соседи были очень дружные.

Ели хлеб из листьев липы.

Мама стала работать в соловой. Окончив 7 классов, пошел работать брат. Он работал в силовой вагоноремонтного завода кочегаром, домой приходил поздно. Успевал еще учиться в вечернем техникуме и ходить в авиаклуб. Он на самом деле заменил мне отца. Вот только за один случай ему было стыдно. На заводе брат получал хлеб. По дороге домой он отщипывал по кусочку от пайки, долго рассасывал и глотал. И вот на пороге дома он увидел мои голодные ждущие глаза, сунул руку в карман, а хлеба уже нет! Он потом говорил, что этот взгляд его всю жизнь преследовал...

Мы все маму оберегали, как могли. Брат даже ей работать запрещал. А у него работа очень опасная была. Однажды он прибежал домой с обгоревшим лицом и шеей, огонь на него полыхнул. Лечили той же картошкой, на второй день уже пошел на работу.

Никто не жаловался, все было в порядке вещей.

Когда получали похоронки, я не видела ни истерик, ни слез. Никто не расслаблялся. Помогало молчаливое участие, взаимовыручка, понимание. Двери всегда были открыты. На нашей улице было 16 домов, и все мы пользовались водой из одного колодца. Он не запирался никогда. У этого же колодца было сначала единственное не все село радио. К нему по часам все собирались и слушали Левитана о событиях на фронте. Каждый день собирались и слушали, повторяли, и снова шли на работу.

Этот рупор объявил об окончании войны. Первые услышали эту весть женщины.

С нашей улицы никто не вернулся домой».

Нина Ивановна закончила школу, получила высшее экономическое образование в Казани, работала в Гурьеве, в Актюбинском крайфинотделе и в «Запказэнерго». С большой теплотой вспоминает своих учителей-наставников, особенно Утегалиева Булата Утегалиевича, который научил ее не просто работать, но и чувствовать людей. Нину Ивановну всегда отличали ответственность и собранность.

Теплова Нина Ивановна вырастила замечательную дочь, у нее двое внуков и двое правнуков. Дочь очень рано ушла из жизни, но Нина Ивановна не сломалась, как не сломалась когда-то ее мать и миллионы женщин, потерявшие своих близких. Ушли из жизни и брат, и сестра. Все родственники остались на родине, но Нине Ивановне скучать некогда. Она чувствует большую ответственности за внуков, особенно за младшего, девятиклассника. Занимается общественной работой. Самая большая проблема для нее сейчас – дефицит времени, ведь еще так много надо успеть!



*Сухие руки на столе
Перебирают фотографий стопку.
Как тяжело порой бывает на душе,
Когда ты вспоминаешь эту пору горькую.*

*Когда ушли вдруг и отец, и брат
И мама стала часто плакать.
И мир вокруг стал черным отливать,
А что случилось, было не понять.*

*По карточкам продукты, с ночи ожиданье хлеба
Газетный лист тетрадью стал.
Кто был постарше — после школы, без обеда,
Вторую смену у станка стоял.*

*Ты все перенесла, ведь были вместе
И в радости, и в горе — как один.
Все помнили о долге и о чести,
В день каждый из лихих этих годин.*

*И снова сморщенные руки на столе
Перебирают стопку желтых фотографий.
И сердцу вдруг становится теплей
Хоть и тяжелым было время наше.*

*И верно, поэтому, горечи слезы
Сменяются тихой печали слезами.
И ты вспоминаешь военные годы
С любовью, гордостью и признаньем.*

Е.Емельянова



Мира Ивановна Зимина

Именно зимой 1939 года Мира попала в Дом малютки №3 им. В.И.Ленина в Чимкенте. Поэтому она — Зимина. Сколько лет ей было тогда, Мира не помнит, может быть три, может быть четыре года. А может, и того меньше. Потом был детский дом им. Сталина в Арыси. Там Мира сумела найти и посмотреть свои документы, ей очень хотелось узнать хоть что-нибудь о своих родителях. Никаких записей не было. Только спустя много лет Мира узнала, что так поступали с детьми репрессированных. А в то время Мира сама себе взяла отчество Ивановна. Ее судьба — это судьба многих и многих сирот военных лет, наполненная и горечью, и болью, и радостью.

Мира Ивановна рассказывает с удовольствием, часто плачет

«Ну что за слезы противные, никак не кончаются!» — и снова вспоминает свое далекое детство.

«В Чимкенте нас часто наказывали за всякие проделки. Одну девочку в наказание воспитательница закрыла на ночь в темном чулане. Когда ее открыли, то от девочки остались только кости ее за ночь загрызли и съели крысы. Что потом было с этой воспитательницей, я не знаю. Но больше ее у нас в детдоме мы не видели. Таких вообще мало было. За нами следили, ухаживали, белье меняли каждые десять дней. Даже чаще, ведь мы всегда находили, где испачкаться. Грязную одежду иногда даже сжигали. Всех нас брили налысо и обрабатывали дустом, чтобы не было вшей.

Потом была Арысь. В Арыси мы жили уже в двух корпусах — один для малышей, для нас, и другой для старшеклассников. Там же я пошла в школу. Учились все мы в общей школе, с детьми из семей. На уроки бегали босиком, были и такие, кто вместо школы убежал на речку Бадам.

Нам много говорили о войне. Мы сильно боялись. И когда однажды нас в первый раз выгнали на улицу ночью, от сильного грохота, мы все подумали, что и у нас началась война. Грохотало сильно, но это было землетрясение. Постепенно все к этому привыкли, но все равно казалось, что всякий раз мы слышим именно разрывы снарядов, а не подземный гул и рокот.

В детском доме был свой клуб. Он никогда не пустовал. Самыми частыми гостями были солдаты и офицеры из танковой части, которые над нами шефствовали. Для них мы ставили концерты. Солдаты всегда дарили нам подарки. Помню, как они подарили нам двух лошадей — мальчика и девочку. У нас еще была и своя лошадь, Серко, на ней ездил наш завхоз. А на солдатских лошадях старшие девочки любили кататься. В первый раз лошади помчались прямо назад, в воинскую часть и завхозу пришлось за ними ехать. Серко нас часто спасал от голода. Ему выбрасывали шкурки от картошки и мы, малышня, собирались рядом и вытаскивали их у него прямо с губ, складывали в подол платья и бежали в кочегарку. Там по очереди поджаривали эти шкурки и ели. Мы всегда были голодны, хотя нас неплохо по тем временам кормили — на завтрак, например, давали кусочек сливочного масла, кусочек хлеба, две конфетки и чай. Каждый старался выбрать горбушку, нам казалось, что в ней больше хлеба. А я, когда мы летом жили в пионерском лагере, часто выпрашивала сухарик у сторожа нашего барака. Он такую замечательную тюрю делал из сухарей с водой! Весной у нас был другой промысел: находили лопатки, ножики и шли в степь, выкапывали луковицы подснежника — бизулук, поджаривали и ели.

В школе тоже кормили завтраком — манка, овсянка. На обед в детском доме мы ели по праздникам гречневую кашу с маслом, пшеничную кашу, иногда были даже оладьи. Мы по очереди дежурили на кухне, мыли рис, гречку. Вот только манку невозможно было промыть, а там часто попадались червячки. Такой кашей откармливали свинью — она была просто огромная, я никогда больше в жизни таких громадных свиней не видела! Зато, когда ее зарезали, у нас несколько месяцев было и мясо, и сало. Повара и воспитатели нас часто старались побаловать.

Весной мы ходили на кладбище возле нашего детдома. На Пасху собирали с могилки яйца, куличи, несли в детдом.

Я была настоящая оторви голова в детстве! Писклявая, кудрявая — где похулиганить, пошалить — там везде я. Лучшее всего было в нашем пионерском лагере.

Лагерь — классный! Рядом в совхозе — виноград, огурцы, помидоры, хлопковые поля, подсолнухи, кукуруза. в тихий час сбегали на речку, таскали с полей молочную кукурузу, зеленые яблоки. Как муравьи, обходили все вышки со сторожами. Сейчас думаю, сторожа нас, наверное, видели все-таки, но не гоняли сильно, жалели.

Как-то в дубу нашли пчел. Голыми руками залезли в дупло. какие же покусанные потом были! Этот дуб потом стали охранять. Осенью собирали мед и соты. Какая же это была радость для нас зимой!

В поле летом много паслена — мы его называли бздником — нам повариха давала бутылки, мы собирали его и несли в корпус. Повариха готовила тогда вкуснейшие вареники с пасленом.

Однажды в детдом приехала родительница за своей дочкой. Приехала вместе с сыном. Как раз перед закрытием лагеря. Как мы Люсе завидовали! Они все вместе поехали на вокзал. А на вокзале. на вокзале мамаша посадила брата и сестру на скамейку и сказала, что пойдет за билетами. И ушла. Ушла совсем. Люсю с братом нашел патруль и их вернули к нам.

Осенью на закрытии лагеря Люся вместе с нами сочиняла песни и пела их у костра.

*Костер горит дрожащим светом
А там детдомовцы сидят.
Они ведут с собой беседу
О том, как дальше прожить.*

*Одна девчонка всех моложе,
Склонила голову на грудь
Тоска по матери родимой.
Не может, бедная уснуть.*

*Ах ты, мать моя родная,
Зачем на свет ты создала?
Судьбой несчастной наградила
Костюм детдомовский дала?*

*Костюм детдомовский презирают
Нигде проходу не дают
И только слышно, укоряют
Что, вон, детдомовцы идут.*

*А мы детдомовские девчата
Мы не боимся никого.
Пускай домашние ругают,
А нам детдомовским, все равно.*

Хорошая, интересная у нас была жизнь, пусть и нелегко приходилось порой. Люди вокруг были хорошие.

Осенью — опять же пешком — в детдом. В огородах поспели просто огромные помидоры. Быстро рвем по 2–3 помидора и удираем. Иногда хозяйка догоняла, шлепала нас, но помидоры не отбирала никогда. По берегам реки были заросли джиды. Не такой, как здесь — это были высокие деревья, ягоды желтые, крупные, вкусные. Видишь мой перебитый нос — это память о том, как выпрыгивала в окно прямо на дерево.

Прощались с лагерем тоже с песней.

Машина к лагерю подходит Вожатый команду подает Все с лагеря домой уедут А тетя Ариша, повариха, руку жмет.

*Ну, извините, тетя Ариша,
Что мы шалили иногда
И жалко-жалко расставаться,
Что уезжаем навсегда.*

Казахстан не дал нам погибнуть. В 14 лет мы уже шли на работу. Нам выделили по сорок рублей, но не деньгами, а постельным бельем. Остаток выдали деньгами, и я купила на них отрез штапеля и сшила свое первое платье.

И началась взрослая жизнь. Путевку в жизнь мы пробивали сами — сначала с подружкой, потом уже я сама. Пахтарал, Джетысу, Ташкент, — наконец Хромтау — и Актюбинск, где я живу и сейчас. Мне нравится моя жизнь и моя судьба».

Зими́на Ми́ра Ива́новна живет в просторном доме в районе базы отдыха «Солнечный». Дом построила для нее дочь Ирина. Со старшим сыном Николаем она общается по скайпу. И самый большой праздник для Миры Ивановны — день, когда приезжает ее внук Ваня со своей дочкой Дашенькой — правнучкой Миры Ивановны. Как и в молодости, Мира не любит тишины, потому в ее доме всегда рады людям.



Людмила Григорьевна

Никитенко

Родилась 10 мая 1938 года в городе Актюбинске. После моего рождения родители жили в Акбулаке с родителями отца. Родители познакомились, когда учились вместе в педагогическом техникуме. Перед войной оба учительствовали в акбулакской школе.

«Отца забрали на ещё финскую войну в 1939 году. По словам взрослых, ему отвели только час на прощание с родными.

Ещё до войны у бабушки (маминой мамы) был ишачок (деда с нами не было). Она его запрягала в такую телегу — рыдван называли. Сено бабушка запасала серпом. В начале войны поменяли ишачка на телочку. Но, когда бабушка перестала работать на кожевенном и подрядилась сторожем на огородах, ей выделили участок для посадки картошки (это была местность за бывшим Дорстроем). Там были небольшие озёра. В засуху и, если была вода в озёрах, поливали картошку ведром. Мотор появился уже много позже — после войны.

Бабушка приучила телочку, когда та уже немного подросла, запрягаться в телегу, и я ездила вместе с бабушкой. Ну, как много можно было серпом нажать травы? Однажды, помню, мы возвращались домой очень поздно со сжатой травой, я лежала на траве и любовалась огромной встающей все выше луной. Было так спокойно и хорошо, я и заснула. Приехали домой, бабушка не обнаружила меня на возу, думала, потеряла меня сонную, волновалась, хотела даже возвращаться искать. Но меня нашли в траве. Скошенная свежая трава скользкая, я сонная и провалилась в середину возка.

Наверное, из Актюбинска были посылки на фронт солдатам. Одно время и бабушка, и мама вязали рукавицы — отдельно вязали не только большой палец, но и указательный, чтобы солдатам было тепло рукам и давало возможность спускать курок. Училась вязать и я — мне дали две спицы-иглы и кусок нитки, и я пробовала в петли протянуть нить на



иголке, было очень сложно, но я старалась, связала кусочек — сантиметра четыре в длину и около трех в высоту. Я послала эту работу с подругой в Акбулак. Тогда мы часто общались. Сейчас уже, конечно, давно нет обеих бабушек и родителей тоже.

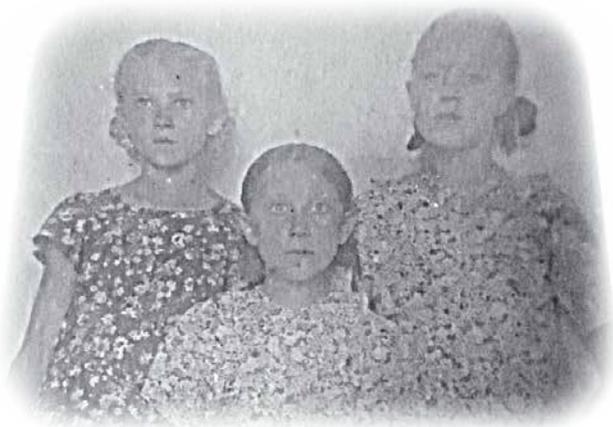
После мобилизации папы мы с мамой вернулись и Актюбинск к бабушке, матери мамы. Из акбулакской жизни в возрасте два-два с половиной года запомнились только сборы — посреди комнаты на полу лежит плед светлого какого-то цвета с розовой каёмкой и на него складывают стулья.

Ещё врезались в память довоенные дни: я и ещё две девочки — соседки стоим вокруг табурета с деревянными ложками в руках — едим из общей миски кислое молоко. Не знаю, кто первый начал кусать краешек деревянной ложки, но это было наслаждение.

Как добрались до Актюбинска, не помню. У мамы были ещё два младших брата и младшая сестра. Я очень любила старшего из братьев мамы, ждала его с работы, обнимала его за валенок (судя по всему дело было зимой), с который я была ростом. Дядя учился на киномеханика у мастера со стажем, который снимал маленькую комнатку у бабушки. Звали его Иван Черных (отчества не помню), у него почему-то была «бронь» от призыва в армию.

Однажды дядя что-то занемог и лежал в кровати, а я маленькая обнимаю его и прошу бабушку дать «Воводичке водочки — у него корем». Я раньше переболела корью и мне давали по ложечке «Кагора», говорили, что это водочка.

Иван Черных о чём-то пререкался с начальником и тот в отместку подействовал снять с Черных бронь и отправить на фронт Ивана Черных мобилизовали, а ему было уже почти 50 лет и больше о нём слуху не было.



Через какое-то время (точно не помню), но Воводичку моего тоже мобилизовали (он 1923 года рождения) где-то в 43, начале 44 (по моему предположению).

Владимир Тихонович вернулся без правой руки по плечо и раздробленной, но уже собранной и подживающей скулой. В конце 45 или 46 года он женился.

Пока Володя и Черных ещё не были на фронте они по посёлкам показывали кино (сейчас я думаю, что это и было причиной конфликта с начальством). За сеансы в посёлках им платили барашками. Мы тогда ели и мяско.

Топить углём мы не могли. Он хранился на угольном складе для паровозов. Уголь охраняли, но население (в основном дети 9–10 лет) умудрялись растаскивать.

Мы топили в основном талой (кустарниковая ива) да ещё, если удавалось спилить нетолстый тополь или осакорь в междуречье Илека и Каргалы. Я это вспоминаю, потому что моя мама со своим тринадцатилетним братом однажды попались объезчику (так тогда звались досматривающие за посадками). В междуречье ещё до войны посадили парк. Тогда спиливанием, видно, занималась не одна наша семья и ходила такая присказка, что «от парка осталась одна парка».

Так вот мама отослала подалее брата, а сама с санками в брод пошла через Илек. Погода была холодной, и она, пока добралась домой (жили мы на улице Почтовой, позже Братьев Коростылёвых), сильно промёрзла и была вся мокрая, устала. Она приготовила бутылку с горячей водой, приложила под правый бок, и, видно, перегрела печень, после чего очень мучилась.

По приезду в Актюбинск мама устроилась в регистратуру в госпиталь, который располагался в здании рядом с тогдашней школой №2. Фасадом он выходил на улицу Мира — которая мимо Драмтеатра (тогдашнего дома культуры) шла к колхозному рынку мимо Рентгензавода. Теперь это здание занимают многие госучреждения — перед горакиматом. Когда она работала, я ходила в детский сад у почтамта по улице Некрасова (через перекрёсток с теперешним почтамтом №2).

Кормили в садике, наверное, не очень сытно и дети иногда рылись в помойной куче. Я была, наверное, не очень конфликтным ребёнком, но мама и бабушка работали иногда и по ночам и меня оставляли в садике на ночь. На следующий день я убежала из садика к маме. Сиделась под дерево под окном госпиталя. Кто-нибудь из маминых сослуживцев выглядывал в окно, меня обнаруживали, но мама была занята работой и я сидела по часу и больше под окном — ждала, когда она освободится с дежурства.

После мобилизации Ивана Черных на его месте в маленькой спаленке поселился мужчина из Чечни. Не помню его имени, но он хорошо отно-

сился ко мне, что верно очень трогало меня, так что мне хотелось назвать его папой, ведь я не помнила своего отца.

Я была не сказать что бродяжка, но своенравная — ходила, где мне нравилось и очень далеко. К тому времени меня уже не стали водить в детсад. Когда бабушка (она сторожем работала на кожевенном заводе — он располагался почти в конце улицы Советской (нынче, кажется, Жанкожа батыра)) и мама были на дежурстве — меня запирали на замок и ещё у меня внутри были и свои запоры — задвижка и крючок. Спала я без боязни.

Папа после Финской войны, пройдя по Красной площади во время парада, был направлен в белорусские пограничные войска. Его как имеющего педагогическое образование направили на борьбу с малолетними преступниками — были и такие. Отец после приезда иногда рассказывал, как они ловили малолеток (подростков), которые под чьим-то руководством за еду падали из ракетницы, если приближался немецкий самолёт. Тем самым давали знак, куда сбрасывать бомбы.

Отца оставляли служить в НКВД Белоруссии. Он по нации белорус, приехали всей семьей — дедушка, бабушка, дедушкина сестра и пятеро мальчишек. Старший в детстве потерял глаза, второй — у него не было слуха. Мой папа — третий — четвёртый и последний брат были на войне. Младший Дмитрий (ему было всего 19 лет) после мобилизации попал сначала на учёнья. Он писал дедушке (своему отцу) в письме, что либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Получилось первое. Во время передислокации, их эшелон разбомбили, почти никто не выжил, ещё погибли два моих дядя — Василий, племянник деда, маминого отца, и Иван — племянник моей бабушки маминой мамы.

Будучи в Белоруссии, уже, когда война была на исходе (тогда родители не были расписаны в ЗАГСе, каждый носил свою фамилию), отец в Актюбинское НКВД отослал свое письменное желание продолжать служить у нас здесь. Его это в некоторой степени спасло и защитило.

Как-то бреясь, он сорвал прыщик на лице, что послужило причиной заболевания рожистым воспалением. Болезнь была коварной — ни одного ранения и вот. Положили в госпиталь, лечение дало положительный результат. Он вернулся больным — операции на голове на затылке, и под мышкой со стороны спины.

Мы жили далеко от вокзала, маму занимала мысль — войне конец, а отца всё нет. Я иногда ходила к вокзалу. Однажды увидела там множество людей — они обнимались, смеялись, плакали. Потом я узнала, что в тот день родные встречали вернувшихся солдат и плакали от радости и счастья.

Запомнились какие-то особенно яркие моменты. Мама после выздоровления завела козу Катьку, чтобы я не страдала от голода. А ещё соседские мальчишки постарше и мой дядя (на 12 лет старше меня) помогали

ловить рыбу, за что получали за работу небольшую чашку той же рыбы. Пацаны радовались даже такой небольшой чашке рыбёшке — пискаря. Дома её перемальвали на мясорубке, добавляли шелуху и осколки зерна проса и пекли оладушки прямо на плите голландке (так звали печь с лежанкой).

Ещё помню, рыбы не было, а есть охота. Моя тётя (мамина младшая сестра старше меня на 10 лет) пекла оладушки также на плите из отходов проса. Они горчили, но всё равно ели. Ещё помню, я отравилась зелёной картошкой. Я картошку очищала от «мундира» сама. Мне никто не подсказал, что есть зелёный слой на клубне нельзя.

Когда мама приобрела козу, молоко наливали в кувшин, ставили на стол и накрывали тряпочкой. Если я хотела есть или пить, забиралась на табурет у стола, садилась у глечика — кувшина, он был глиняным, снимала тряпочку и пила. Ещё собирала паслён во дворе в огороде. Я была тогда самая младшая в семье, взрослые заботились обо мне.

Ещё до поступления в школу, в каком году не помню, бабушка ещё не работала в кожевенном. Чтобы выживать, она нанялась сторожем на общественных огородах, ночевала в балагане (такой шалаш) и я с ней. Комаров — тучи. Тогда я и заболела малярией. Даже уже в школе, малярия не оставляла меня. В основном мне становилось плохо во второй половине дня, и я ложилась в постель. Помню, в школе даже давали таблетки акрехина. Спасла всё же бабушка: на свой страх и риск она истопила печь и, наверное, прикрыла трубу. Я проснулась, может через час — больше. Меня качало, было плохо, бабушка дала мне попить молока. Так я выдержала муки тошноты и рвоты. Бабушка поддерживала меня за голову и плечи. Сколько это длилось, не знаю, только с того времени малярия больше меня не трепала. Осталась только пожелтевшая склера глаз.

В школу я пошла на следующий год. В первый класс я поступала дважды, на то были причины. Мама, как могла, подготовила меня к школе: купила туфельки парусиновые, чулочки, боты резиновые. Я ходила в школу на улице Базарной. Школа располагалась на пяточке — вокруг, если шли дожди, появлялось «болото». Я промочила туфли и поставила их сушиться в печку, а бабушка не знала и затопила её, в итоге сгорели и туфельки и чулочки.

Боты разорвала проволокой, когда шла в них, словом все затраты мамы прошли прахом, больше купить было нечего и не на что.

И ещё вспоминаю мою подружку мы с ней пошли в один класс. Учебников было мало, она на целый год была меня старше, дали ей. Мы пользовались одной книгой. Мне запомнился один случай. Когда мы вместе переписывали задание из учебника, то на том месте, где была напечатана цифра 7, стояла то ли печать школы, то ли клякса, и мы спорили, как её писать. Я предлагала писать длинную верхнюю волнистую линию.

На следующий год я пошла в первый класс уже в школу №14 она до этого была мальчишечьей, 9 и 11 были школами для девочек. В 1946 году школы стали смешанными. Запомнилось: когда я 2 месяца проучилась с подружкой, её тоже звали Людмила, я с ней однажды поспорила кто из нас старше. Я привела довод: я родилась в 38 году, а она в 37 — ведь 38 больше чем 37, значит я старше.

Конечно, жизнь у нас сложилась по-разному. Она сейчас живёт со старшим сыном в России. По телефону общается со своей младшей сестрой, подругой моей младшей сестры, передаёт мне приветы, но встретиться у нас нет возможности».

Никитенко Людмила Григорьевна окончила в 66 году НИИ-ГАиК (Новосибирский Институт Инженеров Геодезии Аэросъёмки и Картографии). Последние годы работала в филиале Алматинского железнодорожного проектного института у нас в Актюбинске. В 1995 году в возрасте 57 лет окончательно ушла с работы на пенсию. Вырастила двух дочек, у нее двое внуков и внучка.



Авторы очерка — студенты отделения Переводческое дело Казахско-Русского Международного университета Турсунова Дарья и Плотникова (с 2020 г. Карасева) Мария, обработка Емельяновой Е.В.

Василий Сергеевич Барнаш

Василий Сергеевич Барнаш родился в Калиновке, что в 10 км от Родниковки, 25 сентября 1930 года. В 1932 году переехали к Василиной крестной в Родниковку. Там и застала его война.

«22 июня 1941 года я был дома в Родниковке. Про вероломное нападение фашистов узнал по радиоприемнику. С замиранием сердца слушал сообщения о защитниках Брестской крепости, о том, как до последней капли крови держались наши солдаты и офицеры. В 1941 году переболел малярией. За зиму вылечился. С весны 1942 года пахали землю под урожай, группой из 15 человек. Жили в степи в будке на «железных колесах» в фургоне. Работы всем хватало: молодежь вспахивала, старики сеяли, непригодные для военной службы. Летом заготавливали сено для скота. Осенью косили урожай. Один управлял быком, другой скашивал с утра до вечера. Хорошо помню, как уже с середины марта уходили в степь охотиться с другом Толей на сусликов. Искали норки сначала под снегом. А снега в то время было много, даже весной сугробы лежали выше моего роста. Понаставим капканов и ждем, потом на месте и разделявали: шкурки отдельно, тушки отдельно. Хорошо помню и как с двумя сестрами, двоюродной и родной ходили в лес, где-то 10 км от Родниковки. Лазили по березам, воровать грачат из гнезд. Взрослые грачи отчаянно защищали своих птенцов, а мы-то тоже были тогда голодными птенцами. Рвали молодую крапиву, вместо капусты в борще варили. Мука была в дефиците, давали по 3 кг на месяц, работающим по 7 кг. Вместо муки использовали просо, мололи вручную, пекли лепешки. Летом, когда спели вишни и ежевика, собирали ягоды ведрами, сушили, навешивали, хранили в мешочках. Зимой ели, варили вареники. Этим и питались. Работали в бригадах по заготовке сена. Сами, без помощи взрослых, запрягали быков, ездили по 3–4 км. Возили сено на базу кормить скот, скирдовали для фронтовиков. В 1943–1945 забрали на фронт наших мужчин. На войну пошли: отец — Сергей Афанасьевич 1902 года рождения, брат Дмитрий 1926 года рождения в Хабаровске служил. Ранили двоюродного брата Ивана. Дядя Федор, 1921 года рождения, пропал без вести. Дядя Гриша вернулся после тяжелого ранения, был признан негодным к строевой службе. Когда разминировали поля, задел мину, она взорвалась, и ему раздробило руку, хотели уже отрезать, он не дал, рука так и срослась. Мы радовались уже тому, что в наш дом не приходили похоронки, а только фронтовые треугольнички.

...О победе первыми узнали связисты и сообщили по радио. Люди были очень рады: хлопал, смеялись, танцевали. После войны я вернулся в город. Учился и работал. Потом появилась техника, начали работать на тракторах, а до этого были лобогрейки. 12 июня 1950 года призвали в армию. Ехали эшелонам до Оренбурга, потом на восток, через Амур на пароме, в Карсаков, что в Южном Сахалине, на пароходе. Из Карсакова на поезде, на узкоколейных паровозиках в село Хамутово, в танковую часть. 29365 полк в разведку водил, на американских бронетранспортерах. 2 пулемета 4 пулеметчика: командир, водитель, радист — 10 человек всего. 6 броневинов, мотоциклы. Япония была всего в 10 км от Карсакова. Японцы нарушали границы, а мы всегда были наготове. Вернулся в октябре в 1953 году. Учился в летном училище. В 1978 начал работать. В 1958 году построил дом. Вскоре родились две дочери. Хорошо, что они не знают, что такое война».

Барнаш Василий Сергеевич 19 лет проработал в летном училище. И даже выйдя на пенсию, долго не мог оставить любимое место работы и до 1997 года охранял самолеты на территории училища. Сейчас на заслуженном отдыхе. Любит жизнь и людей, старается поддерживать форму.



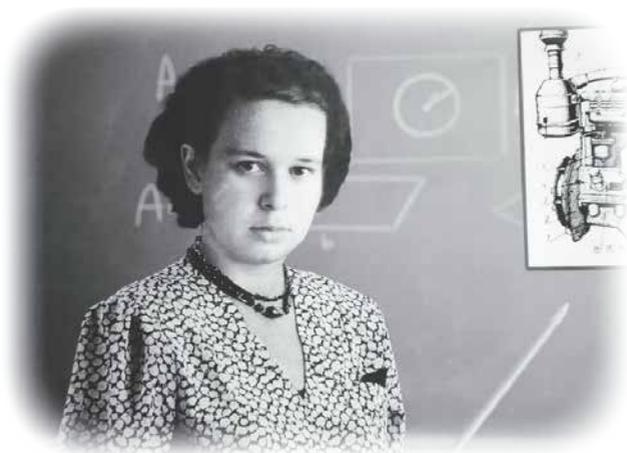
*Кто знает, что такое голод?
Когда на сутки — хлеба чуть поболее ста грамм,
Горбушка черная, в которой солод
С мукой, песком и пылью пополам.*

*Когда весною каждый рад цветам невзрачным,
Которых на холмах, в степи не счесть.
Не потому, что запах их приятен,
А потому, что корешки их можно есть.*

*Жмых и солома — как же это вкусно!
И кружится от счастья голова
Когда вдруг суслика поймать удастся
Ведь это же нормальная еда!*

*Когда следишь за младшим братом —
Ему сухарик ссохшийся давала мать, —
Наверно, это подвиг, все-таки, ребята
У брата крошку хлеба не отнять!*

Е.Емельянова



Галина Николаевна Перинская (Исаева)

Галина Николаевна родилась 9 марта 1935 года в Липецке. Война застала ее в Воронеже. Затем была долгая жизнь в эвакуации.

«У нас была большая семья — папы у меня не было, зато с нами жили моя тетя, и мой дядя, и мама, конечно. Мы в Воронеже у мамы дяди жили, в небольшом флигельке по улице 8 марта, которая была параллельно главному проспекту города — проспекту Революции. Как раз перед началом войны умерла мама дяди, а его самого направили в Курск, на завод. Мама моя стала работать на Воронежском заводе электрооборудования им. В.И.Ленина, обмотчицей. Тетя была инструктором сельскохозяйственного отдела райкома партии.

О начале войны мы, дети, узнали совсем случайно. В 1941 году нас, как всегда, вывезли на дачу от детского садика «Дубовка». В нашу большую палату залетел огромный шмель и все мы испугались, стали кричать и плакать. А наша воспитательница нам говорит: не бойтесь, шмель — это не страшно. Страшно, когда прилетят чужие самолеты.

Очень скоро мы уже хорошо знали, что такое страшно. Воронеж начали бомбить. Бомбили сначала по номерным заводам, центр не трогали. Я сама слышала, как говорили: сегодня опять бомбили 17-ый, вчера — 18-ый.

Мама мне строго-настрого приказала при виде самолета бежать домой, а еще лучше — сразу прятаться в погреб. Да я и не уходила далеко от дома. В конце мая мы сидели с подружкой на крылечке, как вдруг начался налет. Мы еле успели забежать в дом, как рвануло так, что посыпалась штукатурка. Потом только из разговоров я поняла, что в этот раз было сброшено 5 бомб прямо в центр города. Одна из них попала прямо к нам во двор. Осколками во дворе было убито пять человек, одну девушку забросило взрывной волной на окно четвертого этажа. хорошо помню, как дико кричала во дворе одна женщина: Тоню мою я собрала по кусочкам, а где же моя Соня? Соня и Тоня были ее дочки-двойняшки. Тоню на ее глазах разорвало бомбой. Этой женщине все-таки повезло — когда начали бомбить, Соня спряталась под крыльцо и спаслась. Еще одна бомба угодила в зверинец, а еще одна была сброшена прямо на Городской Парк Пионеров. Там проходило какое-то мероприятие и было очень много детей. Сразу выставили оцепление, но не всегда удавалось сдерживать матерей, которые хотели найти своих детей, хотя бы мертвых. Они бросались на солдат, как хищные звери.

Потом один из самолетов сбили, и, говорят, летчиком была женщина. Как женщина могла бомбить женщин и детей?!

После этого Воронеж стали бомбить регулярно. Мы практически не вылазили из подвала. Как-то мы сидели вместе с соседским мальчиком, спиной к спине и тут рвануло в районе драмтеатра, совсем рядом с нами. Нас потрянуло так, что мы разбили лбы друг о друга. После этого мы перекрестились сначала на птичник, такие бараки на окраине города, а потом и вовсе решили уходить из Воронежа.

Мы уходили через Чернавский мост, который соединял правую и левую часть Воронежа. Мост был полон людей. И тут началась очередная бомбежка. В небе было два самолета — один наш, другой немецкий. Крики «ложись!», грохот, плач, пыль. я закрыла глаза и побежала. Хорошо, что меня поймала моя тетя, ведь тогда я могла бы насовсем потеряться в этой гуще людей и машин.

На левом берегу было много сел — Усмань, Собачье, Гололобово. ночевали по 20 человек. Очень мучили блохи. Нам дедушка посоветовал нарвать полыни и положить вокруг себя. Мы прямо спали на полыни, только это спасало.

Поднимали рано утром, что бы спокойно идти без бомбежек.

Решили идти на Рогачевск. А там такое зарево — все небо полыхало! Взрослые решили идти до станции Горавская, в лесу, где жил мамин брат дядя Коля. Горавская находилась где-то между Воронежем и Москвой. Сначала хотели идти по железной дороге. Дошли до станции Трисвятская (там, кстати, сейчас похоронен писатель Песков). Там самолеты ле-

тали, прямо как вороны, один отбомбится, тут же летит другой, и низко, прямо на высоте птичьего полета. Я стала кричать: не пойдем туда, не пойдем — и мы свернули на дорогу через села. Какие — уже не помню. Но у дяди уже было чуть поспокойнее.

У дяди мы жили до конца 1942 года. Зимой нас разыскала еще одна мамина сестра, учительница из Березовского района, деревни пчельники. И мы на санях перебрались к ней. Там нас жило 9 человек, у тети четверо детей и бабушка, и мы трое.

В 43 году Воронеж освободили, райком партии перевели в поселок Рамонь Березовского района. В Березово нам выделили пустую хату, потом туда вернулись хозяева и нас переселили. Моя тетя — учительница Елизавета Ивановна стала заведовать в школе в Рамони и учила 2 и 3 класс. Она научила меня считать и писать. А в школу я пошла там же, в Рамони, в первый класс. Меня учила Мария Сергеевна Косматых, она еще и четвертый класс учила. При школе имелась учительская, с заложенными кирпичами окнами и одна дверь тоже была заложена. Мы там жили. Напротив школы расположилась редакция районной газеты. Мы там брали газеты и на полях учились писать. Читать тоже учились по газетам.

Электричества не было вообще, жили и учились даже не с лампами, а просто с фитилями. Но мы старались, все учили, а по математике даже соревновались, кто правильно решит задачку. Возле школы стояла наблюдательная вышка, там по очереди дежурили девушки из отряда противовоздушной обороны. Дежурили по двое, одна наблюдала за одной стороной неба, другая — за другой. Стояли они по 12 часов, мы им носили воду и еду. Через Рамонь часто проходили наши бойцы, на ночлег они обычно останавливались в школе, ведь это было самое просторное здание. И им мы носили воду. Воду таскали из реки, до нее было далеко идти и тяжело, по оврагам и буеракам. Раненым тоже приносили воду. Солдаты сами себе готовили и угощали нас — это было настоящим счастьем! Ведь голод прочно поселился в каждой частичке нашего тела. Нам постоянно хотелось есть. У нас ведь не было сначала ни огорода, ни скотины — поэтому выживать было очень тяжело. Наша тетя к тому времени заболела туберкулезом, но продолжала работать в райкоме, и ей полагалось питание в столовой ИТР. Тетя договорилась в этой столовой, чтобы нам раз в неделю давали суп. Мы с братом в любую погоду шли за супом. Особенно мы радовались гороховому супу, хотя в нем гороха — то и не было, одна шелуха плавала.

Основная еда была — лук и квашенка. Квашенка — это кислое молоко. Лук и квашенку перемешивали, и ели. Но и лук, и квашенку надо было покупать. Иногда младшей сестре оставляли кусочек хлеба, так мы все следили и надеялись, вдруг хоть крошечка с него упадет, или она сама уронит. Сестренке было ведь всего два года.

Зимой мы сами топили школу. Дрова не заготовливали, нам их выпи-сывали на станции Рамонь. Но эти бревна надо было самим погрузить и довести в школу на волах. Мы помогали грузить дрова и загонять волов на гору Больничную (так ближе). А волы скотина упрямая, идти не хотят. вот мы и кричим: «цоб-цобе, цоб-цобе!» и загоняли, и перегоняли. А ведь были тогда самые старшие из нас только в четвертом классе.

Одежды тоже не было никакой. Ушли ведь, в чем были. Практически у всех была чесотка. Весной мы лазили по буеракам, собирали чистотел. Нас в нем купали.

В 1944 году для детей эвакуированных организовали два пионерских лагеря, в Ступени и в Березове. Нас с сестрой отправили в Ступень. В ла-гере хорошо кормили: пюре картофельное, с солью!

Мы ведь без соли жили. Соль можно было купить только на станции Графское, 200 рублей за маленький стакан. За солью посылали старшего брата, но это было очень опасно, в лесу встречались и бандиты, и дезерти-ры. Его однажды просто случайно спас наш знакомый военный.

Через день в лагере нам давали по полплитки шоколада. Как нашим летчикам! В лагере было очень интересно: проводилось соревнования, слеты, ежедневно поднимали флаг. И костер обязательно разжигали... А ведь подумать — война была совсем близко!

Но как бы хорошо не было в лагере, мне очень хотелось домой, к маме. И в день закрытия я собрала вещи и сама пошла навстречу к маме, кото-рая за нами должна была прийти.

В 44 году мы посадили свой огород. Сразу стало легче, со своей кар-тошкой.

Люди вокруг нас были разные. Хорошо помню соседей — Анастасию Давыдовну и Василия Матвеевича. Они нам бесплатно давали квашен-ку. А когда Василий Матвеевич увидел, как мы собираем падалицу с его яблонь, он сам сказал своей жене, чтобы она давала нам яблоки. Анаста-сия Давыдовна почти каждую неделю приносила нам по ведру яблок. Многие жители Рамени казались мне неприветливыми. Говорили, что просто они сами по себе такие. А вот соседей всегда с теплом вспоминаю. Там у меня и сейчас живут племянники, у каждого своя судьба.

1945 год был для нас страшным. Как-то сразу, 17 марта и 23 марта умер-ли старший брат и моя тетя. Совсем немного не дожили до Победы. И сам День Победы хоть и был днем избавления, но он был омрачен этими смертями. Да ведь и для всех остальных это действительно был праздник со слезами, со слезами радости и боли, со слезами и на глазах, и в сердце».

В 1946 году семья Исаевой Гали вернулась в разрушенный Воронеж. Город бомбили в шахматном порядке, на 98% он был в руинах. Мама Гали устроилась работать в чудом уцелевший сельскохозяйственный инсти-



тут. И снова ютились сначала семь человек в маленькой комнатухе, чуть позже в «своей» комнате на втором этаже. Эта комната раньше была туалетом, и сквозь пол был виден первый этаж, который был полностью разбит. Топили буржуйку, трубу выводили в окно. Галина хорошо закончила школу, и поступила в сельскохозяйственный институт на факультет гидромелиорации. Со 2 курса ее перевели на механизаторский факультет и после окончания Галина получила направление в Актюбинскую область. Долгое время работала в Яйсанском училище механизации и сельского хозяйства преподавателем. Здесь же познакомилась с будущим мужем.

С 1965 года **Галина Николаевна** живет в Актобе. Ее окружают замечательные люди. Живет Галина Николаевна с дочерью — она работает в экологической лаборатории АЗФ. Один сын живет в Актобе, другой — в Калининграде. У Галины Николаевны трое внуков и в 2014 году у нее случилась самая большая радость — на свет появилась первая правнучка.





Нина Ивановна Булаткина (Шадрина)

Нина Ивановна родилась 4 января 1937 года в небольшом городке Бийск, что в Алтайском крае. Отец Нины был кадровый военный.

«Перед самым началом войны отец перевез всю семью в город Пржевальск, в Киргизию. Мы жили там при казарме пограничной комендатуры. В 1938 году родился брат Алексей. Перед самой войной мама снова была беременная и в августе 1941 года родился самый младший сын Володя. А уже в сентябре забрали на фронт отца. Новобранцев перевозили через озеро Иссык-Куль на парходике. Мама долго бежала по берегу и плакала. Ей было тогда всего 21 год. Я, как самая старшая, осталась за няньку.

По военным меркам город Пржевальск был очень богатым — ведь там было очень много фруктов. Хлеб, правда, давали по карточкам, около 300 грамм на человека. Но голода. Не было.

Помню, как я ходила в офицерскую столовую, к повару дяде Володе и просила немного супа. Он иногда разрешал приходить после того, как поедят курсанты, тогда мне доставалось и первое, и второе, и третье. Я часто пыталась помочь ему мыть посуду. Однажды дядя Володя мне разрешил. Лучше бы он этого не делал! Посуду тогда почти в каждом доме мыли в арыках (это такие неглубокие канавки с водой вдоль улиц). Я положила посуду в арык и только собралась чистить песком тарелки, как открылись

шлюзы и мощным потоком смыло всю посуду. Повар, правда, не сильно ругался, хотя, я думаю, его за это не похвалили.

Совсем не было одежды. Помню, как мы послали на фронт отцу фотографию, на которой все мы были босые, один Володя в рваных ботинках. Отец читал это письмо, смотрел на снимок и плакал. Я даже в школу не ходила до 1947 года, потому что на всю семью были одни валенки и их чаще всего давали брату. А я плакала, когда приходилось ходить в валенках по лужам. поэтому мама и решила, что в школу мы пока ходить не будем. Летом все ноги были в цыпках до крови.

Отец служил в кавалерии. Писал часто. Мама нам письма много раз перечитывала. Мы все переживали за отца, ждали писем... А потом, где-то в сентябре 1943 года пришла похоронка. Маму не оставили в беде. Друг отца написал, что он погиб в бою, а конь вернулся живой. Бой этот происходил под Смоленском, старее село Дыра, или Дурово, не помню точно. Мы совсем недавно нашли могилку отца.

Перед похоронкой мне приснился кровавый дождь и из лужи выходит папа. одна бабушка сказала мне, что это значит, что мой отец погибнет.

Летом мы собирали всякую съедобную траву, щавель, солодку. Солодка вообще замечательная вещь! Бабушка варила щи из крапивы. Собирали сахарную свеклу на огромных полях, старшие ребята очищали ножами. В брички-корыта собирали яблоки, абрикосы и отвозили в воинскую часть.

Мак выращивали. Из него делали лекарства, а мы его просто ели. В Киргизии я первый раз попробовала тару и толкан. Мы, малышня, набирали полные рты и осыпали друг друга. Бабушка-киргизка смотрела на нас, плакала и молилась я пыталась за ней повторять «алла», а она меня прогоняла «у, шайтан», но мне совсем не было страшно.

В 44 году я даже рыла и сеяла золотой песок. Правда, мне ничего не удалось намыть.

В том же 44 нам пришла гуманитарная помощь из Америки. Мне досталась настоящая красивая юбочка, до сих пор ее помню.

Видела я и пленных немцев. Такие же люди, как и мы. Я к ним часто приходила. Один немец гладил меня по голове, показывал фотографии своих детей. Я ему приносила лепешки, которые нам оставляла на день мама. А мама потом удивлялась, неужели мы их все съели. Немец меня всегда благодарил. И не было никакой ненависти.

Пока мы не получили похоронку. Тогда и пришла ненависть. Особенно уже в Казахстане, когда в 1947 году, когда я, переросток, пошла, наконец, в школу. Там мне было трудно даже с русским языком, ведь я хорошо знала и говорила на киргизском. А тут меня стала учить русскому языку немка. И немецкому языку тоже. Потом, конечно, я ее полюбила и до сих пор помню, как она вызывала меня к доске: *Kommen Sie an die Tafel.*

Много возни было с младшим братом. Он постоянно болел, плакал, маялся животом. А я и сама еще маленькая, уставала сильно. Мы его однажды напоили йодом. Вовремя приехала «скорая помощь» и все обошлось. Мама все понимала, она нас даже не побила за это. А мне до сих пор стыдно.

Мама так и не вышла больше замуж, всю жизнь посвятила нам.

Невозможно словами передать ту радость, когда объявили о конце войны, о нашей Победе. В воинской части был митинг, и не один. Люди плясали под гармошку, пели, обнимались. совершенно незнакомые все равно поздравляли друг друга.

Потом мы переехали в Казахстан, потому что маме не подходил климат в Киргизии. Вот в Казахстане было холодно. Совсем не так, как в солнечной Киргизии. Мы жили с бабушкой на станции Красный аул под Семипалатинском. Он был очень добрый и часто приводил домой людей с поездов, кормил их, оставлял ночевать. Один из таких постояльцев даже написал про нас Сталину и нам выплатили пенсию за отца за несколько лет. Только тогда мама сшила мне мое первое настоящее пальто. Вообще все люди вокруг были хорошие, добрые, старались помогать друг другу.

Мама пекла булочки, а я их продавала на станции.

В 1949 году проходили ядерные испытания и нам запретили собирать грибы и ягоды. Но мы все равно собирали.

И ядерный гриб я видела. Много раз. Красивое зрелище — сначала летит шар, а потом распускается зонтом. Правда, красота эта обернулась для меня больными ногами и инвалидностью уже в молодые годы».

Булаткина Нина Ивановна окончила школу в 1955 году, затем ФЗУ, строительный техникум. В Актюбинске вышла замуж. Братьев ее уже нет в живых. Воспитала троих сыновей. Один живет в России, двое в Актобе. Все работают и очень любят маму. А когда наступает весна, Нина Ивановна перебирается на дачу, ближе к земле. Именно там она черпает силы и хорошее настроение.





Мухамбет Жолдыгулович Жолдыгулов

Жолдыгулов Мухамбет Жолдыгулулы родился 7 мая 1900 года в Уилском районе Актюбинской области.

В 1922 году женился на Жанпеисовой Далап, с которой совместно прожил 65 лет. Из десяти родившихся детей выжили шестеро, остальные умерли по причине болезни и голода. Годы были тяжелые и страшные.

В 1931 году семья Жолдыгуловых перебирается в Исатайский район (ныне Кобдинский), село Краснояр. И с тех пор многие из семьи Жолдыгуловых проживают в этом селе. На сегодняшний день от шести детей Мухамбета родились 22 внука, 41 правнуков и 10 пра-правнуков.

С 1941 по 1945 год Жолдыгулов Мухамбет принял участие в Великой Отечественной войне. Его супруга Далап осталась с двумя крохотными девочками на руках и перенесла большие тяготы войны. Не покладая рук она вместе с остальными женщинами трудилась на трудовом фронте. Пасли крупнорогатый скот, отправляли на фронт вязанные шерстяные носки, варежки и теплые вещи.

Жолдыгулов Мухамбет после окончания войны был отправлен для участия в Японской войне. И только после этого возвратился в родные края. Старец приводил много воспоминаний о годах войны, можно было слушать его днями и ночами, рассказывал много разных истории. С войны он вернулся с осколком от пули

в правой ладони. И только через 30 лет в 1975 году в районной больнице удалили осколки от пули.

Всю жизнь он занимался разведением крупнорогатого и мелко-рогатого скота. Мухамбет Жолдыгулұлы умер в возрасте 87 лет в 1987 году. Его потомки гордятся его подвигами и тем, что их дед сражался за светлое будущее народа.

Жолдыгулов Мухамбет был много раз награжден грамотами, медалями за участие в Великой Отечественной войне. К сожалению, при пожаре дома все документы, медали сгорели, но светлая память об отце, деде навсегда остается у детей, внуков. Каждый год 9 мая родственники посещают могилу деда и чтят память о нем.

Пусть светлая память о наших героях-воинах навсегда останется в памяти на долгие годы!



Автор очерка — Раева Мария Сериковна, старший преподаватель Казахско-Русского Международного университета.



Татьяна Кирилловна Ковбасюк

Победу над врагом решали не только упорные бои и героические подвиги воинов на полях сражений, но и самоотверженная работа труженников тыла. Им пришлось в кратчайший срок овладеть рабочими профессиями, которыми они никогда не занимались.

Мне хотелось бы рассказать о жительнице села Кызылжар Ковбасюк Татьяне Кирилловне. Она родилась в 1926 году в селе Брусиловка (ныне Каракемер). Весной 1942 года после окончания семи классов начался ее трудовой путь. 17 августа 1942 года по путевке из Райисполкома ее направили на трудовой фронт. В дни суровых испытаний Татьяна Кирилловна показала себя трудолюбивым, инициативным работником. Ее труд сыграл большую роль в преодолении огромных трудностей, которые пережила страна. Поначалу работала она на железной дороге. Так как пути от Актюбинска до Оренбурга были короткими, они дотачивали их с двух сторон. Из воспоминаний Татьяны Кирилловны: «Были сильные морозы, и мы, девочки, брали в руки кирки, ломы, кувалды и шли работать. Мужчин было мало, в основном девушки. Сил не было, так как плохо питались. Помню одно — всегда хотелось есть. Спали в вагонах. Стелить было нечего, вместо подушки под голову ложили свои фуфайки. Проснувшись утром, все были в снегу. И опять на работу. Так и дошли до Оренбурга».

Помимо этой работы хрупкая девушка носила и щепень. Нелегко доставались ей трудовые победы. В эти годы много выпало на ее долю трудностей и невзгод. Но ничего не могло заглушить ее трудовой порыв.

Сломить волю к победе. В 1943 году была отправлена на перекидку угля в шахту, которая находилась в с.Курашасай. Я думаю, такая женщина как Татьяна Кирилловна — настоящая героиня трудового фронта, потому что она выполняла самую тяжелую мужскую работу.

Я считаю справедливыми слова Л.И. Брежнева: «Если бы удалось найти такие весы, чтобы на одну их чашу можно было положить военный подвиг наших солдат, а на другую — трудовой подвиг женщин, то чаши этих весов, наверное, стояли бы вровень, как стояли, не дрогнув, под военной грозой в одном строю с мужьями и сыновьями героические женщины». Так оценил он деятельность женщин в годы Великой Отечественной войны и их вклад в завоевание Победы.

Вызывающий гордость и восхищение подвиг Татьяны Кирилловны в тылу всегда будет вдохновляющим примером для нынешних и грядущих поколений. После войны перед народом встала задача восстановления сельского хозяйства. И Татьяна Кирилловна с неослабевающей энергией включилась в решение этих задач. Работала в селе дояркой, затем директор ОРСа (подсобное хозяйство от угольной шахты) Никита Сергеевич Карчан назначил ее секретарем хозяйства. Работая секретарем ей было поручено взять шефство над 100 власовцами. В июле этого же года выходит замуж и переезжает в с. Брусиловка (ныне Каракемер). 5 лет проработала в училище. Работала и воспитала четверых замечательных детей. В настоящее время Татьяна Кирилловна находится на заслуженном отдыхе. И, несмотря на то, что ей уже 88 лет она не сидит без дела, держит хозяйство, сажает огород, хлопочет по дому. Пользуется большим уважением среди односельчан. На 60-летие и на 65-летие Победы ей были вручены юбилейные медали.

Таков жизненный путь замечательной женщины большой души и возвышенных идеалов.



Авторы очерка — Раева Мария Сериковна, старший преподаватель Казахско-Русского Международного университета. и Оразалина Татьяна.



Биржан Ермуханович Раев

Раев Биржан Ермуханович родился в 1937 году близ Краснояра (ныне Кызылжар) в селе Жана-Журт. Он рос без отца, отец его Ермухан погиб на войне. Пришлось работать с малых лет в колхозе, помогая матери. Выучился на тракториста и в 1954 году 17-летним парнишкой сел за руль трактора, чтобы преобразить свой родной край.

Целина — это слово стало символом мужества и героизма. У каждого из нас оно вызывает чувство гордости за наш народ и его выдающуюся деятельность. Весной 1954 года, когда партия обратилась с призывом развернуть массовое наступление на целину, эта весть, облетев быстро — крылом птиц — страну, круто повернула жизнь Биржана Ермухановича. До этого он никогда не думал, что целина войдет в его судьбу и Красноярские степи станут еще ближе и роднее.

Целина встретила его сурово и неприветливо. Нужны были упорный труд, стойкость, выдержка, воля, высокое сознание своей ответственности за взятое дело. Здесь все надо было начинать делать впервые, на пустом месте. А как радовались первому урожаю. Решение многих, самых простых задач было связано здесь со значительными усилиями, требовало творческого подхода к делу, проявления инициативы и находчивости. Как на фронте, счет времени шел на часы и даже минуты. До отказа были

заполнены работой не только дни, но и ночи. Несмотря на огромные трудности, нехватку самого необходимого, он самоотверженно работал.

В 1957 году Биржану Ермухановичу была вручена медаль «За освоение целинных земель». В 1963 году был утвержден участником выставки достижений народного хозяйства СССР Награжден бронзовой медалью «За успехи в народном хозяйстве». Как говорит сам Биржан Ермуханович: «Ему в жизни приходилось работать только с хорошими людьми».

Но особенно с большим трепетным чувством он вспоминает свою мать, которая рано осталась вдовой и одна воспитывала сына Биржана и дочь Кунсулу в трудные военные годы.

Творчески одаренный, Биржан Ермуханович свои воспоминания о матери приводит в своих следующих стихах «Посвящение матери»:

*Анашымның жақсылығы кетпейді екен көңілден
Келеді ғой еске түссе көзіңнен жас төгілген
Ақыл ойын бізге арнаған Анамның
Бітпей кетті армандары өмірден.*

*Қиыншылықпен өсірді ғой Анашым
Ержетсем де маған деуші еді баласың
Айналғаның Анашымның еске алсақ
Қасымызда жүргендей боп қаласың.*

*Мақтаушылық естіп жүрдің халқыңнан
Сыйлы болдың құда-жегжат, жаныңа
Бала өсірдің білім алып талпынған
Анашыма дұға оқып бағыштаймыз.*

*Айтылған өсиетіңді ар ұстаймыз
Ер жетті немерелер жігіт болып
Артта қалған соларға да табыстаймыз.*

*Ұмытпаймыз Әкем менен Ананы
Түн ұйықтамай өсірді ғой баланы
Мейірі қанып айналдым деп бір сүйсе
Көңілдегі қайғы мұңы тарады.*

*Бүгін жоқ үйде анашым
Қыймай кетті өсірген біздей баласын
Анашымның суретіне қарасақ
Қуанып тұрғандай боп қаласын.*

Несмотря на постоянную занятость, Биржан Ермуханович вместе со своей супругой Роза апаи сумели воспитать и вырастить пятерых славных детей, дать каждому образование. На сегодняшний день все они трудятся во благо своей семьи и окружающих, а он, несмотря на свой преклонный возраст, возглавляет большое крестьянское хозяйство «Жігер», что в переводе с казахского означает «сила, мощь». Вместе со средним сыном Бекбулатом они занимаются разведением крупнорогатого и мелко-рогатого скота, обеспечивая рабочим местом около десяти односельчан круглый год. Биржан агай в свободное время много читает, занимается спортом, ездит верхом на лошади. Он также является имамом Кызылжарской мечети им. Аблай-хана. Ни одно мероприятие в селе не обходится без его участия. Каждый старается получить «бата» от самого имама.

Каждый год 9 мая семья Раевых всей семьей вспоминают погибшего на войне деда Ермухана. На одном из таких мероприятий он прочитал свое произведение «Толғау», в котором он со скорбью вспоминает своего отца:

*Соғысқа алпыс адам алған екен
Еңіреп қатын-бала қалған екен
Соғысқа азаматтар кеткеннен соң
Қайран ел басы болмай қалған екен.*

*Әкеміз сол соғыстан оралмады
Әкесін бала-шаға көре алмады
Елдегі қатын-бала зарлап жылап
Аналар тамақ тауып бере алмады.*

*Жас шақта сүйген жары елде қалып
Соғыста ері жүрді көңілін алып
Құдайым бір көруге зар қылғаның
Күлкі жоқ бара жатыр жүрек жанып.*

*Сағынам әкемді мен көрмеген соң
Амал жоқ тәңір бақыт бермеген соң
Қызығы бұл жалғанның болмайды екен
Ардақтап әкелерді жүрмеген соң.*

*Әкесіз жетім өскен қиын екен
Әкесінің кәдірін білмейтіндер
Намысы жоқ тек қана құйын екен.*

*Мен әкемді жоқтаймын
Мәңгі есте сақтаймын
Соғыста қайтқан әкемнің
Аманатын сақтаймын.*

*Кетерде Әкем жылады тұяғым деп
Қалай сені жетімдікке қиямын деп
Есіме сен түскенде шет жерлерде
Күні-түні есімді қалай жиямын деп.*

Не зря говорят в народе, что человек жив до тех пор, пока о нем помнят. Благодаря Биржану Ермухановичу еще долго будут жить и отец его, и мать.



Автор очерка — Раева Мария Сериковна, старший преподаватель Казахско-Русского Международного университета.

Мария Ахметовна Ахметова

Мария родилась 15 сентября 1930 года. Жили в колхозе. В семье было три брата и она — самая младшая сестра. Отца своего Мария не знала и не помнит. Он умер, когда Марии едва исполнилось три года.

«О войне все узнали как-то сразу. Все плакали, мужчин забирали на фронт. Каждый день приезжал уполномоченный и на подводах увозил очередных новобранцев. Двое старших братьев ушли на фронт. Я осталась с мамой и братом. Во всем колхозе из мужчин остались только председатель и бригадир, остальные — женщины и дети. Народ был малограмотный, необразованный, наверное, поэтому сразу и не поняли, что такое война. Выживали, как могли. Помогали друг другу. Зимой жили в землянке, а летом ставили юрту.

Надо было продолжать учиться, а школа закрылась — не хватало учителей. Да и ручек, мела, тетрадей тоже не было.

Как-то сразу стало не хватать одежды и мама распарывала старые вещи, одеяла, корпешки и шила нам одежду. Обуви вообще не было никакой. Даже глубокой осенью я бегала в поле босиком, в огромном, сшитом мамой пальто. Когда ноги совсем замерзали, я садилась на землю, заворачивала в пальто, отогревала и бежала дальше. Разве же можно было не выйти на работу — ведь пропадет с таким трудом выращенное зерно! Это сейчас все машины делают, а нам приходилось обрабатывать зерно вручную. И на мельницах зерно мололи, и даже на камнях с желобком. Мука получалась крупная, примерно такая, как сейчас дробленка. Сами делали тару. Намного легче стало, когда у нас появилась корова. Корову нам привезли из Ростова. Теперь у нас каждый день было молоко. Мама делила молоко пиалками, чтобы всем хватило. А потом и я сама научилась корову доить.

На зиму сами заготавливали дрова. Ходили далеко в степь, собирали сушняк, рубили его и носили домой. Зимой такие дрова грели плохо — очень быстро сгорали.

Как бы трудно не было, мама моя не сдавалась, не позволяла себе даже поплакать. Она настоящая героиня — сумела одна воспитать четверых детей и выжить в годы войны. Прожила моя мама 98 лет.

Работали все — и дети, и старики, и женщины. без отдыха, без выходных, целыми днями в поле.

На центральной площади нашего колхоза на столбе висело радио. Его никогда не выключали. Кто услышал новости с фронта, рассказывал потом всем остальным. По этому радио мы и услышали в мае 1945 года долгожданную весть о Победе. Ура!!! Слышно было на весь колхоз. Наверное, в этот день почти всех освободили от работы, потому что я помню, как все радовались, по всему колхозу разъезжали на лошадях и кричали во весь голос «Победа! Победа!»

Нам повезло, оба моих брата, двое маминых сыновей, вернулись живыми с этой войны. Старший брат закончил потом педагогическое училище и долгое время проработал в школе. И я после войны закончила 8 классов, правда, дальше учиться не стала. В 20 лет вышла замуж. Работала в сберкассе, сначала кассиром, потом заведующей. Работать было трудно, но я всегда работала честно, никогда не жаловалась, никаких нареканий по работе не было. Много грамот с работы, писем благодарственных. Честно трудиться для людей мы научились в годы войны. В 1986 году меня наградили орденом «Знак Почета». И муж мой, Кубенов Келекен, уважаемый человек был, работал плавильщиком, заслуженный металлург, про него в книге писали. Мы прожили вместе почти 60 лет. Уже восемь лет, как его нет в живых.

Когда закончилась война, мы сразу стали жить намного лучше. Все это почувствовали. И совсем незаметно пролетело столько лет!»

У **Марии Ахметовны** четверо детей, одиннадцать внуков и девять правнуков. Она живет вместе с младшим сыном, снохой и внуком. Старший сын живет в Актау. Сейчас Мария Ахметовна на пенсии и считает, что прожила хорошую жизнь.





Еркин Каиргалиевич Беккалиев

Родился 10 ноября 1937 года в Алма-Ате, но по паспорту в селе Чаян, Шымкентская область.

«Мама и ее старшая сестра, я был у них один на двоих. Зато много двоюродных братьев и сестер. По отцовской линии родословная восходит к 1830 году. Родословную составил бывший министр коммунального хозяйства Беккалиев Хайирлы.

Отец мой родом с Уральской области (Урда-район, много музеев) учился в Ленинграде, по распределению с группой врачей попал в Нукус (Каракалпакия), где работал заведующим городским отделом здравоохранения, ездил с врачами по аулам и кишлакам на борьбу с особо опасными инфекциями. Многие старожилы его до сих пор помнят.

Долгое время мы жили в Чарджоу. Я был очень шустрый. Дома в Чарджоу строили без крыш, потолок мазанный, я любил прыгать с крыши.

Перемещались с места на место и на повозках, и на самолете.

Жили в основном в Нукусе, до сих пор помню адрес.

Отца хорошо помню и до войны. Сидим за столом, а на столе сверкают хрустальные рюмки с красным вином. Сидит отец, рядом с ним маленькая девочка, дочка еще одного врача. Помню руки отца, которые бережно собирали крошки хлеба со стола.

Отец играл на скрипке, особенно по утрам. Не разрешал меня будить, играл в рядом, тихонько. Наверное, поэтому у меня появилась любовь к классической музыке и я даже выучился играть на домре. Незадолго до войны скрипка попала в ремонт и назад уже не вернулась. Мастер исчез вместе со скрипкой. И так бывает в жизни. Но утренняя мелодия, выходящая из-под смычка отца, звучит для меня до сих пор.

Отца забрали на фронт в апреле 1943. Эта картина навсегда осталась в памяти. Из Нукуса шли к Аму-Дарье, пешком, провожать своих родных. Останавливались в степи, в небольших углублениях, в лопухах.

На реке стоял гул, гул людских голосов. Особенно врезались в память крик, слезы. Плач как бы уносился вверх и накрывал всех, как пеленой.

За новобранцами отправляли паромы через Аральское море. Аральское море было тогда просто огромным. Призывников грузили на баржу и отправляли, берег был последней линией прощания.

На фронте отец был врачом.

В 1942 году родилась моя сестра, через год умерла. Из квартиры, где мы жили, нас выгнали. Мама работала воспитателем в детском саду (сама из детдома). Очень красивая! Умела петь, плясать и всегда говорила правду.

От отца почему-то долго не было писем. Но оказалось, что письма и переводы получала сестра отца и нам ничего не попадало. Ее уволили, и мы стали получать письма и пособие. Люди всегда, во все времена были разные, но хороших все-таки больше.

Отец не вернулся с войны.

Письма отец писал после каждого прожитого дня. Так все на фронте делали, зная, что следующий день может быть последним. Я его письма храню до сих пор. В одном письме он писал, что награжден Орденом Красной Звезды. Только уже в октябре 1943 года письма прекратились. Отец видимо погиб, ничего о нем больше не знаю.

*Мы счастливы. Несчастливы.
В двух жизни измереньях
Весь выбор нам определен
Судьбой. Предназначеньем.
Мерцанье жизни
И покой извечный
Мы появляемся на миг
И... входим в бесконечность.*

Весь дом был на мне. Мама работала и управлялась по хозяйству, я ей помогал, как мог. Не всегда хорошо получалось. Особенно трудно было оставаться с младшей сестренкой, она много и часто плакала.

Как-то мама пошла за водой. Я качал свою сестренку так сильно, что она даже укатилась под койку. Мама почему-то меня не ругала.

По Аральскому морю — помню на палубе много людей, их закрыли брезентом и завязали. Во время шторма корабль заливало водой. Корабль полностью уходил под воду. На станции Аральск вода подступала прямо к железнодорожным путям. Это я помню хорошо, мы тогда ехали в Шымкент к тете, маминой сестре. Я вырос у нее.

В Шымкенте мы жили по ул. Ленина, недалеко от школы. Школа — забором тюрьма, дальше милиция, а наискосок областная тюрьма. Сейчас даже странно вспоминать о таком соседстве, а тогда и не обращали внимания.

Мама работала в тюрьме переводчицей, я к ней ходил после школы, видел много собак. Мне очень нравился столярный цех, запах. Там делали деревянные игрушки. Заключение меня тоже любили.

Удивительная школа им. Луначарского.

Школа восьмилетняя, в классах до 10 человек, очень хорошие учителя, красиво одетые, добрые. Самое светлое пятно в воспоминаниях. Мы всегда были рядом с директором, очень любили физику (директор преподавал физику).

Другая школа — одни хулиганы.

Помню базарчик: толпы людей.

Продают хлеб. 200–300 рублей буханка.

Вообще, хлеб был по карточкам.

Мама часто меняла одежду на еду. Особенно возле поездов. Рыбы продавали много. Бегали с чайниками за кипятком. Каждый вокзал был похож на базар. Но в основном не продавали, а обменивались.

Конечно, еды не хватало. Спасибо тете, она нас частенько выручала. Мы подходили к окну, тетя нам кидала еду в форточку.

По вечерам люди собирались и потом брались за руки, образуя живую цепочку, очередь за хлебом, чтобы ничего не пропустить. Дежурили потом всю ночь.

Я тоже ходил с талонами за хлебом. Помню, мне продавец даже дала пряник. Лучше подарка нельзя было и придумать!

Много парков. Помню старинную церковь. Помню в Пионерском парке — лежат солдаты с ружьями, мы даже не могли понять, почему они там лежат. Их потом увозили в больших машинах. Наверное, это были какие-нибудь краткосрочные курсы подготовки и увозили их потом прямо на фронт.

Помню японских пленных.

Японские пленные копали арыки. Мы рядом играли, подбрасывали кульки с пылью. Японцам носили воду, иногда еду. Они были всегда голодные, кланялись нам, благодарили.

Игры были в основном военные. Штандер, городки, война.

Из Шымкента поехали в Алматы. Простой дом. Железные кровати, деревянные шкафы. Никакого вычурного богатства. У моего дяди, в то время министра, был всего один костюм. Этот костюм он надевал и просто на работу, и на важные встречи.

1945 год — снова Шымкент.

9 мая 1945 года. Помню маленькие самолеты, разбрасывали листовки желтые, розовые, красные. На них было написано о конце войны. На улице было много народу. Знакомые и совсем незнакомые люди обнимались, поздравляли друг друга, пели и плакали. Так горе и радость ходят рядом, как подруги, давая человеку осознать в полной мере величие и той, и другой. Так люди, потерявшие в этой войне всех, сумели радоваться сквозь слезы радости тех, кто дождался сыновей, отцов, мужей.

АДИАФОРА

*Все что лежит между добром и страшным злом.
Роскошной добродетелью и гнусной тварью
Все среднее меж ними непонятно. Необъяснимо. Недостижимо...
Для понимания и объяснения того что происходит.*

*И все же есть разумное зерно
Как объявил Зенон, философ, стоик.
Во всем, что существует. Всегда.
Одна из сущностей являет благо. Другая зло.*

*Но есть и третья — адиафора.
Она и составляет суть того,
Что там есть жизнь и смерть.
Она посередине.*

Многих в этот день отпустили, дали выходной. После войны меня уже собрали в Суворовское училище, но в последний момент мама не смогла меня отпустить. Вся дальнейшая жизнь у меня связана с Алматой. Там я и служил в армии.

Я был хорошо подготовлен. Чуть было не забрали во флот, но потом попал в погранчасть в Алматы — ехали в таких же вагонах с печками, в каких когда-то отправляли на фронт.

Закончил 2 института: Экономический Институт и институт Иностранных языков в Ташкенте. Хотя и не разрешалось учиться в двух институтах сразу, мне удалось. Было трудно, но главное, не было войны. Можно было учиться, строить планы и просто жить.

*Есть личность. Есть и личина
Все это в «корне» изначально и означает. личное.
Природа так распределила. что поделатъ.,
Всех нас. на личность и личину.*

*Я не поэт и не философ
Я просто экзегет.
Хотел бы видеть я себя
В обличье тех «творящих мир».*

*Но, это невозможно.
Я сам себе все объяснил.
Умерь свой пыл. Будь прост, благоразумен.
А если нет — замри».*

Беккалиев Еркин Каиргалиевич счастливо прожил со своей женой, у него родились дочка и сын. Жена работала в ме-дакадемии, ушла из жизни в 2009 г. Сын — живет вместе с отцом. Две внучки. Одна работает в Эмиратах. Младшая учится в Англии. Еркин Каиргалиевич до сих пор продолжает работать — такой уж он человек. В свободное время пишет интересные стихи, которые заставляют задуматься и о смысле жизни, и о нашем месте на земле.



Лариса Альбертовна Борисова

СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ.

*Мы должны сыновьям о себе рассказать —
Помоги нам, крылатая песня, —
Все живых, неживых поименно назвать,
Всех безвестных вернуть из безвестья.*

Л. Кривошеков

Война — жесточе нет слова, война — печальнее нет слова, война — святее нет слова. Все, что я видела до этого, меркнет. Душат слезы, хотя прошло 70 лет. Это не просто прошлое. Это «прошлое находится не где-то там, в своем времени, а здесь, во мне. Прошлое — это я, это моя жизнь». (Х.Ортега-и-Гассет). Война оставила след в каждом доме. 22 июня 1941 года памятно всему нашему народу. Это один из самых трагических дней истории страны.

22 июня был выходной день. Спали города, села, после выпускных вечеров гуляла молодежь. Выпускники мечтали о своем будущем. Ничто не предвещало беды. Едва начинал брезжить рассвет, часы показывали четыре утра. И вдруг эту утреннюю тишину нарушило мощное вторжение боевой техники, гул самолетов, лязг танков, пулеметные очереди. Зазвучала незнакомая речь. К этому времени германские войска покорили уже многие страны Европы: Чехословакию, Болгарию, Польшу, Венгрию, Югославию.

Десятки миллионов человек за годы войны вынуждены были покинуть места проживания. Не избежали этой участи и мои родители. Моя мама Кособродова Виктория Ивановна жила в г. Курске. Город заняли фашисты. За связь с партизанами были расстреляны фашистами при отступлении в 1943 году мамина тетя, дядя и мамина двоюродная сестра. Только за одну ночь согнали в парк 1800 стариков, женщин, детей и заставили рыть траншею. Когда траншея была вырыта, столкнули всех и закопали заживо. Для устрашения согнали жителей города. Многие пытались раскапывать руками и помочь родным, но их тут же расстреливали на месте. Утром Советские войска освободили город, но закопанным заживо помочь нельзя было ничем. Плач и стон. Земля рыдала.

Во время бомбежки дом мамы сгорел дотла, семья мамы чудом остались живы.

В 1941 году папу Гофман Альберта Федоровича призвали на фронт. Но повоевать ему пришлось только три месяца. Уже в 42-ом году Гофмана, якобы по состоянию здоровья, отправили этапом в Казахстан. Что может чувствовать человек, который так гордился своей страной, старался на ее благо, а его и других немцев под дулами автоматов, как преступников, вели в ссылку в Казахстан? Но это не повлияло на его отношение к Родине. Он долгое время был директором совхоза «Илекский». Слава о совхозе гремела на весь Казахстан. Хозяйство прославилось своей овощной и молочной продукцией, часто занимало призовые места во всесоюзном соревновании. В совхоз часто приезжал первый секретарь Казахстана Д.Кунаев, делегации из Японии, Румынии, Германии, Польши. А.Гофман — заслуженный работник сельского хозяйства, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многими медалями. Еще при жизни папы на сельском сходе в 1994 году, за заслуги в развитии села Курайли и в честь его 80-летия было решено переименовать улицу Комсомольскую в улицу Гофмана.

В 1941 году родителей Альберта Гофмана с детьми и внуками тоже выслали из родного края. В августе 1941 года было принято постановление, по которому все немецкое население должно было быть выслано в Сибирь и Казахстан. С 3 по 20 сентября первого года войны были выселены из родных домов 500 000 немцев, в том числе и семья Гофман. К ним пришли люди в военной форме, дали на сборы пару часов и разрешили взять только продукты на месяц. Взрослых и детей загрузили в вагоны по 40 человек и повезли в степь. От голода и недостатка воздуха вынужденные переселенцы умирали как мухи. Трупы сбрасывали прямо на железнодорожные пути. Дедушка и бабушка по линии папы попали в Павлодар. В мае 1942 года от перенесенных тягот и голода умерли с разницей в один день мои бабушка и дедушка. Трагическую историю семьи уже в наше время описал в научной работе мой внучатый племянник Георгий Адам, который родился в Мартукском районе, а сейчас живет в Пермской области.

В Германию из разных стран Европы в качестве рабочей силы было согнано 8 млн. человек.

Это была война, в которой линия фронта проходила по территории нескольких десятков государств, а в решающих сражениях участвовало несколько миллионов человек. Военные действия велись в воздухе, на суше, на море и под водой. Это была война, на завершающем этапе которой было применено оружие массового поражения колоссальной разрушительной силы — атомная бомба. Враг был жестоким и сильным. В этой войне тон задавала техника, а не количество задействованных ресурсов. Та страна, на вооружении которой техника была современнее, мощнее и смертоноснее, получала «карт-бланш» в этой войне. Война топтала души и сердца людей, калечила судьбы, жирным крестом перечеркивала будущее.

Плечом к плечу встали на защиту Родины вместе с ее армией советские люди: народное ополчение, мужественные партизаны, бесстрашные подпольщики. В тылу работали и днем, и ночью старики, женщины и дети. Лозунг был один: «Все — для фронта, все — для победы!» И это был не просто лозунг, эти слова стали смыслом жизни практически каждого советского человека.

С 17 июля по 1 августа 1941 года в Актюбинске была сформирована 312 стрелковая дивизия. Она вошла в состав 52 армии Северо-Западного фронта. Дивизия получила приказ не дать противнику возможности захватить шоссе и железную дорогу Валдай – Старая Русса. Бойцы дивизии показали образец стойкости и мужества, отстаивая каждую пядь земли. В октябре дивизия вела оборонительные бои с противниками и попала в окружение. Выходя из окружения, она понесла большие потери. 26 октября 1941 года прекратила свое существование и была расформирована.

101 стрелковая бригада формировалась в конце 1941 года, из добровольцев Актюбинской, Гурьевской, Западно-Казахстанской областей, в ее состав вошли более пяти тысяч человек. Бригада вошла в состав 39-ой армии. Одной из крупных операций 101-ой стрелковой бригады, принесшей ей неувядаемую славу, был бой за деревню Мищуково, затем участвовала в боях под Великими Луками.

В июле 1944 года, в числе других соединений, где имелись большие потери, части 101 стрелковой бригады влились в состав 47-ой, 90-ой гвардейских стрелковых бригад. В честь сформированных в нашем городе 312 стрелковой дивизии и 101 отдельной стрелковой бригады на улице Кереева накануне 40-летия Победы был открыт памятник — знак «Пушка».

Авторы-архитекторы проектного института «Каззапсельпроект» А.Г.Ажгалиев и Ш.С.Фахрутдинов, а коллектив объединения «Запказгеология» воплотил этот проект в жизнь.

Поколение будущих победителей росло в суровых условиях. Эта закалка стала основой стойкости и надежды — выстоять в борьбе с врагом, не сломиться. Народ выжил и победил, но признак войны не канул в вечность. Как ему противостоять? Где найти точки опоры? Об этом размышлять нам.

Это надо знать всем, живущим сейчас. Более полутора миллионов казахстанцев приняли участие в войне. Еще столько же наших земляков ковали победу в тылу. На фронт было отправлено 240 тысяч комсомольцев. 200 тысяч комсомольцев удостоены звания Героя Советского Союза. 54% всего призывного контингента ушли на фронт в начале войны. Только в районе г. Харьков было окружено и пленено 230 тысяч советских солдат и офицеров. 4300 человек с эшелона брошено в бой на Барвенковском выстуе и погибли.

11 603 воина удостоены звания Героя Советского Союза. 7 миллионов воинов получили правительственные награды за героизм и мужество в войне. 91 женщина удостоена высокого воинского звания Героя Советского Союза, среди них славные казахстанские девушки Алия Молдагулова и Маншук Маметова.

Все дальше в прошлое уходят годы Великой Отечественной войны, но подвиг советских людей, вставших с оружием в руках на защиту Отечества, будет вечно жить в памяти народа. Сколько матерей, жен остались без сыновей и дочерей, мужей. Уходят из жизни люди, которые были свидетелями и участниками горестных и героических событий. Ушли в мир иной и мои родители, и ветеран войны п. Курайлы Николай Руденко. Сейчас в нашем поселке участников войны нет. Из поколения в поколение мы несем память об этой войне, которую за границей называют неизвестной. В Мартуке в 2015 году остался только один участник Великой Отечественной войны — Скорбь велика! Нет слов и нет слез, которыми можно оплакивать! Живые, помните о тех, кто дал нам будущее! Пусть дрогнет рука, которая вновь посягнет на нашу землю! Мы, потомки, встанем на защиту этой святой и священной земли. Спите спокойно, дорогие сердцу, частица нас самих.

*Вечная Слава Героям! Слава! Слава! Слава!
Но зачем она им, эта слава, — мертвым?
Для чего она им, эта слава, — павшим?
Все живое спасшим. Себя не спасшим.*

*Пусть не все герои, — те, кто погибли,
Павшим Вечная Слава!
Вспомним все поименно, горем вспомним своим,
Это нужно не мертвым! Это нужно живым!*

Память — это веление, это прикосновение глубины сердец, это страдание, это дерзание, это дорога из прошлого в будущее.

*И память нам покоя не дает,
И совесть нас с тобой частенько гложет.
И триста лет пройдет, никто
У нас войны забыть не сможет.*

*Глядят на нас фронтовики,
Глядят на нас исчезнувшие роты,
Глядят на нас ушедшие полки,
Глядят на нас с надеждой и заботой.*

*Ну как мы тут, и что у нас за жизнь,
Куда идем семьей многоликой,
Готовы ль так же Родине служить,
Достойны ли истории великой?*

Сегодня в области проживает 177 ветеранов Великой Отечественной войны. 138 из них — в Актобе. Также у нас проживают свыше девяти тысяч тружеников тыла, 13 узников концлагерей, 718 вдов фронтовиков (к сожалению, это данные за 2015 год. В 2020 году в Актобе осталось в живых всего 28).

*Прошла война, ушла за поворот.
В чехлах стоят гвардейские знамена.
И жизнь, и время движется вперед.
Мы головы склоняем низко,*

*Земной поклон за ваших сыновей!
Ложатся цветы на могильные плиты.
Нет! Никто не забыт, и ничто не забыто!
Встречайте трепетную весну, люди Земли!*

*Убейте войну, прокляните войну, люди Земли!
Мечту пронесите через года! И жизнью наполните!
Но о тех, кто уже не придет никогда, —
Заклинаю, помните!*

Лариса Альбертовна Борисова, библиотекарь Георгиевской средней школы Актобе, поселок Курайлы.





Семен Григорьевич Овсиенко

Анна Константиновна Овсиенко

Уже шестьдесят три года они живут вместе. В уютной типовой однушке в старой части Актобе пожилая милостивая женщина с косой и крепкий еще мужчина — жалуется только на ноги — с удовольствием рассказывают о своей жизни. Иногда перебивают друг друга, иногда просто продолжают недосказанные мысли. Они давно уже единое целое и радуются каждому дню, прожитому вместе. Анна Константиновна говорит мне, что никогда не понимала, когда им задавали вопрос, ссорятся ли они друг с другом. Глядя на этих людей, действительно веришь, что ссорам и брани просто нет места в этой семье. Прожив долгие годы испытаний и потерь, Семен Григорьевич и Анна Константиновна сохранили главное — любовь и уважение друг к другу.

А испытать пришлось немало.

Рассказ начинает Анна Константиновна: «Я родилась 18 июня 1931 года в Томской области, в селе Кереевск. Селом даже трудно назвать, скорее, маленькая деревня в глубине тайги на реке Обь. Мама закончила



всего четыре класса, но работала заведующей детским садом. Ее все уважали. Отца в 36 году забрали на каменоломни, за что, не вспомню сейчас. У мамы в Бийске брат был большим начальником, помог разобраться. Потом отец участвовал в финской войне, после этого долго болел. Детей нас всего было четверо.

К началу войны мне исполнилось 10 лет. В первый же день по радио узнали о начале войны. На фронт ушел двоюродный брат, зять Георгий, еще один брат. На зятя даже похоронку прислали, а он был только ранен и выжил. Вот какая хорошая ошибка была! Один из братьев, видно, долго выходил из окружения. Он часто рассказывал, как прятался по

подвалам и как ему тайком воду и еду приносили. Хорошо, что вернулся живой. Отца на войну не взяли по болезни. Да он еще и хорошим ветеринаром был, стал лечить лошадей для фронта. Лошадей папа выхаживал в тайге, часто меня с собой брал.

В войну к нам привозили эвакуированных и немцев пленных я видела. Немцев я видела в Новосибирске, там у меня жила старшая сестра. Хорошо помню, как они гурьбой шли, а в карманах на груди ложки торчали. Никто их не трогал, и не обижал.

Папа еще лес валил, а по ночам мы с мамой обрубали сучья. Кто их потом привозил, не помню. Меня хватало только на три дерева и мама долго уговаривала, что надо, НАДО успеть обрубить еще и четвертое. Я плакала, и снова принималась за работу.

На плешинах между деревьями выращивали табак. Табак был неплохой, рос хорошо. Мы его собирали и отправляли на табачную фабрику в Томск. Для фронта сдавали яйца, молоко, шерсть. Было тяжело, нас всех сильно выручала тайга. Ягоды, грибы, орехи, — зайцев ловили даже мы, дети. Кто из мужчин оставался, ходили и на медведя с рогатиной. Огороды были у каждого в деревне. Так что питались мы, конечно, лучше, чем те, кто ближе к фронту был. Шили кисеты, варежки, носки вязали для бойцов. И мы еще успевали учиться. Правда, с бумагой было очень плохо. Мы писали на березовой коре, карандашами. Потом долго берегли свои «тетради». Мы вообще берегли все».

Не терпится вступить в разговор и Семену Григорьевичу. «Я родился в поселке Екатериновск Джурунского района, теперь это Муголжарский

район. Я по документам 10 января 1929 года записан, а на самом деле родился в ноябре 1928. Когда началась война, мне было 13 лет. Отец мой в 41 году работал на железной дороге весовщиком. Как раз перед началом войны он вернулся из военного лагеря и часто говорил о том, что будет война. Настолько серьезно их там готовили. Мне тогда казалось, что война долго не продлится, и наши победят. Но наступила зима, война не прекращалась, и 2 января 1942 года отец ушел на фронт. Я остался единственным мужчиной в семье, с матерью и тремя сестрами. Мать не работала. Работы сразу прибавилось, для себя и для фронта. Я никакой работы не боялся: и сапожником прирабатывал, и счетоводом. На маслопроме работал. Там мне сказали: считать будешь потом, сейчас надо лед заготовливать. И мы кололи и грузили ледяные глыбы, чтобы сохранить масло и молоко, ведь холодильников тогда не было. Там же готовили сами брынзу и масло. Иногда кусочек перепадал и нам, прятали за пазуху, несли домой, для всех. А вот хлеб иногда и до дома не доносили. Ночами в очередях стояли за хлебом, отмечались каждый час. К нам приезжали родные отца с Украины, но прожили недолго, видели, что нам и самим тяжело. Мама дала им ящик зерна, но это зерно у них украли. Так и сгинули голодной смертью.

Сам научился готовить, ухаживал за младшей сестрой, 1937 года рождения, учился, закончил 8 классов. Научил корову быть тягловой силой, теперь корова стала вместо лошади. И телочку сам вырастил, когда отец в октябре 1945 года вернулся с войны, у нас было уже две коровы. По отцу сильно скучал. Письма зачитывал до дыр. Отец, когда вернулся, тяжело болел, он дважды был контужен, и его выкапывали потом из-под земли и осколков снарядов. Только мне удавалось его разговорить. Но о войне он не любил вспоминать, только с однополчанами, а нам почти ничего не рассказывал. Он только повторял: Сколько ужаса я там увидел. Не дай вам бог! О том, как воевал мой отец, говорят его награды».

Семен Григорьевич с гордостью показывает награды отца: медаль «За оборону Сталинграда» от 22.12.1942, медаль «За победу над Германией» от 9.05.1945, медаль «За боевые заслуги» от 31.07.1945 г. мы имеем уникальную возможность





увидеть те благодарственные письма, которые приносила полевая почта родным и близким фронтовиков, подписанные и лично И.В.Сталиным, командармами фронтов сражений Великой

Отечественной войны. У Григория Овсиенко это благодарственные письма за овладение важнейшим железнодорожным узлом и мощным укрепленным районом обороны немцев городом Барановичи в 1944 году, за боевые действия во время взятия городов Штральзунд, Гриммен, Варен, Везенберг, а также за форсирование реки Одер, овладение городами Штеттин, Гартц, Гданьск (Данциг) в 1945 году. Это память не только для Семена Григорьевича, это наша общая память. Память, которую мы должны сохранить.

«У нас жили эвакуированные с Саратова, немцы с Поволжья, евреев много. Эвакуированных привозили целыми составами, в деревянных вагонах. У многих с собой имелись только документы и никаких вещей. Мы с ними делились вещами, одеждой.

Вязали, носки, платки, перчатки — у кого что лучше получалось. Табачок тоже выращивали для наших бойцов. В 1943 году зимой прямо за Джуруном расчищали площадку для запасного аэродрома. Сильно мерзли, но расчищали на совесть.

Летом 1943 года меня отправили в военный лагерь. Мы жили в казармах. Потом на этом месте долгое время находился пионерский лагерь «Пламя». Ходили в лаптях. Лапти провались уже недели через две, я пытался заталкивать в них траву, но это мало помогало. Ноги исколол очень сильно, и, видимо, занес инфекцию. У меня началась тропическая малярия. Выжить мне помог аптекарь Алексей Филиппович. Мать пришла к нему со мной и принесла чашку масла. Алексей Филиппович меня осмотрел, и сказал, что я вряд ли уже выживу. Но дал два пакетика хинина, сказал: «Выпей один сегодня и ложись спать. Если утром проснешься, выпей второй пакетик. Тогда будешь жить». Я проснулся на другое утро, я был жив!!! Правда, потом долго ходил на костылях и рубцы на ногах до сих пор болят.

А какая была радость, когда мы узнали, что война закончилась! Я сам соорудил на крыше нашего дома красный флаг.

И началась мирная жизнь.

В 1947 году я купил себе гармошку, отдал за нее почти всю зарплату. Научился играть без нот, просто повторял музыку, которую слышал по радио. Так и играл в Доме Культуры до своей свадьбы. Потом все, играл уже только для своей Анечки. Она в 1950 году после техникума к нам в Джурун приехала работать технологом, так и встретились. Свадьбу сыграли в 1952 году. Лошадь мне выделили, ленты, колокольчики. потом уже и школу закончил, и институт. В институте даже странно было — ведь многие учителя моложе меня.

Я всегда уважал и уважаю честных и работающих людей, а люди уважают меня. Значит, жизнь свою я прожил не зря».

Семен Григорьевич всегда работал на переднем крае, там, где трудней всего. Налаживал производство, умело расстановливал кадры, рнак-срывал недостатки и даже хищения. Старший экономист Джурунского РайФО, старший контролер-ревизор ЗапКазКрая, начальник планового отдела ГлавЗападСтроя Минтяжстроя СССР, главный ревизор КРУ Минфина КазССР по городу Актюбинску — вот неполный трудовой список до выхода на пенсию. И на заслуженном отдыхе Семен Григорьевич не смог сидеть без дела — сначала работал контролером-ревизором в Госфинконтроле г. Актобе, затем преподавал в Финансово-Экономическом колледже дисциплины «Налоги и налогообложение», «Аудит и ревизия». Преподавал так, что к нему на занятия приходили студенты и специалисты из других учебных заведений. С 2003 года работал в ревизионной комиссии областного маслихата.

Сейчас Семен Григорьевич почти никуда не выходит — болят ноги. По вечерам играет с Анной Константиновной в карты — им сделали для этого специальный столик. Каждый вечер им звонят сын и сноха — это уже стало семейным ритуалом. Семен и Анна с огромной теплотой и гордостью говорят о своем сыне и двух внучках и о двух правнуках. А еще Семен Григорьевич частенько балует свою Анечку пирогами и печеньем собственного приготовления и очень радуется, если ей нравится. А нравится ей всегда, ведь пироги действительно очень вкусные!

Военные письма... Пожелтевшие треугольники с выцветшими от времени надписями — это, пожалуй, все, что осталось в семьях фронтовиков от тех, кто навечно остался на полях той войны. Письма писали на листках бумаги, на остатках от самокруток, иногда — на почтовых карточках. Письма читали всей семьей, читали родным и знакомым, читали тем, у кого в том же районе воевали близкие.

Особые письма — **благодарственные**. Их писали сами командармы, часто сам командир заполнял бланк — чем еще можно выразить признательность бойцу за его ратный подвиг? Эти письма бережно хранятся в семейных архивах.







За нашу Советскую Родину!

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО



Василий Иванович Ушаков
Уроженца г. Вязьмы

ам, доблестному воину Красной Армии, участнику боев с немецко-фашистскими захватчиками, сражавшемуся в рядах войск 2-го Белорусского фронта, неоднократно отличившихся благодарственными приказами Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарище СТАЛИНА, Военный Совет фронта вручает это благодарственное письмо, как память о Великой Отечественной войне.

Желаем Вам доброе здоровье и новые успехи в Вашей дальнейшей трудовой жизни на благо нашей Великой Социалистической Родины.

Командующий войсками
2-го Белорусского фронта
Маршала Советского Союза
(г. Гроховский)

Рокоссовский

Член Военного Совета
2-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант
(г. Сувотин)

А. А. Богданов

Начальник штаба
2-го Белорусского фронта
генерал-подполковник
(г. Богданов)

21 июля 1945 г. *А. Богданов*

НАШЕ ДЕЛО ПРАВО!

МЫ ПОВЕДИЛИ!





Дорогой товарищ,

Светлана Владимировна
Смирнова

Вы честно и самоотверженно служили Родине в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков.

В рядах войск Маршала Рокоссовского, в рядах нашей армии, пройдя славный боевой путь от стая героического Сталинграда до немецкого побережья Балтики, Вы доказали свою преданность и героическую любовь к Социалистической Родине и несгибаемые силы, знания и опыт отдала делу победы над врагом. Ваш честный и самоотверженный солдатский труд неоднократно отмечал в своих благодарственных приказах Верховный Главнокомандующий вооруженными силами СССР товарищ СТАЛИН.

Возмездные планки ордена ЛЕНИНА—СТАЛИНА, руководимые Генерал-лейтенантом Советского Союза товарищем СТАЛИНЫМ, вы приближилось завершения войны, повергнув в прах фашистскую Германию.

Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития". (И. СТАЛИН).

Теперь по Закону, принятому XII сессией Верховного Совета СССР "О демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии", Вы уходите из рядов доблестных вооруженных сил в отставку заслуживаете себе мирную социалистическому труду.

Воинский Совет Армии благодарит Вас за доблестную службу Советскому Союзу и выражает уверенность в том, что и на фронте многого труда. Вы также проявите дисциплину, организованность, доблесть и героизм для дальнейшего роста и приращивания нашей Родины.

Желаем Вам сил, здоровья, личного счастья и новых трудовых успехов на благо советского народа и его могучей Социалистической Родины.

Командующий войсками армии

Член Военного Совета армии:

Дважды Герой Советского Союза

Генерал-

Генерал-полковник

лейтенант *Григорьев*

Григорьев

Генерал-майор

Григорьев

Начальник Политического отдела армии

Генерал-майор

Григорьев

З. Августов 1945 г.



Нина Павловна Немальцева (Волченкова)

Нина Павловна родилась 25 октября 1936 года в селе Сабурово Глазуновского района Орловской области. Маленькое село, затерянное в российской глубинке, в трех километрах от узловой станции Московского направления железной дороги, жило спокойной, устоявшейся жизнью. Здесь не было даже радио и о всех новостях сельчане узнавали на общем сходе. Обычно приезжал уполномоченный из района, был железным костылем (а то и вовсе, чем придется) по куску рельса в центре села и на это «набат» быстро собирался народ.

Так 22 июня 1941 года маленькая Нина вместе со всеми услышала непонятное для нее слово «война».

«Отцу моему, Волченкову Павлу Игнатьевичу, на начало войны исполнилось 47 лет. В 1939 году его забрали на финскую войну, и он даже не знал, что у него родилась еще дочка Маша, моя младшая сестренка. В начале 41 папа вернулся домой, совсем немного побыл дома, увидел свою младшую дочь, и снова война. Приехал военный из района, бил в рельс и громко называл тех, кого призывали первыми. Первыми были те, кто был чуть моложе 50 лет. И среди них — мой отец.

22 июня плакали все. Хорошо помню, как женщины обнимали своих детей, мужей, целовали и плакали. Этот плач прямо стоял в воздухе.

Отец не вернулся с войны, и я до сих пор не знаю ничего о его судьбе. Есть только уведомление о том, что Волченков П.И. числится в списках без вести пропавших. И больше ничего.

Прошло совсем немного времени и в Сабурово пришли немцы. Они сразу установили свои порядки. В нашей избе нам с мамой и Машей достался маленький закуток за печкой. Маму заставляли прислуживать, а мы не должны были громко разговаривать и плакать, особенно ночью, чтобы не нарушать их сон. Помню, Маша расплакалась, и немец схватил ее за ногу и забросил на чердак. Просто чудо, что она ничего не сломала и не замерзла там, ведь стояла зима!

Немцы сразу стали забирать подростков и девочек молодых и отправлять в Германию. Старосту назначили, нашего деревенского, Гурова Василия. Он все им докладывал: кто как живет, у кого дети-подростки, кто спрятался.

Многих выдал. Мамина сестра, тетя Мария, вырыла землянку в обрыве на берегу нашей речки и там спряталась вместе с бабушкой. Их старосты с немцами не нашли, но бабушка так и умерла в той землянке — яме. Тетя Мария сама ее закопала. Берег потом обвалился, и мы могилку бабушки так и не смогли найти.

Всякие были люди. И Гуров Василий, вроде наш, а стал старостой. И женщины нашлись такие, что с немцами гуляли и развлекались...

Весной 1943 года немцы отступали. Деревню сожгли, а всех, кто остался в живых погрузили на платформы и отправили в Белоруссии, в лагерь под Барановичами. Это был самый настоящий концентрационный лагерь. Убогие бараки, нары в несколько рядов, даже сидеть было трудно. Да и кому было сидеть — дети прятались под нарами, а матери ходили рыть траншеи, носить щебень, дороги строили или еще что. А потом копали большие ямы и на территории лагеря. Туда сбрасывали мертвых и тех, кто был еще жив, но не мог работать. Из-под земли постоянно слышались стоны. Охраняли нас немцы, им помогали румыны и литовцы — это были настоящие звери! Если слышали плач, просто давили ребеночка сапогом и бросали его в яму. мама нам старалась рты всегда закрывать, руками или тряпкой какой, чтобы хоть в живых остались. И дома так закрывала, когда при немцах жили. Иногда охрана выпускала некоторых женщин за ворота, чтобы они раздобыли еду для своих детей. Приносили немного — картошку замороженную, да свеклу. Вернуться только не всем удавалось, охрана встречала у ворот автоматными очередями. Немцы давали нам какие-то таблетки, не знаю, для чего.

У заключенных и у детей регулярно брали кровь для немецких солдат. Не просто брали, а выкачивали практически всю кровь. Мышцы тоже вырезали, отправляли в немецкие госпитали. Многие после этих процедур сразу умирали. Если мертвых не закапывали, то сжигали, а пепел сами заклю-

ченные засыпали в мешки и грузили на машины. В пепле часто попадались несгоревшие части человеческих тел. Потом эти мешки на поезде везли в Германию. Для удобрения. Наверное, поэтому я до сих пор с осторожностью отношусь к немцам. Хотя народ весь и не виноват в зверствах фашизма.

И — каждый день. Schnell, schnell, arbeiten! Быстро, быстро, работать! Помню, как мама валялась в ногах у фашиста, целовала его сапоги, умоляла о чем-то, а он просто сапогом ее отшвыривал. Потом нас перевели в другой лагерь, в Польшу, там стало чуть-чуть полегче. Оттуда нас и освободили советские солдаты летом 1944 года. Мы даже не поняли сначала, не поверили, что за стенами бараков звучит русская речь, кто-то поет русские песни. Вот это была радость! Кто плакал, кто пел, кто детей в охапку хватал — ворота нам открыли, стали распределять по группам, потом посадили в товарные вагоны и мы приехали домой, в Сабурово. Добирались долго, больше месяца.

Дома нас ждали выжженные и разрушенные полностью дома, осколки снарядов, и трупы на каждом шагу — и наших солдат, и немецких. Во дворах, в садах — везде были и трупы, и просто полусгнившие кости. Трупы и кости собирали и хоронили всех вместе. Сначала установили крест, один на всех. Сейчас на этом месте памятник. Одежду снимали с погибших, какая еще целая была, обувь. Ходить-то не в чем было. Я так и в школу пошла в разных ботинках, какие нашлись. У нас было сначала две учительницы. Грамоте мы учились по обрывкам газет. Для письма нам выдали по одному перышку, его мы берегли. Писали чернилами из свекольного сока, а чернильницами нам служили гильзы от патронов и осколки от снарядов. Вот их беречь не надо было!

От нашего дома остались только две стены. Мама сама месила солому с глиной, замазывала щели, делала потолок, крышу соломой закидывала. Эти соломенные крыши потом часто горели.

От немцев остались лошади-тяжеловозы. Они остались в нашей церкви, которую немцы пустили под конюшню. Лошади нас здорово выручали. В ноябре маме дали корову, тоже из немецких оставшихся. Мама пешком ходила за три километра в обвязанных тряпками ногами на станцию за этой коровой. Ей даже разрешили самой выбрать, только что отелившуюся, чтобы молоко для нас было. Я после лагеря отоцавшая была и почти глухая. Потом вылечили. Стали творог делать, но его часто крали у нас — всем есть хотелось. Мешали творог со свеклой и конским щавелем и из этой смеси пекли лепешки. Жмых ели. Откуда-то в селе появились овцы, но они не смогли у нас жить, стали погибать. С их шерсти мама нам всякую одежду вязала. Маме тогда уже пособие дали.

И вот в мае 1945 года опять звон рельса и вся деревня собирается на сход. Победа! Наша учительница заплакала и отпустила нас домой, на несколько дней. Уполномоченный сказал сделать красные флаги и выве-



сить у каждого дома. Флаги делали, кто из чего мог, даже просто из кусков красных тряпок. Вся деревня стала красной.

А в 1949 году маму с тетей Марией вызвали в Минск, на суд над Гуровым. Он ни в чем не сознавался, сделал вид, что не знает ни маму, ни тетю. но мама и тетя Мария подтвердили, что именно Гуров был старостой. Гурова посадили за его предательство.

В минской гостинице мама и тетя впервые за долгое время увидели настоящие чистые кровати, но спать на них не решились, легли на полу. В Минске им выдали по десять метров ситца, до сих пор помню — такой веселенький, в цветочек. Долго мы потом из него платья и сарафаны шили и радовались».

Немальцева Нина Павловна закончила сельскохозяйственный техникум, стала агрономом и по распределению в 1955 году попала на станцию Аккемир. Вышла замуж, вырастила сына и дочь. В 1979 году овдовела. Всегда приветливая, она ни минуты не сидит без дела. Особенно дорого Нине Павловне то внимание, которое ей оказывают учителя и ученики сш №26. Ее приглашают и в школу на праздники, и приходят к ней помочь по дому или просто поговорить. Жизнь продолжается!



Антонина Степановна Буравлева (Уварова)

Уже 53 года живет в доме №13, что в Детском переулке на Сазде Буравлева Антонина Степановна, вместе с мужем и сыном. Дом и все постройки эта худенькая быстрая женщина построила своими руками, а чтобы сделать резные украшения даже приглашала мастеров из Ленинграда. Дом хранит тепло ее рук, наверное, поэтому даже на фоне новых краснокаменных коттеджей он смотрится уверенно и трогательно красиво.

Антонина Степановна родилась в 1929 году в селе Митрофановка саратовской области. К началу войны семья была большая — мать, отец, пятеро детей: Тоня, Федор, Клава, Рая и Люба.

«Перед войной я уже окончила 3 класса. Училась легко. Но жили мы тогда бедно, хуже всего было с обувью. До самых морозов я бегала в школу босиком, приходила всегда самая первая, уходила последняя и на перемену не выходила. На уроке босые ноги прятала под парту, чтобы учительница не ругалась и не вызывала в школу родителей. Их бы она тоже ругала, а все равно, обувь зять было негде. Даже валенки были одни на двоих, и те дырявые. Чтобы не попадал снег, мама набивала туда солому, так и ходили. Спали тоже на соломенных матрасах.

Мама работала в колхозе. Папа был главным агрономом и почвоведом, испытывал семена и землю на плодородность. И еще умел замечательно петь. Я помню, как он пел нам по вечерам, а слушать собиралось пол-Митрофановки.

В школе узнала, что началась война. Самое первое, что испытали все — это растерянность, даже не страх. Страх пришел потом, когда стали забирать на фронт мужиков из села. Тех женщин, у которых дети были старше трех лет, или их можно было хоть с кем-то оставить, тоже забирала. Но не на фронт, а рыть окопы. В селе совсем не осталось мужчин. Плакали, провожали, не знали, увидят ли еще своих родных.

Помню, соседка рассказывала, как встретила колонну наших бойцов и среди них была моя сестра Клава. Она успела выйти из строя и передала нам немудреную посылку, пакет с карандашами, тетрадями даже носочки там были. Мы очень обрадовались этой весточке, но больше мы ничего не знаем о судьбе отца, Клавы и Федора. Мы не знали даже номера военной части, поэтому до сих пор судьба их неизвестна. Но я не теряю надежду, что еще смогу найти родных мне людей. Или хотя бы их детей и внуков.

Мне очень хотелось помочь маме, и я стала работать. Сначала помогала соседям поливать огороды. Со мной расплачивались едой. Я ждала, пока они пообедают, мне выносили остатки.

Ночью мама пряла пряжу, с ней расплачивались солью. Мама мне потом давала эту соль, и я разносила соседям. Соль вообще в Саратовской области была на вес золота. Не было соли вообще! А мама была трудолюбивая, не жадная и нас всех так воспитала, чтобы трудились сами и людям помогали.

Осенью и зимой вязали для фронта варежки с двумя пальцами, чтобы удобней было стрелять, носки, шарфы — у кого что получалось. Летом в сепии сажали табак. Потом по листочкам его собирали, сушили, мяли и в кисетах отправляли на фронт.

У нас была корова и несколько кур. Молоко и птицу тоже собирали для солдат, но всегда оставляли и нам. Такого не было, чтобы последнюю курицу забирала!

В первую военную зиму года выучилась на тракториста. Научилась исправлять мелкие неполадки, только магнето так и не смогла освоить, очень это тяжело для меня было. А по весне уже пахала наравне с мужиками. Мне даже легче было, ведь мужики — то дедушки старенькие, да после тяжелых ранений. Наш бригадир тоже был комиссованный после ранения, у него не было левой руки по самое плечо. Его звали Поволоцкий Никодим Петрович, семья у него была, жена, двое деток, семи и трех лет. Заглохнет трактор, я стою и жду нашего Никодима Петровича.

Он постоянно поле объезжал на лошади — увидит, где трактор остановился, подъезжает и заводит. И пашем дальше. Другие поломки я сама исправляла, бегала за запчастями. Как-то раз меня бригадир послал за запчастями на соседнюю МТС. На складе мне просто сказали «нет у нас запчастей», а я не успокоилась и пошла прямо к директору — сама понять не могу, как это я додумалась! — директор меня выслушал «дядечка директор, поймите, радиаторы старые, текут, трактора стоят, а пахать — то надо!» и написал на бумажке «выдать». Так я получила запчасти, мы могли пахать и сеять. На той же МТС я зимой с тремя девочками и старичками уже сама ремонтировала радиаторы.

В поле работали по 20 часов. Спали в скирдах, с одной стороны девочки, с другой — мальчишки. Бригадир по утрам даже плакал, так не хотелось ему нас будить, а надо! Он обходил поле первый раз, а когда уже небо розовело, обходил снова и будил нас.

Я работала и на лобогрейку, собирала зерно в кучи, солому в стога. Силос делали, сбрасывали сено в яму, топтали ногами. После комбайнов провеивали зерно и загружали на подводы, а уже на подводах с красными плакатами с белой надписью «Все для фронта, все для Победы!» зерно наше везли на элеватор. Моя подруга, Нюрка Гридасова — она была постарше меня — работала дояркой. У нее часто опухали пальцы. Мы с ней всегда друг другу помогали. Вечером в поле делали затируху из муки и зерна, а оставшуюся муку женщины делили на всех столовой ложкой. Если выходило по одной ложке, съедали сразу, а если чуть больше, завязывали в узелок на кончик платка и несли домой.

Сама тоже возила на быках зерно на элеватор. Однажды быки резко повернули и подвода накренилась, еще несколько минут и она бы опрокинулась в кювет. Сколько зерна бы пропало! Я успела подпереть подводу собой и еще была в это же время быков, чтобы они выровняли подводу, выехали на ровную дорогу «Цоб-цобе!» и у меня получилось, быки выдернули подводу и пошли ровно. А ведь меня могло бы зерном засыпать и я бы просто задохнулась там. Это я уже потом испугалась.

На тех же быках и водовозом работала и летом 43 чуть не утонула. И на верблюдах приходилось ездить. Особенно донимала жара летом. Не выдерживали быки, лошади падали от зноя, а мы работали.

Жили дружно. В поле обедали за одним столом, ели из одной чашки деревянными ложками. Сусликов выливали, отрывали голову, сдирали шкурку и смолили на костре.

Осенью 1942 года у нас закрыли несколько классов и в них разместили раненых. Почти все были с тяжелыми ранениями, даже есть сами не могли. Я их кормила и поила с ложечки, уговаривала, как маленьких: «Кушай, дядечка, кушай пожалуйста!», они ели с трудом, меня благодарили.

Простынки у лежачих меняла, стирала, сушила. Часто слышала: «Тонечка, дай водички». Я старалась все успеть, всем хоть чуточку помочь.

Мы видели, как бомбили фашисты Сталинград. Каждый день летели тяжелые самолеты через мост. Мост был весь в больших шарах, часто пускали дымовую завесу. Мост фашистам так и не удалось разбомбить, но шарикоподшипниковый завод был полностью разрушен.

У нас в Украине много родных оставалось под немцами. Они рассказывали, что немцы сгоняли женщин, стариков лопатами снимать слой чернозема с полей, грузить эту землю на платформы. И нашу землю, с наших полей отправляли в Германию, десятками составов. А чтобы не угнали в Германию, дети и молодые девушки сутками прятались в полях и картофельной ботве. Кого-то находили, но многим удалось избежать германского рабства.

День Победы запомнился хорошо. И день выдался не слишком жаркий, ветерок небольшой. Я, как всегда, была в поле на тракторе. Вдруг вижу — скачет наш Никодим Петрович на лошади во весь опор, с красным флагом, кричит, а кричал он: «Бросай работу!!! Война кончилась!!!» мы подводы позапрягали и поехали в колхоз. Там уже стол накрытый стоял, длинный, праздничный обед. Нам дали целых пять дней выходных! И мы смогли и отдохнуть, и вымыться в бане. До этого раз в месяц мылись в бане. В сельсовете нас ждал еще один подарок — пять килограммов мяса. Вот была радость!



Потом наступила мирная жизнь. Мама с сестрами Раей и Любой уехала в Украину, а мне предстояло поколесить еще по нашей стране. Работала в Саратове на ламповом заводе, собирала японские станки на заводе №7 на Камчатке, резала рыбу и мыла икру. На Камчатке и замуж вышла. Там же детки родились, сын и дочка. Климат им там не подходил, и мы переехали в Казахстан. В Актюбинске сбылась моя мечта — я стала работать бригадиром на трикотажной фабрике. По три нормы давала за смену, меня называли мастер — золотые руки.

Много всего было. И все можно перенести. Только не надо войны! Нельзя допустить, чтобы снова народы пошли друг на друга, ведь у нас такая короткая жизнь.

Я сейчас мечтаю только о том, чтобы дожить до Дня Победы. Посмотреть парад в Москве, в Астане, в Севастополе. Врачей прошу, чтобы таблетки хорошие мне давали».

Антонина Степановна и сейчас не думает о себе. Как может, старается помочь людям, знакомым и незнакомым. Пройдя войну, потеряв близких, испытав много обид от родных, она не замкнулась, не озлобилась, не держит обиды. Ее уважают соседи, не забывают ветераны. Живите долго, Антонина Степановна, встречайте не только нынешний День Победы, но и многие следующие.





Эльза Федоровна Михарева (Дубинкина)

Эльза Федоровна родилась 25 февраля 1931 года в Украине. Одесская область, Оведепольский район — и в Отечественную войну был центром военных событий, и в 20 годах нашего двадцатого века вновь услышал разрывы снарядов и плач матерей, потерявших своих сыновей. Только тогда лучшие сыны Отечества защищали свою Родину, своих родных от фашистского зверя, а теперь.

В маленьком поселке, название которого Эльза Федоровна не помнит, жизнь перед войной была светлой и безоблачной. Мама маленькой Эльзы была немкой, папа — русский. Кроме Эльзы, в семье были еще братья Андрей и Владимир.

«Поселок наш был маленький, всего 429 дворов. Отец работал в колхозе, мама ходила по дворам и всем помогала, разную работу выполняла. Весь поселок был в виноградниках, мы собирали виноград и возили продавать в Одессу. Там же покупали одежду и все необходимые в хозяйстве вещи.

В 1941 году мне исполнилось десять лет, я закончила четвертый класс. Как раз перед войной старший брат Володя, 1924 года, ушел в армию, и больше мы его не видели. Хотя мама говорила, что в армию его по здоровью не взяли.

Немцы пришли к Одессе со стороны Румынии. В первый год войны мы днем на улицу вообще не выходили. Боялись бомб. Бомбы крушили и разрушали все вокруг. В домах во время бомбежек мы прижимались к круглым печкам, их называли контромарки, они были под самый потолок. Так эти печки почему — то не разрушались от бомб и снарядов, возле них мы и спасались. Часто сбрасывали зажигательные снаряды, а крыши у нас все были соломенные, сразу вспыхивали, дома сгорали очень быстро.

У меня еще сводная сестра была.

В 1942 году немцы дошли и до Одессы. Бомбить стали чаще, побили много виноградников, вместо них теперь были огромные воронки. В эти воронки сгоняли евреев, раздевали и сжигали. Сжигали живых. Одежду потом всем раздавали. Заботились. У нас же все поселки в округе немецкие были.

В том же 42 нас погнали в Польшу. Мы шли пешком, с подводами, фургонами, сзади нас тянулся еще один немецкий поселок. Наши подводы растянулись на километры. Нас сопровождали немцы, а вперед они пускали румынов, как живой щит от Красной армии. Румын много погибло, их даже не хоронил никто.

Отца немцы сразу забрали, он же русский был, и больше я его никогда не видела.

Мы прошли пешком всю Болгарию, до Бреста. В Бресте нас посадили в вагоны и привезли в Польшу. Немцы много поляков уничтожили, много выгнали, но много и осталось, у кого крепкое хозяйство было, кто немцам сразу служить стал. Поляки с нами жили дружно. Жили неплохо, держали скотину. Но белый хлеб ели только на Пасху, а так только черный хлеб. Пекли хлеб из ржаной муки. Я кормила и маму, и сестру. Учиться уже не было никакой возможности. Но польский язык я выучила хорошо. Свободно до сих пор могу по — польски говорить.

Когда пришли советские войска, тоже много всякого было. Конечно, нас освободили, отправили домой, поляков тоже домой вернули. Но многие солдаты и мародерством занимались, надо мной один чуть не надругался. Все же люди, столько перенесли, многие озлобились. Меня их командир спас, его долго ругал. Но такие случаи очень редко были. Командиры порядок держали и нам помогали.

На границе их хотели разделить с матерью: мать в Казахстан, а детей обратно в Украину. Но нам опять повезло и мы все вместе, в теплушках, в 1945 году поехали в Казахстан. Так я оказалась в Актюбинске. Сначала мы жили в районе Планетария, три семьи в одной комнате. Ежемесячно надо было отмечаться, ведь тех, кто жил под немцами, считали чуть ли не предателями. Выезжать из города нельзя. Реабилитировали нас только в 1956 году.

А так жили дальше, я работала на механическом заводе, хлеб получали по карточкам: мама 250 грамм, брат уже 1000 грамм.

В 1949 году вышла замуж. Одного за другим родила троих сыновей. Сама строила дом — сама делала саманные кирпичи, до сих пор помню, что на дом сделала 2.800 кирпичей.

Самое главное — в нашей стране был мир, и мы могли не бояться ходить где нам хочется и не дрожать от ужаса у печки-контрамарки».

У **Эльзы Федоровны** осталось двое сыновей. Маму она похоронила в 1986 году. Сестра живет в Самарканде. Эльза Федоровна живет одна. Но наступает весна, и сын забирает ее к себе в Тольятти, где она с удовольствием возится на даче. И вместе с сыном вспоминает, как в послевоенные годы перекапывали картошку в степи и как начали сажать свой собственный огород. Расспрашивали Эльзу Федоровну вместе с Емельяновой Еленой Владимировной студентки Казахско-Русского Международного университета Турсунова Дарья и Плотникова (Карасева) Мария.





Людмила Викторовна Волошина (Гриценко)

Людмила Викторовна родилась первого августа 1938 года в г.Копинске (узловая станция) Харьковской области. Эта область была в числе первых, оккупированных фашистскими захватчиками. Все архивы пропали в огне пожаров, поэтому не сохранилось никаких документов. Только старые фотографии, которые бережно хранятся, позволяют вспомнить каждого из этой большой и дружной семьи.

Мама Людмилы, Гриценко Вера Семеновна, была практически без образования. Она закончила всего один класс начальной школы и поэтому считалась очень грамотным человеком. Трудилась везде: в столовой, нянечкой, стегала одеяла не гнушалась никакой работы. отменно готовила. На ее пироги собиралась вся улица. Да и не только на пироги, любое блюдо, приготовленной Верой Семеновной, было всегда вкуснее, чем у остальных хозяек.



Отец, Гриценко Виктор Константинович, строитель по профессии, работал прорабом на строительстве новой школы. Он любил трудиться, любил свою профессию. Работать старался хорошо, и других к этому приучал. Как раз на 22 июня 1941 года он объявил своим рабочим, что необходимо поработать и в воскресенье, чтобы к сроку выполнить объем работ. Ведь они с бригадой заканчивали строительство школы! На участке не было радио, все дружно работали, не зная, что в Копинске уже идет мобилизация. О начале войны Виктор Константинович узнал только в понедельник, его даже обвинили в уклонении от мобилизации. В тот же день отец ушел на фронт, был ранен и пропал без вести. Много позже дядя Людмила сообщил, что вроде бы видел ее отца в госпитале в Актюбинске, где он и умер. Поэтому Людмила Викторовна до сих пор каждый год приносит цветы на Братскую могилу.

А в школе, которую строил Виктор Константинович, училась после войны сама Людмила.

«Мы жили рядом с большой узловой станцией. Ее часто бомбили и с самолетов, и с дальноточных орудий. Сразу вспоминается гул и противный писк перед разрывом снарядов. Почти все время сидели в подвале. Конечно, я совсем не понимала, что происходит вокруг. До сих пор помню самое страшное, что случилось для меня, трехлетней девочки, в начале войны. Как-то немцы начали бомбить, а мы с бабушкой не успели спуститься в подвал и



ОНИ БРАЛИ БЕРЛИН. СТОЯТ СЛЕВА НАПРАВО: ФРОЛОВ А.Ф.,
ВОЛОШИН А.Г., ГОРШКОВ И.А., КОВАЛЕНКО Н.Т., КУЗБЕКОВ Х.
СИДЯТ СЛЕВА НАПРАВО: МАЦИГА К.Т., СЕДЛАК Ф.Д., ДЕМИН В.И.
ПОСЛЕ ВОЙНЫ ВСЕ ОНИ РАБОТАЛИ НА ХИМКОМБИНАТЕ В Г. АЛГЕ.

спрятались под кровать. Я ела пирожок с картошкой. Весь пирожок засыпало побелкой с обвалившегося потолка, мне его было очень жалко, ведь я уже понимала, что другого пирожка не будет. Когда вышли во двор, увидели через клубы пыли, лоскуты и обломки, что бомба попала в соседний дом. Дома не было. А я держала в руках засыпанный побелкой пирожок и плакала.

Немцы пришли очень быстро. И сразу начали грабить — выносили все, что попадалось на глаза — посуду, одежду, особенно теплые вещи, перины, одеяла. Маме как-то удалось уговорить одного из них, что бы не забирали все. Она на пальцах объясняла, что в подвале еще бабушка и двое детей, что им холодно. Он оставил нам одно одеяло на всех.

На огородах хозяйничали, как у себя дома, скотину забирали, резали. Жарили яичницу с салом...

Каждый день кого-то вешали, расстреливали. Помню, возле кинотеатра повесили учителя «за воровство», всех жителей сгоняли туда смотреть, мама меня спрятала и не взяла с собой.

Мама работала в столовой для немцев. Мыла посуду, убиралась. Однажды немцам привезли много сухой рыбы, ее особенно и не охраняли. Мама с напарницей решили взять по донной рыбине, спрятали под пальто. На выходе у мамы спросили пароль, она ответила. В этот миг рыбина выскользнула из-под полы прямо на снег. Немец ее не арестовал. Он долго смеялся над мамой и отпустил.

Помню, как в 1944 году наступали наши войска. Наступали на волах, на подводах, а немцы на машинах и броневиках. Мама ночью ходила с соседками в столовую, набирала мясных консервов, галеты, кофе. Бабушка ее сильно ругала, плакала. Потом они вместе прятали продукты на чердаке. Наверное, не верили, что немцы уже не вернуться.

Кроме фашистов — немцев в нашем городке стояли итальянцы. Они размещались в школе. На вид итальянцы были даже страшней немцев — большие, черноволосые, очень громко разговаривали. Но я хорошо помню, что обычно после их обеда кормили детей. Меня однажды взял с собой брат. Я помню, как сидела на коленях у итальянца, а он кормил меня кашей прямо из котелка. Я уже наелась и не знала, как сказать об этом. Даже плакала. А он, наверное, думал, что я хочу еще и все пытался кормить меня дальше. Сейчас вспоминаю и думаю вроде захватчики — а какие разные люди были!

Люди часто пропадали. Однажды пропал мой брат. Мама очень волновалась, плакала. Я решила помочь, вышла за калитку, мама с соседкой оставались во дворе. Как раз шли навстречу два итальянца. Я у них спросила: «Пан, ты нашего Леньку не бачив?» так они не смеялись, долго что-то объясняли. Конечно же, никто ничего не понял. А брат потом сам нашелся.

Во время войны мама стала гадать. Как она сама говорила, «раскладывать карты». Своим гаданием она очень помогала людям, давала хоть какую-то маленькую надежду, веру.

Мужественная женщина, не растерялась, выжила сама и сохранила своих детей, меня и моего брата. Таких много было, и я горжусь, что моя мама одна из них».

Волошина Людмила Викторовна приехала в Казахстан учиться. Здесь уже жила ее двоюродная сестра с семьей. Людмила Викторовна закончила медучилище в Караганде и переехала в Актюбинск. В 2020 году ей исполнится 82 года. Людмила Викторовна живет одна, но вся ее большая семья — две дочери, два зятя и трое внуков — всегда рядом. Людмила Викторовна любит читать. Сказывается старая любовь к книгам, к языку. С удовольствием читает письма и дневники писателей, поэтов. Самые любимые темы для разговора — политика, война, литература. И еще театр, тем более, что в нашем театре играет ее внук Дмитрий. Людмила Викторовна не пропускает ни одного спектакля с его участием.

Материал предоставлен учителем ОСШГ №11 Волошиной И.А.



Марат Сахиевич Дарибаев

Я родился 25 октября 1936 года. Мы жили тогда в г.Шалкар Актюбинской области. Мой отец, Дарибаев Сахи, работал народным следователем прокуратуры Челкарского района, потом в Тургайской области, в городе Кос-Истеке. 29 октября 1937 года был арестован и затем приговорен тройкой УНКВД по Актюбинской области к десяти годам ИТЛ — трудовых лагерей. Обвинение предъявили по статье 58/10 УК РСФСР — враг народа. Однако уже через два года, 26.09.1939 был реабилитирован той же тройкой УНКВД по Актюбинской области за отсутствием состава преступления.

После реабилитации отец работал начальником участка 14 нефтекачки в Белогорке. Там мы и жили, когда началась война. Начало войны я почти не помню, ведь все мы думали тогда, что она скоро закончится и совсем не представляли, через какие испытания придется пройти всему советскому народу. В августе 1941 года родился мой младший братишка, прожил он правда, всего два года. Отец сколотил ему что-то наподобие сундука вместо кровати и коляски.

У отца была бронь, все, что было связано с нефтью, сразу относилось к оборонным предприятиям. Да и еще у всех на памяти было недавнее осуждение, как врага народа. Мама рассказывала, что он дней пять сидел на пороге у военкомата, но добился, чтобы его взяли на фронт добровольцем. Это было в январе 1942 года. И в том же 42 году он пропал без вести в боях под Сталинградом.

Мама до войны работала секретарем-машинисткой. В войну пришлось перепробовать много профессий — и сторожем, и подсобной рабочей, и дояркой. Мама хорошо знала Коран, много молитв, никогда не отказывала людям, если просили почитать. Хорошо писала на арабском языке. Со своим братом она только на арабском переписывалась. Ее младший брат был лейтенантом. Почему запомнил? Потому что в 1944 году к нам в Иргиз привезли паек для семей военнослужащих, и в том пайке была самая настоящая колбаса! Нам, как семье фронтовика, дали целых три круга. Это была самая вкусная колбаса, какую я только ни ел в своей жизни.

В Иргиз мы переехали в 1942 году, в ноябре. Собственно, даже не в Иргиз, а в колхоз Кызыл Жар. Нас ждала вторая военная холодная и голодная зима. Из конского волоса мы, дети, сплетали что-то похожее на силки и ловили этой удавкой мелких птиц. Ловить было не так уж трудно, птицы ведь тоже были голодные и совсем близко подлетали к жилью. Ловили, общипывали, как могли, жарили и ели. Даже куски коровьих шкур ели — вычищали, коптили на камышах. Камышом топили печки, но грели недолго.

Только-только наступала весна, мы выходили на проталины и собирали прошлогоднюю солому, искали в ней оставшиеся зерна, тоже жарили и ели. И ловили сусликов, шкурки сдавали, жир вытапливали. Запах был, конечно, не из приятных, но это был настоящий жир.

Летом мы даже в лапту играли. Мяч лепили из коровьей шерсти, смачивали водой, и играли. Такой мяч был довольно тяжелый, синяков от него оставалось много. Но играть нам приходилось редко. Нам поручали охранять от птиц сначала поля с молодыми всходами, потом колосья и особенно зерно на току. Мы пугали птиц трещотками, кричали, стреляли и з рогаток, отгоняли птиц, чем только можно. На току помогали обмолачивать зерно — водили по кругу лошадей, которые тянули цепи с огромными камнями. С помощью этих камней обмолачивали хлеб. Лошадей было мало, ведь самых молодых и крепких забрали на фронт.

В 1945 году пошли эшелоны с фронтовиками, возвращающимися домой. Мы выходили на станцию, пели им песни, рассказывали стихи, танцевали — а солдаты давали нам свои карточки. В то время на каждой станции имелись магазины для военнослужащих, где они могли отovarивать продуктовые карточки.

В том же 1945 году мы переехали в колхоз им. Калинина. Я пошел в первый класс, в школу с казахским языком обучения. Два года проучился, потом снова пошел в первый класс, но уже в школу с русским языком. Учебников не было, мы учились читать и писать по сборникам русских народных сказок.

После войны я выучился на шофера. В 1957 году поступил в Казахский Сельскохозяйственный институт на факультет механизации сельского хозяйства. Получил специальность инженер-механик. Некоторое время работал в городе, в системе Казсельхозтехника старшим инженером отдела. В 1963 году снова вернулся в Шалкар, чтобы продолжать строить мирную жизнь.

В родном Шалкаре **Марат Сахиевич** женился. Его супруга, Саркулова Магалида, уроженка Челябинской области. Бухгалтер по образованию, женщина по призванию, она идет рука об руку со своим мужем. Марат Сахиевич очень гордится тем, что все его дети — пять человек — выросли достойными гражданами, все имеют высшее образование. В его большой семье еще и 15! внуков. Несмотря на возраст, Марат Сахиевич продолжает работать в общественном объединении ветеранов города Актобе. Его энергии может позавидовать любой молодой человек, а в каждой фразе, в каждом рассказанном эпизоде можно почувствовать и гордость за свой народ, и беззаветную любовь к своей Родине. Наверное, в этом и есть глубокий смысл патриотизма: после испытаний не зачерстветь, не озлобиться, остаться настоящим человеком.





Умирзак Альмухамбетович Дарибаев



Я родился 27 апреля 1928 года в колхозе Сабан-Балга Ключевого района Актюбинской области. Сейчас это Алгинский район. Начальное обучение закончил в Аккемирской русской начальной школе. Потом перешел в Карахобдинскую среднюю школу. Война началась, когда я закончил шестой класс. Приехал уполномоченный из города, собрал народ. Объявил о начале войны и о том, что скоро будет мобилизация. Не только детям, но и взрослым трудно было представить, что творилось тогда на границе, какая сила шла на нас, и какой же долгой и кровопролитной будет эта война. Очень скоро, дней через десять стали забирать наших мужчин на фронт. В первый раз забрали сразу 35 человек, потом через несколько дней еще и еще... Из трехсот пятидесяти лошадей в колхозе осталось около пятидесяти. Самых сильных и молодых тоже забрали на фронт. Забрали арбы, телеги, забрали и единственную в колхозе полуторку. На фронт ушел и председатель колхоза, председателем стала женщина, Абилова Хамила.

Отец ушел на фронт в первых рядах. В конце 1942 года он вернулся домой после тяжелого ранения. Он получил одиннадцать ранений, и одно особенно тяжелое, в позвоночник. Больше шести месяцев лечился в госпитале в Барнауле. Домой приехал в сопровождении медсестры, которая под роспись передала его маме. Отец отлежался, стал работать. Каждая пара рук была на счету. Хорошо помню, что он много ходил к людям, успокаивал, объяснял, что война скоро закончится, и мы станем жить еще лучше, чем раньше. Люди ему верили. Особенно нуждались в словах утешения те, кто получал похоронки или извещения о том, что их сын, брат, муж пропал без вести. Два моих старших брата тоже были фронтовиками, и тоже пропали без вести: один в боях под Москвой, другой — под Сталинградом.

Мама работала в колхозе. Награждена медалью за самоотверженный труд. А труд был действительно самоотверженным. И взрослые, и дети работали по 16 — 18 часов в сутки. Да, мы не слышали свиста пуль, на не бомбили самолеты, по нашим степям не лязгали гусеницы немецких танков, но всю чашу боли, испытаний, голода и холода старики, женщины и дети, те, кто был в тылу, испили до дна. Многие умирали от голода и холода. Весной на проталинах собирали прошлогодние полусгнившие колоски и оставшуюся траву и жевали все это. Конечно, многие заболели. Так, в 1943 году началась эпидемия септической ангины из-за этих прогнивших колосков. Все тело покрывалось сыпью, была высокая температура, лихорадило постоянно. Школу тогда пришлось закрыть, она превратилась в госпиталь. Директор вызвал из центра врачей, очень много заболевших было. Только в конце мая занятия продолжились.

В школе осталось только семь учителей — директор и трое мужчин — учителей и три женщины — учительницы. Но в декабре 1941 года на фронт забрали и директора, и оставшихся мужчин. Директор школы, Дарибаев Альмухамбет, вернулся в школу после тяжелого ранения. Снова стал работать директором. Организовал общественный интернат для детей-сирот и открыл в своем селе русскую школу. Карахобдинская средняя школа — его детище — до сих пор работает. Дарибаеву Альмухамбету присвоено звание «Отличник народного просвещения», он награжден Орденом Ленина. В 1951 году умер — сказались ранения и годы военных лишений.

Наш школьный военрук, Изтлеуов Темиргали, тоже после ранения продолжал работать в школе и еще работал в колхозе агрономом. В 1944 году на фронт забирали парней 1927 года рождения, и нас уже тоже готовили к войне. Я даже получил приписное свидетельство.

Школа работала в три смены. Нас всех разделили. Старшие ребята стали работать в колхозе, младшим находили работу полегче. Днем работали, а с семи вечера до двенадцати ночи учились. Учились в холодных классах, не хватало учебников, тетрадей, чернил.

Работали сеяльщиками, сенокосильщиками, пастухами, прицепщиками на тракторе. На прицепе особенно трудно было работать, по много раз приходилось собирать и разбирать механизм, гайки закручивать и раскручивать. Как-то раз я работал на молотилке и случайно у меня сорвались прямо в механизм вилы. Испортил все. После этого долго работал пастухом.

На сенокосе мы работали вдвоем. Вместе косили и убирали сено. Потом на лобогрейке убирали зерно и вывозили его на бричке на Актюбинский элеватор. Возили по пять — семь мешков. Мешки были не такие, как сейчас, каждый мешок весил 80 — 100 килограмм, и мы вдвоем их перетаскивали. Ехали с остановками, ведь в упряжках были не лошади, а быки, которые тоже недоедали и были не такие уж сильные. Надо было еще и охранять эти мешки, чтобы их не разрезали и не воровали зерно. За один килограмм зерна потом пришлось бы год работать без трудодней. Зерно возили и зимой, часто попадали в буран. Никто нас не искал, надо было выбираться самим. Это была действительно школа жизни.

Ели шелуху от проса. Делали из нее похлебку — один раз в день. Хорошо, если доставался кусочек черного хлеба. Летом было чуть полегче — ловили рыбу, сусликов. Соли не хватало, мы собирали соль с солончаков. Так ее и использовали — с землей и с песком.

Фронту помогали не только трудом. Каждый, у кого имелась живность, должен был сдавать продукты по норме:

Одна корова — сдать четыре килограмма масла, сорок килограммов мяса (сдавали телят живым весом)

Десять кур — сдать за год 360 яиц.

Каждому ученику тоже устанавливались нормы — нам надо было сдать 100 штук сусликов и несколько литров сусячьего жира. Бутылки стеклянные собирали и сдавали, из них изготавливали самодельные зажигательные снаряды. С такими бутылками шли на танки наши солдаты в боях под Москвой. Ведь часто было так, что на троих бойцов была всего одна винтовка, остальные вооружались такими самодельными снарядами.

Постоянно собирали одежду для фронтовиков, особенно тулупы, ватники, валенки.

Как и везде, у нас жили переселенцы, в основном чеченцы. У нас в доме жила такая семья. Отец был врач, двое его девочек пошли учиться в казахскую школу. Им было очень трудно. Я учил девочек казахскому языку, а они учили меня разговаривать по-чеченски. Некоторые слова, выражения и счет я до сих пор помню. С оккупированной Украины к нам привезли людей. Украинцы работали в колхозе скотниками. Мы к ним быстро привыкли, и к их речи тоже. Наверное, поэтому я иногда вставляю украинские слова, арбу вот бричкой называю.

День Победы мы встретили в степи. Распрягли лошадей, бросили лобогрейки и помчались галопом, передавать дальше эту радостную весть.

Отец выступал на митинге, говорил, как теперь хорошо будет жить, говорил о встрече наших фронтовиков. Но вернулось-то всего семь человек! Устроили большой той, зарезали корову. Колхозникам раздали мясо, по два килограмма муки, по полкилограмма сахара. Три дня праздновали.

После войны закончил педагогическое училище, отслужил в рядах Советской Армии, закончил педагогический институт. Вступил в ряды коммунистической партии. Работал в Карахобдинской средней школе. Работал добросовестно, честно. В 1996 году закончил свою трудовую деятельность, в 1997 году переехал в Актобе.

49 лет 9 месяцев и 22 дня **Умирзак Альмуханбетович** отдал педагогической деятельности. Его жена, Магрипа Дарибаева (друзья называли ее Маргаритой), работала вместе с ним, учителем казахского языка. Магрипа Дарибаева, Отличник Народного Просвещения, ушла из жизни в 1998 году. Из семерых детей трое продолжили династию родителей и закончили педагогический институт. Умирзак Альмухамбетович живет с младшей дочерью в новом районе Батыс. Его заветная мечта — увидеть памятник детям войны и труженикам тыла. Увидеть рядом с памятником нашим воинам — ведь именно наше единство помогло выстоять и победить.





Мухамбетияр Мухитович Камашев



Я родился 7 июня 1936 года в поселке Кобда Хобдинского района. В Хобдинском районе был детский дом. Именно в здании детского дома был организован призывной пункт, когда началась война. Двор огородили металлической сеткой, возле ворот стояли солдаты с ружьями. Родным и близким призывников не разрешалось даже подойти к забору, поэтому все громко кричали, прощаясь друг с другом. Я все-таки дождался момента, когда солдат немного отвлекся, и, прошмыгнув мимо него, добрался до отца. Мне было тогда всего пять лет, я сам был очень маленький и шустрый. Отец меня крепко к себе прижал, ни слова не говоря. Я тогда впервые почувствовал и понял, как сильно он меня любит. Потом призывников усадили на подводы и повезли в город. Подводы шли медленно, я их даже обгонял несколько раз. Теперь провожающим можно было только рядом идти, поэтому больше обнять отца я не смог. Больше отца живым я не видел. Вместе с моим отцом ушли на войну два его брата, но живым вернулся только младший брат. Первое время мы получали письма, но мама не могла сама отвечать, писать ответ нам помогали соседи. И по много раз перечитывали, что писал отец.

В 1942 году в боях под Москвой мой отец пропал без вести. И я остался с мамой и тремя сестрами единственным мужчиной.

В 1942 году мы с мамой переехали в Оренбургскую область, Акбулакский район, в поселок «Енбек Еркин». Это был совсем небольшой поселок, зима выдалась холодная, голодная. Я все время плакал, просился домой. Там же и умерла моя старшая сестра. Родных рядом не было, и это было самое тяжелое тогда.

Мама не выдержала моих слез, и весной мы с ней отправились назад. До поселка Кумсай как-то доехали, а потом прошли еще много поселков пешком. Шли больше десяти дней, ночевали прямо в степи, или у кого-нибудь на пороге.

Человек всегда терпит много. Если захочет жить, всегда победит трудности.

Вернулись домой. всю войну мамам проработала в колхозе «Свобода» кухаркой — весной уходила, осенью приходила назад. В поле ведь не бывает выходных, тем более, в военное время. Я постоянно возле нее был, так доставалось хоть немного еды, а кушать хотелось постоянно. На обед людей собирали маленьким флажком, его далеко было видно. У нас всего одна корова была, поэтому мы ждали весну, когда корова отелится и начнет доиться.

В 1943 году пошел в первый класс, в казахскую школу. До самых холодов продолжал бегать к матери в бригаду. В школе нас учила женщина, татарка, сама всего только с начальным образованием. Писать учились на полях газет, и между строчками. Зимой многие не выдерживали холода и бросали учебу. После школы сидели дома, ходить было некуда и не в чем. Все так жили.

Мама умела хорошо шить. Зимой она шила платья и стеганые одеяла. Я ей срисовывал узоры, по ним мама делала красивые одеяла. Вещи мама продавала или меняла на продукты.

До сих пор дружим с Шамшутдиновым Геннадием Аухадиевичем — он сейчас живет в Уральске, мы стараемся встречаться каждый год. В войну наши семьи жили рядом. Отец его был татарин, жена — русская, с ними жила еще старая бабушка. Бабушка видела, что я голодный, часто звала помочь по хозяйству и потом кормила.

Весной брали дощечки, набивали на них кожу старую, тряпки и в таких вот «тапочках» ходили по лужам. Уже ранней весной начинали собирать кизяк — это было и топливо, и строительный материал, и еду на нем быстро приготовить можно было. Я хоть и маленький был, но шустрый, работал везде, где придется. И зерно на току охранял, и быков на водопой гонял, и, когда уже был постарше, работал на сенокосилке. Дома помогал строить, кирпичи делал самодельные. Особенно трудно было

поливать. Надо было гонять быков по кругу, они тянули большую бочку с водой, мы выливали ее в канаву для полива, и все начиналось сначала. Помню, я пас быков и нечаянно заснул. От усталости, или от голода. Бригадир меня тогда сильно побил палкой, а маме нельзя было вмешиваться. Нас вообще строго наказывали.

К нам переселяли чеченов, грузин, корейцев, немцев — все жили дружно, делились последним.

Для фронта каждая семья должна была сдать 120 яиц, 180 литров молока или масла, шерсть, кости. Мы сдавали и шкурки сусликов. Принимала заготконтора.

В день Победы мы работали в степи и сначала только слышали совсем непонятные разговоры о конце войны. А когда поняли — стало даже жутко, от криков, шума. Люди бросались друг к другу, плакали, смеялись, обнимались. Хватали в охапку траву, кидали ее, как маленькие дети, песком кидались, кто-то даже хватал песок ртом — это была какая-то дикая, измученная радость. Просто не могли поверить, что наконец-то пришел конец войне, что пришла долгожданная Победа, о которой мечтали, в которую верили, ради которой трудились и жили.

Школу закончил только в 1956 году. Почти сразу после окончания школы женился. С супругой учился в одной школе, она была на два года младше меня. Подружили мы около двух лет, и поженились. Уже в школе я работал секретарем школьной комсомольской организации, после школы устроился инструктором райкома комсомола Хобдинского района. В возрасте 21 года стал членом КПСС. До сих пор храню свой партийный билет. Окончил Темирский сельхозтехникум. Было очень трудно учиться и кормить семью. Я даже в голодные обмороки падал. Но всегда старался помогать людям, не обижал никого.

Соғыстың жақындағаны, әсіресе теміржолшылардың ісін қиындатты. Оларға күніге әскери эшелондарды қару, азық-түлік, шикізаттарды өнеркәсіп орталықтарына кідіріссіз өткізіп отыру-міндеттелді. Маман машинисттер майданға кетті. Олардың орнына жас балалар мен қарттар істеді. Олар жас болса да, қарт болса да соғыс кезеңінің талабын мүлтіксіз орындап, қажырлы еңбектің үлгісін көрсетті. «Жауды қирата жеңіп жеңіске жетеміз» деген халықтың ұраны еңбекшілердің, олардың жігері мен қаһармандығынан көрініс берді. Майдангерлер мен тыл еңбекшілерінің іс-әрекеті міне осылай көрініс көрсетті. Бүкіл тыл еңбеккерлері соғыста жеңу үшін байтақ бірыңғай лагерьге айналды. Байтақ еліміздің халқы малын да, жанын да, жан-жүрегін де, жалынды жанқиярлық патриоттық ісін де тек Отанын қорғауға бағыттады.

Осындай еліміздің халқының біртұтас соғыс лагеріне айналуы майдангерлерге берік жәрдемдесіп, отыратын тыл еңбеккерлері олаоды жеңілмес жаужүрек, жеңімпаз жауынгерлерге айналуына көмектесті. Жауға аттанған жауынгерлер мен тылдағы еңбеккерлердің еңбек серпіні міне осылайша ұштасып жатты.

Сол кезде армиямыздың күш-қуатын арттыру үшін тыл еңбеккерлері авиаэскадрила жасау үшін 500 миллион сом қаражат жиып берді. Соғыс тылдағы өмірді де түгел дерлік өзгертті. Қалада да, елге де, әрбір семьяда да бір-ақ қана мақсат — тілек: ол — майданға көмекті еселей түсіп, майдангерлердің күш — қуатын арттырып, жеңіс күнін жақындату. Тыл еңбеккерлері жеңісті жақындату үшін еңбегін де, күшін де, қаржысын да аяған жоқ. Тыл еңбеккерлері бұл Отан алдындағы істі абыроймен орындады. Тыл ардагерлері майданға өздерінің ісімен үлкен тірек бола білді. Жас балалар да, қариялар да майдан үшін, жеңіс үшін еңбек майданы қанша ауыр болса да күндіз-түні жанқиярлықпен еңбек етті. Олар Ұлы Отан Соғысы кезінде өздерінің еңбекпен тапқан қаржысын, армияны жабдықтауға жіберіп отырды. Соның бірі Ақтөбе облысының Новоресей ауданындағы С.М.Буденный атындағы ауыл шаруашылық артелі Тыл еңбеккерлері ауыл шаруашылық өнімдерін мерзімінен бұрын табыс етіп, танк колоннасын құруға 15 мың сом қаржы өткізді. Сол жылы танк колоннасын жасақтауға еліміздің тыл еңбеккерлері 270653 сом қаржы тапсырды. Қазақстанның соғыс кезінде Батыс облыстары, аудандары соғысып жатқан тіректі тылына айналды. Мұнда әскери қоймалар, госпитальдар, әскери техниканы жөндеу базалары орналасты. Аэродромдар салынды. Сөйтіп майдандағы армия мен тылдық еңбеккерлердің үздіксіз байланысы мен бірлестігі шынайы достықтың негізі болды. Тыл ардагерлері майдангерлермен бірлесе отырып Ұлы Отан соғысы кезінде перзенттік парызын терең сезіммен түсініп, жаумен күресуде оның құрамдас бөлігіне айналды. Адамзаттың нұрлы болашағын неміс фашис басқыншыларының күл-талқан етуінен сақтап қалуға жұмыла қатысты. Отанымызды бақайшағына дейін қаруланған жаудан қорғауда соған негізделінген тыл еңбеккерлері армиямен бірліктің негізін жасай білді. Бүкіл тылдағы еңбекші халық агрессормен шайқаста болды. Жаумен күресте армиямен тыл еңбеккерлері біріккен бір мақсаттағы құрыштай күшке айналды. Ұлы Отан соғысында халықтар достығы күшейген үстіне күшейе берді. Майдан шебінде де, елде де жұмысшылар, колхозшылар, интеллигенттер әр халықтың президенттері ортақ мақсатпен, құрыштай бірлікпен көріне түсті. Ел басына қиын кезең туған кезде бүкіл халық ұлтына қарамай кеңдікпен, бауырмалдықпен, кішіпейілділікпен қанша ұлт болса да бір жағадан бас, бір жеңнен қол шығарып, достық пен бауырластықтың үлгісін әлемге паш ете

білді. Отан әмірі халықтың ізгі тілегі мен қажырлы бірлескен еңбегі жауды жеңу үшін жеңіс арнасында бірлесіп жатты. Қысылтаяң кезеңде майдан мен тыл жеңілмес берік қамалға айналды. Экономика саласында барлық материалдық ресурстар соғыс ісіне байланыстырылып, бір жүйеге түскен соғыс экономикасы жасалынды. Еліміздің дамуы тездетіліп, экономикалық қуаты арттырылды. Өндірістік-қорлар екесеге ұлғайтылды. Жұмыстың барлық саласы да екпінді қарқын алды. Майданға керекті жауынгерлік техника қару-жарақтарын, оқ-дәріні алуан түрі шығарылды. Біздің қуатты тыл еңбеккерлерінің шығарған соғыс техникаларымыз жаудың күшін ойсырата шығынға ұшыратты. Жау шегінуге мәжбүр болып, майдангерлер мен тылдықтардың бірлескен еңбегінің нәтижесі бірден сезілді. Соғыс жылдарында тыл еңбеккерлері елімізде соғыс құралымен бірге шикізат және киім-кешек, азық-түлік базасын жасап отырған базаның бірі болды. Олар еселенген қарқынмен майданды да, елді де матамен де, азықпен де көп мөлшерде қамтамасыз етіп отырды. Тыл еңбеккерлері өздерінің ерлік еңбегімен жауды жеңу жолындағы ортақ іске зор үлес қоса білді. Еңбек майданының ардагерлері тылдықтар бір сменада өздеріне берілген тапсырмалардың 1,5 айлық нормасын орындады. Бұл кездегі тылда еңбек еткендердің 60% — 12–17 жастағы жастар. Бұлар ауыр жұмыстар өздерінің күш — қуатына сәйкес келмесе де жанқиярлық еңбек үлгілірін көрсете білді. Ал завод — фабрикаларда жұмыс істейтін жастар 35% еді. Комбайндарда, тракторларда жастары 18–45 арасындағы әйелдер еңбек етті. Ұлы Отан соғысы кезінде жас болса да, жастар өздерінің отан шексіз сүюінің, қадірлеуінің арқасында олардың ерлігі тамаша патриоттық іске айналды. Бұл патриоттық мектептер Отанына шын берілгендіктен айқын шежіресі болатын. Майдангерлер мен тыл майдангерлерінің бірлескен ісі, тарихта көрнекті орын алған еңбегінің нәтижесі еліміздің халқын жеңіске жеткізді. Қазақ жерінен аттанған дивизиялар мен құрамалардың ірі шайқастарда көрсеткен ерлік істері үшін бесеуі гвардия атағын алды. Олар қанды шайқастың ең ауыр жерлері Москва, Сталинград, Курск, Ленинград, Берлинді алу шайқасына қатысты. Соның ішінде Ақтөбе жерінде даярланған 101 атқыштар бригадасы да болды. Ал осы майданға аттанғандардың орнын елде 12–16 жастар арасындағы балалар мен 18–35 жастарда қыз — келіншектер, 60–85 жастардағы қарттар қолына алып, майданды да, елді де керек заттармен қамтамасыз етіп, жолында жанқиярлықпен еңбек етті. Сол тілегі де, ойы да, ісі де, мақсаты да біріккен тыл ардагерлері майдангерлермен бірлескен жанқиярлық еңбегінің нәтижесінде сандаған күшті қарумен күшті даярланып келген жауды жеңіп, тізе бүктіріп, жеңіске жетті. Әрине бұл істе тылдықтарда көптеген қиыншылықтарда бастарынан өткізді. Тылдықтардың көбі жұмыстың

ауырлығынан, суықтан, жалаңаштықтан, аштықтан, кездейсоқ оқиғадан қазаға ұшырады. Өздері жақындатуды асыға күткен, жеңіс күніне жете алған жоқ. Ол жас болса да, үлкен қарт адам болса да өз еңбектерін жеңіс жолына бағыттады. Өз еңбектерін майдан үшін, жеңіс үшін жұмсады. Майдан үшін күрескен тылдықтар да аз болған жоқ. Олардың саны да көптеген миллион болатын. Бұлар көбі көз жұмып кетсе де өз арттарына Отанын, елін сүюде арттағы ұрпақтарға бейбіт өмірмен ерліктің еңбекте асқан зор үлгісін көрсете білді. Бұл жылдарда тыл еңбеккерлері шексіз Отанына деген сүйіспеншіліктің іздерін қалдырды. Сондықтан олар еңбекпен елін ардақтаған, оның тапсырмасын мүлтіксіз орындай білген еңбек батырлары. Алайда олар еткен теңдесі жоқ еңбек «тыл ардагерлері» деген аттан басқа тиісті бағасын ала алмай тарих қойнауының шаң басқан жылдар тоғысының астында қала берді. Олардың Отан үшін көп еңбек сіңіргені айқын. Бірақ олардың еңбегін ұлықтайтындай ешбір көрнекті іс аудан, облыс көлемінде де еш іс істелген жоқ. Осыны байқай жүріп, әкімдердің ішіндегі ең жасы болса да өзінің еңбекті, еңбек еткен адамды, Отан үшін еңбек еткен адамды бағалауды ұнататын, сондықтан оны шешіп, тыл еңбеккерлерінің ісі де бағалауды талап етіп отырған қажетті істердің бірі екенін біліп, Архимед Бекежанұлы Мұхамбетов бұларға Отан соғысының 70 жылдығының қарсаңында ескерткіш орнатуды облыс әкімшілігінің қызметкерлерімен шеше отырып, бұл жұмысты жүзеге асыруды өзінің орынбасары Сара Нұрқатоваға тапсырды. Сара Нұрқатова соғыс кезінде еңбек еткен ардагерлермен, қалалық ардагерлер мүшесімен және де Ақтөбе облыстық мәдениет қызметкерлерімен кеңес өткізіп, соғыс кезінде тылда еңбек еткен ардагерлерге ескерткіш қою үшін ескерткіштің ең үздік эскиздік жобасын жасауға мәдениет қызметкерлері Н. Таблдинаға, Қыдырғали Ермұханов М. Міндеттеді. Бұл жөнінде Ақтөбе облысының мәдениет мұрағаттары және құжаттамалар басқармасы Ақтөбе қаласында орнатылатын Ұлы Отан соғысындағы үлеске үлес қосқан тыл еңбеккерлеріне арналған ескерткіш белгінің ең үздік эскиздік жобасына шығармашылық байқауын «Егемен Қазақстан» газетінің 2014 жылғы 5 қыркүйекте конкурс жариялады. Бұл жұмысты облыстың әкімінің орынбасары Сара Нұрқатова мәдениет басқармасы басшысы Табылдинова, оның қызметкері Қыдырғали Ермұханов және қалалық ардагерлер кеңесінің төрағасы А.Ф.Прехно толық іске асыру жолында еңбек етуде. Кешегі Ұлы Отан соғысы кезінде тылда қажырлы жанқиярлық еңбегімен қанмайданда Отан үшін қан кешкен майдангерлермен бірлесіп, күресе білген тыл еңбеккерлерінің теңдесі жоқ еңбегін тас мүсін болса да Архимет Бекежанұлы Мұхамбетов басқарған облыс әкімдігі қызметкерлерінің еңбекті бағалай білуінің арқасында соғыс кезінде елі, халқы үшін еткен еңбегі

жарқырай көрінбек. Көрес көз еңбекті елейтін ұлдары мен қыздары болса, «елі үшін еткен ер еңбегі жоғалмас» деген осы. Талас жоқ әрбір әкімдік елі үшін еңбек еткен адамын қолдай жүру өз білігін, білімін халқының игі істерін оның өркендеуі үшін жұмсауы керек. Міне, Ақтөбе облысы әкімдігі мен облыстық мәдениет мекемелері қалалық ардагерлер қоғамы соғыс кезінде өзінің жан жүрегінде, өмірінде Отанын қорғауға жұмсаған тыл еңбеккерлеріне ескерткіш қоюдағы алғашқы қарлығашы болып қолға алып отыр. Сондықтан да облыс әкімдігі Ұлы жеңістің 70 жылдық мерекесіне дейін соғыс кезінде еңбек еткен тыл ардагерлерінің патриоттық ісін паш ететін ескерткішті қоюды жүзеге асыруды орындау үшін тиянақты еңбек етуде.

Ұлы Отан соғысы кезіндегі еңбегі үшін майдангерлермен теңестірілген тыл ардагерлері Өмірзақ Әлмұханбетұлы Дәрібаев, Ұлы Отан соғысы кезінде еңбек еткен тыл ардагері Ақтөбе ардагерлер 15 қазан 2014 ж. кеңесінің мүшесі М. Камашев.

Камашев Мухамбетияр Мухитович закончил Алма-Атинскую высшую партийную школу, успел поработать заведующим районного отдела культуры, директором Хобдинского головного маслозавода, инспектором по закупкам сельхозпродукции — это только малая часть его послужного списка. И всегда рядом с ним была верная спутница жизни — супруга, Капица Даировна. Они вместе уже 58 лет, воспитали 7 детей, 20 внуков и уже радуются первой правнучке. Четверо дочерей живут в разных городах Казахстана, зато в Актобе живут трое сыновей. Не проходит и дня, чтобы дети не позвонили своим родителям, а в дни Наурыза все стараются собраться за маминым щедрым дастарханом.





Галым Мусинович Камысбаев

Мы беседовали с Галымом Мусиновичем в его кабинете общественного объединения «Ардагер». Его рассказ напоминает мозаику, собранную из отдельных лоскутков — воспоминаний о суровом военном времени.

О СЕМЬЕ

«Мы жили тогда в колхозе Кызыл Аскер, ныне село Самбай Алгинского района, Актюбинской области. Отец и мать мои были без образования, отец, уже будучи взрослым, научился читать и писать. Оба работали в колхозе. Мой старший брат Салим родился в 1925 году. Я родился, по рассказам родителей, 22 июля 1932 года. Год указан точно, а вот дата рождения указана приблизительно, ведь в то время документы практически не оформлялись. Уже в годы войны, в 1942, родилась моя сестра Толкын, а в 1946 году родился мой младший брат Казихан».

НАЧАЛО ВОЙНЫ

«В то время у нас объединились пять колхозов. Решили сделать плотину на реке, чтобы использовать воду для полива полей. Вся техника ушла туда. Машин в поселках не было, ездили на лошадях. Если вдруг на просеке появлялась машина, это сразу становилось событием, не только дети, и взрослые, и старики бежали посмотреть на это чудо. Света и радио тоже не было, первые репродукторы появились уже после войны. Вместо заработной платы колхозникам записывались трудодни, на которые потом выдавали зерно. О начале войны сообщили из сельсовета. Сразу стали забирать на фронт всех мужчин от 18 до 40 лет. Конечно, проходили медицинскую комиссию, и, конечно, годными признавали всех. Двоих, правда, не взяли. Как сейчас говорят «людей с ограниченными возможностями». Один — очень маленького роста, лилипут. У другого плохо слушалась левая рука и что-то было с ногой. Те, кого не взяли на фронт, не сидели без дела — это ведь теперь были единственные мужчины. Работали, не покладая рук, пасли скот, пахали. Не обошлось и без трагических происшествий. Хромой стал работать пастухом. Погиб по глупости — нашел в степи минометный снаряд (видно, остался после учений), долго пытался его разобрать и, в конце концов, на нем и подорвался. Сразу же стали забирать на фронт лошадей. К первой военной весне 1942 года в колхозе остались только быки и коровы».

РОДИТЕЛИ

«В колхозе остались одни старики, женщины и дети. Председатель сельсовета, пастух и мой отец. Отца тоже по возрасту не взяли на фронт. Отец сначала работал кузнецом, потом бригадиром полеводческой бригады. Хорошо помню, как он ставил плюсы в ведомости выходявшим на работу колхозникам. Сначала точил чернильный карандаш (его еще называли химическим), потом плевал на него слюной и выводил плюсы напротив фамилии. И заведующим фермой ему пришлось поработать некоторое время. Умер он в 1953 году. Мама, Камысбаева Гулбаршин, тоже работала. Вообще-то, трудно сейчас сказать, кто где работал. Работали, где могли, где было нужно, куда только посылали».

БРАТ

«Мой брат Салим закончил семь классов. В 1944 году ушел на фронт. Воювал в артиллерийских войсках, в конце войны получил тяжелое ранение. Ему ампутировали левую ногу. Долго лечился в госпиталях, домой вернулся только в 1946 году. Это было великое счастье, что к нам не пришла по-

хоронка, а вернулся брат, пусть покалеченный, но живой. Салим закончил курсы счетоводов и 40 лет проработал кассиром, контролером, а затем заведующим сберкассой г. Актюбинска. Сейчас его уже нет в живых».

ШКОЛА

«В школу я пошел еще до войны, в 1939 году. В 1943 году я закончил начальную школу и больше до конца войны не учился. Надо было ездить в город на учебу, а ездить было не на чем, не во что было одеваться. Однако нас зачислили всех в четвертый класс, чтобы мы не забывали, чему уже научились. Учебников не хватало. Один или два на всех. Цветные карандаши я впервые увидел только после войны, когда учился в 7 классе. Чернила делали из химических карандашей, толкли их в ступке и разводили водой. Да что чернила! Перо было редкостью, писали по очереди. Занимались, сидя вокруг ручной коптилки, света она давала совсем мало.

Когда я уже заканчивал четвертый класс, нашего учителя забрали на фронт. Нас стал учить человек, у него у самого было четырехклассное образование. Он нам просто говорил, где читать и что решать. И мы старались. Учились мы только зимой. Самое главное, нас в школе кормили обедом. Чаще всего на обед давали пшеничную кашу на воде — быламык она так называлась».

ТЫЛ — ФРОНТУ

«Первое военное лето я проработал почтальоном — курьером. Ходил за пять километров в сельсовет, сдавал колхозную сводку о проделанной работе, забирал письма, газеты и приносил в село. Особенно люди ждали писем от своих родных с фронта. Ходил за почтой до самых холодов босиком.

Зима была очень суровой и снежной. Снега выпало так много, что из него строили снегозадержания для полей.

Второе военное лето я проработал извозчиком. Возил колхозное молоко на маслозавод в колхоз Шибаевка, за семь километров. Возил на быках, когда две фляги по сорок литров, когда одну. Получал квитанцию и привозил ее председателю. В третье лето я уже работал учетчиком на току. Записывал, сколько привозили зерна, сколько отправлено на склад и сколько сдано государству, в первую очередь для отправки на фронт. Вместо заработной платы колхозникам записывались трудодни, на которые потом выдавали зерно.

Практически все в колхозе вязали носки и варежки для фронта. Я тоже вязал, наверное, и сейчас смогу связать. Все вязаные вещи сдавали в сельсовет, отправляли оттуда посылки на фронт под девизом: «Передовому бойцу для Победы». Думаю, что все бойцы тогда были передовыми».

КАК ВЫЖИВАЛИ

«Жить было очень трудно. Не хватало самого необходимого — керосина и мыла. Керосин старались экономить, если только можно было, готовили на костре, в печке. Но и разжечь огонь тоже было проблемой из-за отсутствия спичек. Вместо спичек у мужчин имелись самодельные зажигалки из камней, что-то вроде огнива. С собой всегда носили камни и патрон, набитый ватой или тряпками. Таким способом добывали огонь. Мыло варили из старых костей, добавляли коренья разных трав — варили долго, до образования больших коричневых комков. Этим мылом и стирали, и умывались.

Люди выживали за счет скота. Это ведь и мясо, и молоко, масло. Делали курт, иримшик. Сажали картошку, овощи. Табак выращивали, сушили, отправляли на фронт. Табак выращивали не только на полях, но и во дворе у каждого дома он рос. Вместо чая выкапывали корень солодки. Получался сразу чай с сахаром. Солодки и сейчас много, но тогда этот корень был намного крупнее.

Мы, дети, очень ждали 14 марта. Нам говорили, что в это время просыпается солнце. И правда, на сопках быстро таял снег, появлялась земля. На эти проталины выводили скот. Именно выводили, а некоторых даже выносили, потому что животные не могли уже встать от голода. Но на теплом солнышке, на скудных клочках свежей травы и на остатках прошлогодней скот быстро оживал. И, конечно, появлялись суслики. Мы их ловили, снимали шкурку, жарили на костре и некоторые даже ели. Жир выступал такими красивыми пузырьками. Со шкурок снимали жир, вытапливали и собирали в бутылки, а шкурки высушивали. Ежемесячно к нам приезжали представители Утильсырья, мы сдавали шкурки и вытопленный жир. Взамен можно было получить мяч, удочку и даже настоящее печенье, иногда попадались шоколадные конфеты.

Поля пахали и бороновали на быках и коровах. Колхозных коров не хватало, брали у частников. Трудно очень было пахать на коровах. Но постепенно и коровы привыкли к борозде».

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

«К нам много разных людей присылали. Особенно много было переселенцев — болгар, чеченцев. Каждый дом обязывали взять по три — четыре человека. Это были голодные, изможденные люди. Мы принимали, делились хлебом, поддерживали. Переселенцы оживали, поправлялись и работали вместе с нами. Многие и после войны оставались, не уезжали. Так образовался поселок под названием Болгарка».

КОНЕЦ ВОЙНЫ

«О Победе мы узнали от представителей райцентра. Они на лошадях объезжали все колхозы и сообщали радостную весть.

Уже в сентябре 1945 года я переехал в Актюбинск, и я пошел учиться в 5 класс в казахскую среднюю школу №6. Закончил школу в 1952 году. Потом — военное училище в Ленинграде, учеба в Высшей партийной школе, 31 год службы в армии. Уже будучи на пенсии, работал начальником отдела в областном исполнительном органе. Занимался общественной работой в качестве председателя первичной ветеранской организации областного акимата».

Камысбаев Галым Мусинович имеет сына и дочь, семеро внуков и двое правнуков. Он уже три десятка лет является бессменным председателем правления общественного объединения «Ардагер». Под его руководством проходят встречи ветеранов, объединение проводит работу по улучшению социально — бытовых условий наших защитников, дает возможность общения тем, кому это сейчас просто необходимо. Он выезжает с ветеранами на природу, организует экскурсии и спортивные соревнования, знакомит с предприятиями промышленности и сельского хозяйства нашего города. Галым Мусинович с 2012 года вместе с Ветеранами города вынашивает идею о создании памятника всем труженикам тыла. Действительно, не стареют душой ветераны!





Хамза Казиханулы Куан

Хамза Казиханулы совсем не похож на человека, за плечами которого без малого восемьдесят прожитых лет и, тем более, на пенсионера, который ценит прежде всего покой. Он до сих пор работает в городском акимате. Его воспоминания о военном времени часто переходят на послевоенные годы, он старается передать все то, что думал, о чем переживал маленький Хамза в далеком 41 году.

«Я родился первого января 1937 года в колхозе Кызыл-Тас Родниковского района. Мой отец Казихан работал тогда завхозом на Андреевской МТС, мама тоже работала в колхозе. Она единственная из всех жителей знала русский язык. В семье нас было четверо братьев.

Начало войны плохо помню. Мы, дети, все воспринимали, как игру. Вот что помню хорошо, так это то, что в 1941 году был очень богатый урожай. Я этому особенно радовался. Убрать успели все до ноябрьских заморозков, а уже в ноябре забрали на фронт отца. Тогда многих забирали, все плакали. Я слюной мазал себе щеки под глазами, тоже хотел на войну, совсем не понимая страшного смысла этого слова.

Началась первая военная зима. Старший брат Иса помогал по хозяйству и пас гурты коз. Ему приходилось еще и отгонять козлят, чтобы коз подоить. Я же всегда увязывался с мамой ездить в город за нефтепродуктами. Ездили на бричках, запряженных быками. Последний рейс мы делали, когда уже наступила настоящая зима. Зима была очень суровой и снежной. Дома засыпало до печных труб, и выйти самостоятельно для многих было просто невозможно. Кто выбирался, собирались группами, ходили от дома к дому, узнавали, есть ли живые, помогали откопать двери и выбраться на улицу. В тот самый последний рейс мама взяла папин костюм и другие вещи, положила в бричку козу. Все это она хотела в городе продать и купить нам теплые вещи на зиму. Мы остановились в районе Москвы у тети Макпал. Утром мама и Макпал ушли, и после их ухода в дом зашли какие-то мужчины, славянской внешности. Я не понимал, о чем они говорят, не понимал, что это были воры. Мужчины вынесли все, что привезла мама, вынесли и вещи тети Макпал, забрали козу. Мама долго ходила в милицию, как-то и меня взяла с собой. Ей сказали, чтобы я поплакал. Я сильно тогда расплакался! Маму было жалко, тетю Макпал, козу... и то, что у меня не будет теплых вещей. Мне кажется, что все милиционеры отделения собрались. Воров нашли буквально за три дня. Потом тетя Макпал узнала, что маму могут даже убить за то, что она обратилась в милицию. Мама решила уехать к родственникам в Соль-Илецк. На станции она обратила внимание на мужчину, который был одет в папин костюм. Милиции рядом не было, мама попросила помощи у военных. Так нам вернули и папин костюм. Так начался 1942 год.

Мамины родичи нас приняли и мы прожили в колхозе «Первое мая», в восемнадцати километрах от Соль-Илецка, до января 1943 года. Мама работала в колхозе. Я с детьми помогал дяде плести плетни. Их использовали для заборов, ограждений и для снегозадержания.

Мы жили по несколько семей в одном доме. Так легче было прокормиться. Ели падалицу, вываривали шкуры павшего скота, зерно разное. Кружку молока разводили водой, такой баланды хватало на 7–8 человек.

В январе 1943 года после Сталинградской битвы вернулся домой отец. Я не помню точно, наверное, он был после ранения, так как остался с нами. Мне сказали друзья, с которыми я катался с горки на ледянках. Как я домой мчался, летел прямо! С порога бросился к отцу, не удержался и двумя руками опустился па горячую плиту. В кровь обжег ладони. Но что была эта боль по сравнению с радостью возвращения отца!

Отец решил, что нам надо возвращаться в родные места. Мы снова приехали на станцию Соль-Илецк. В то время на станциях готовили кашу для военных. Отец принес мне целый солдатский котелок каши. Я

ее съел в один миг, и отец сходил за кашей еще раз. Это был первый обед за войну, когда я наелся досыта. Вкус этой каши я никогда не забуду.

Мы вернулись в Кызыл -Тас. Отца сразу назначили председателем колхоза, а через год перевели в колхоз Жанадаур заместителем председателя. В Жанадауре отец проработал до мая 1945 года.

Там же я пошел в первый класс в казахскую школу. Наш учитель был сам с семилетним образованием, многому он нас научить не мог. Мы все его боялись. Писать учились на газетах, по газетам учили буквы. Чернила делали из сажи. На уроках часто плакали. Самым счастливым мы считали того, у кого появлялся химический карандаш. Этим карандашом можно было писать и из него получались почти настоящие чернила.

Самое страшное случилось у нас в последнее военное лето. Отец мой работал заместителем председателя по животноводству. Дойный гурт перевели в колхоз Дзержинский и нам пришлось жить в наскоро построенном балагане. Его случайно подожгли. Видимо, кто-то бросил незатушенный окурок. Сгорело все — и балаган, и все вещи, и одежда. Отец получил большие ожоги. Так мы остались без крыши над головой. Нам помогали все колхозники. Кто зерно приносил, кто вещи, кто деньги. Часть собранного от людей зерна, проса мы с мамой продали. Люди нас на ноги поставили. Жили дружно. Если надо, кусок хлеба аккуратно делили на несколько частей. Очень трудно было с солью. Солью тоже делились. Давали марлевый мешочек (в нем была соль) и предупреждали, сколько раз можно им провести над едой, чтобы всем хватило. Детям разрешали собирать шум — это такая пена от молока, которая образовывалась у сепаратора. Какой вкусный был этот шум!

Потом мы переехали в Яйсан. В Яйсане мама купила брезент, маскировочный материал, стала шить нам одежду. Она очень хорошо шила. Из портяночного материала сшила нам нижнее белье, рубашки.

9 мая 1945 года мы купались на речке. Видим — скачет всадник, на лошади и кричит «Женис! Женис!» мы и не поняли сразу, о какой победе он кричит. Побежали домой. А там уже все обнимаются, поздравляют друг друга, плачут. Весь аул собрался, по соседям ходили, несколько дней праздновали.

Мы переехали в колхоз «Красный угол» Мартукского района. Отца положили в больницу. Нашу корову не пускали в колхозное стадо. Мы с братом пасли ее сами. Как-то надо было ехать к отцу, и мы долго просили бригадира дядю Ваню, чтобы он подвез нас на своей бестарке — это телега, наподобие корыта. Он сказал нам, чтобы мы пешком шли до подъема. Конечно, мы отстали. А дядя Ваня просто уехал. Нам было страшно, боялись волков. Хорошо, что по пути нам встретились сенокосильщики из Аксу, мы у них и переночевали. Только на другой день мы попали к отцу. Встречались разные люди, но хороших было все-таки больше.

Я снова пошел в первый класс, теперь уже в русскую школу. Своего учителя Алексея Макаровича помню очень хорошо. Я стал учиться даже лучше, чем раньше, несмотря на то, что учился уже на русском языке.

Где-то в 1946 году мы впервые увидели кино, правда, немое. Это было, конечно, чудо, первое кино я не очень хорошо помню, больше всего мне запомнился фильм про Чапаева. Да что там говорить про кино — чудом для меня была электрическая лампочка, до десяти лет я и не представлял себе, что это такое. Электросварка — целыми днями смотрел, а ночью плакал от боли в глазах. Первое радио — так интересно было узнать, как туда попадает звук. Все было интересно, все хотелось узнать!

Отец стал работать завхозом Мартукской МТС[№]там же мы и жили, во дворе. После восьмого класса я стал работать помощником комбайнера, нас называли штурвальными. Хорошо помню комбайнера, Лупарева. Он меня очень хорошо натаскал. Именно благодаря Лупареву я до сих пор прекрасно разбираюсь в комбайне. С нас строго спрашивали, но и помогали, решали многие проблемы. Так мне помог Рейнер, восстановил зарплату.

В 1956 году был просто небывалый урожай. Я заработал тогда 25 пудов зерна. С элеватора его получал отец. Как он был рад! Как он гордился, когда его поздравляли наши старики с тем, что его сын заработал хлеб.

Я закончил Боровской лесной техникум в Кокчетавской области, учился в Уральском сельхозинституте. Моя специальность — инженер-лесовод.

Самая моя большая гордость — это лесхоз в Комсомолском, с благоустроенными домами и всеми условиями для жизни. Все деревья посажены здесь мной и я этим горжусь».

Куан Хамза Казиханулы сейчас пенсионер. Жена, четверо детей, пять внуков и уже восемь правнуков — главное его богатство. Он везде хочет быть первым — выращивать самые красивые цветы, собирать самый богатый урожай овощей и фруктов на своем участке, побеждать в спорте. Цель его жизни — оставить что-то хорошее молодым, помочь им выбрать правильный путь, чтобы был мир на его Родине и на всей земле.





Римма Степановна Погуляй

О непростой судьбе этой замечательной женщины можно написать роман в нескольких томах...

«Я родилась 28 февраля 1939 года в Киевской области, в селе Каменная Гребля Сквирского района. Папа и мама были самыми обыкновенными честными тружениками. По профессии папа — комбайнер, перед войной работал бригадиром. Мама трудилась звеньевой полеводов. На наших полях выращивали сахарную свеклу. Мне еще не исполнилось и полгода, когда мой папа умер от крупозного воспаления легких. Лето тогда стояло очень жаркое, водовозы не успевали доставлять питьевую воду. Папа не только напился, но и облился ледяной водой — этого оказалось достаточно. Ему не было тогда и 36 лет. Мама осталась одна с тремя детьми, мной и двумя моими старшими братьями. Еще один мой брат умер в 1939 году от дифтерии.

В нашем селе не было даже радио, первый черный громкоговоритель, единственный на округу, был установлен только в 1946 году.

В 30 километрах от нас находилась Белая Церковь. Это большой город в Киевской области, в 80 километрах от Киева. Немецкая авиация снача-

ла бомбила Белую Церковь, а затем и Киев. Звук разрывающихся снарядов и бомб напоминал работу какого-то гигантского механизма, этакой мясорубки по уничтожению людей. Даже маленькие дети, такие, как я, чувствовали нарастающий ужас при этих звуках авианалетов и старались спрятаться.

Через село часто, почти каждый день, шли немецкие обозы — забирали все, что можно: муку, яйца, творог, молоко, зерно... и самих жителей села забирали, особенно молодых девушек и женщин. У нас была лошадь, мы ее очень берегли. Мой старший брат Анатолий (ему было тогда 17 лет), как только слышал звук подходящего обоза, уводил нашу лошадку в лес и там прятался вместе с ней, пока немцы не уезжали из села. Немцам так и не удавалось найти ни его, ни лошадь. Потом брата забрали на фронт, и он погиб в первом же бою на подступах к городу Львов. Куда подевалась лошадь — я уже и не знаю. Только хорошо помню, как плакала мама и все наши соседи.

Судьба второго брата, Иосифа, оказалась счастливее. Вплотную он познакомился с войной, когда чудом не лишился зрения, испытывая в сарае взрывчатку. Иосиф закончил ШМАС (школа младших авиационных специалистов) во Львове и воевал в авиационных частях, еще семь лет после войны прослужил в авиации, а после работал в Одесском аэропорту.

В 1942 году к нам вернулся с фронта односельчанин, весь израненный, с пулей в легких. Его звали Степан, как и моего папу. Говорили, что его жена связалась с полицией, поэтому к ней Степан не пошел. Мама моя, Антонина, была уже вдовой и они со Степаном поженились. А в 1943 году родился мой младший брат Георгий. Мама со Степаном жили дружно, помогали друг другу. Я не только называла его папой, я действительно всей душой к нему привязалась. Слово «отчим» к нему совершенно не подходило, он был мне настоящим отцом. Работал Степан бригадиром, ведь у него за плечами было целых два класса начальной школы.

Прямо рядом с нашим домом стоял немецкий штаб. Немецкие офицеры часто затаскивали туда наших девчат и нам было слышно, как они кричали. За моей мамой — а она была очень красивая, статная, под утро пришел офицер, стучал в окно и в дверь. Как только мама подошла к окну посмотреть, он сразу выстрелил. Пуля чуть не задела меня и застряла в стене комнаты, где я спала. Большое счастье, что немец не попал в маму. Вот тогда-то мне стало по-настоящему страшно. Теперь я понимаю, что немец тот приходил, может и не за маминой красотой, а хотел попасть к нам на крышу. На крыше нашего дома мой крестный дядя Вася смонтировал миниатюрный радиоцентр и ежедневно поднимался туда, чтобы передать или получить информацию. Моя крестная мама, тоже работала на радио, тоже была засекречена. Я узнала об этом после войны.

От немцев и немецких обозов мы прятались в погребе. Наш погреб был как бункер, вместительный, изнутри обложен камнем, в нем помещалось много народу. Мама и соседей прятала у нас, и соседских детей.

Когда наши войска наступали, в нашем доме размещали солдат. Они были очень худые, спали на соломе, на полу, но зато в тепле. Мама очень старательно за ними ухаживала.

Майские праздники 1945 года помню плохо. Да видно, тяжело было праздновать — со слезами на глазах, ведь почти все мужчины, отцы и сыновья, остались на полях войны. Помню, приезжал брат, в летной военной форме, с лычками старшего сержанта. Много рассказывал, ходил к соседям. Два послевоенных года были очень голодными, стоял неурожай. Мы собирали на полях остатки сахарной свеклы и маленькие картофелины. Хорошо еще, что у нас была корова, фрукты тоже спасали — садов после войны все-таки много сохранилось. Но голод все-таки давал о себе знать, много людей умирало, жить было беспокойно.

Школа у нас работала и в годы войны. Я пошла в первый класс в 1946 году. Я очень хотела и любила учиться. С одеждой, обувью, бумагой, учебниками и другими школьными принадлежностями еще долго мы испытывали трудности. Школу я закончила на «отлично», затем поступила в Белоцерковское медицинское училище без экзаменов. В училище была комсоргом курса. После окончания в 1956 году была направлена и проработала почти два года заведующей межколхозным родильным домом — все это в 17 лет! Это был 1957 год. В этом году я вышла замуж за военного летчика, а через год у нас родился у нас сын, уже в Фергане. Быть женой военного — совсем нелегкое дело. Почти десять лет мы жили на колесах — Туркестанский военный округ: Фергана, Фрунзе, Токмак, Тахиа-Таш — в каждом месте мы задерживались около года или чуть больше. Все было хорошо, мы любили друг друга, подрастал наш сынок. В 1961 году мы переехали в Актюбинск, где в 1965 году я поступила в мединститут, сын пошел в первый класс, а мужа перевели в Сары — Озек. Я с сыном осталась жить в военном городке в Актюбинске. И на свой день рождения, 28 февраля, я получила от мужа открытку с двумя желтыми розами... он написал, что полюбил другую и у его избранницы скоро будет ребенок. Мы развелись. До сих пор не могу без слез вспоминать об этом! Молодой, красивый капитан понравился дочери командира авиаполка и она сделала все, чтобы выйти за него замуж. Если бы он не согласился, наверняка пострадала бы его карьера. Писал потом иногда, видно, особой любви там не было... Я продолжала жить и работать, закончила мединститут, но вскоре мне пришлось оставить работу врача акушер-гинеколога из-за появившейся аллергии на сулему, которой тогда обрабатывали руки. Меня перевели работать в облсовпроф сначала доверенным, а позже главным доверен-

ным врачом. Там я и познакомилась со своим вторым мужем, Николаем Дмитриевичем. Николай Дмитриевич к нашему знакомству год как овдовел, дети жили отдельно и он уже был дедушкой. Николай Дмитриевич немного постарше меня, он родился 25 июля 1931 года в селе Новоалексеевка Хобдинского района. Как он сам говорил, мама родила его на колхозном поле в копне соломы, прямо у речки Хобда. Наверное, поэтому сохранилась у Николая на всю жизнь тяга к земле и верность своей Родине — Казахстану. Родители Николая приехали сюда в 1928 году с четырьмя детьми с Харьковской области, спасаясь от голода. Так что у нас с Николаем украинские корни. Они добирались до Казахстана на подводах почти полгода. Сильно выручал отец Николая, мастер на все руки. Он был и сапожник, и валяльщик, умел копать колодцы, класть печи — везде, где только не останавливались, для него находилась работа. Была работа, значит, была еда для семьи, ночлег и корм для уставших лошадей. Николай испытал все тяготы военного времени. В конце войны он уже работал монтером, наравне со взрослыми, прокладывал свет — и радиолинии от Хобды до Мартука. А отец работал на шахте в Куросашае.

Николай был одним из первых комсомольских вожаков в Хобде. По его задумке и под его руководством молодежь построила первый клуб — кстати, он существует до сих пор. Николай с добровольцами помогал убирать зерно, во время войны организовал с такими же подростками тимуровское движение — люди до сих пор его помнят.

В армию его призвали с должности первого секретаря Хобдинского райкома комсомола. Было ему тогда 21 год. Николай Дмитриевич активно организовывал работу комсомольцев района по восстановлению и налаживанию жизни после разрушительной войны. За свою самоотверженность Николая Дмитриевича часто называли Павкой Корчагиным. Служил на Семипалатинском полигоне в железнодорожных войсках. Во время службы был членом бюро Усть-Каменогорского горкома комсомола, и после демобилизации в 1956 году не оставлял комсомольскую, а затем и партийную деятельность. В 1964 году, имея уже трех детей, закончил Высшую Партийную Школу в Алма-Ате. Его деятельность всегда тесно переплеталась с сельским хозяйством и проблемами в этой области. Так, в 1980 году, работая начальником облсельхозхимии, он открывает филиалы во всех районах области. Построил административное здание на ул. Сатпаева (сейчас в этом здании находится городской суд) и складские помещения для хранения удобрений в районе АЗФ. С ноября 1981 года и до выхода на пенсию в июле 1991 года занимал должность председателя обкома профсоюзов работников сельского хозяйства. Вышел на пенсию и до 2011 года работал председателем городского общества «Садовод», а затем был во главе одноименного крестьянского хозяйства.

Николай Дмитриевич — персональный пенсионер Республики Казахстан, имеет Орден Трудового Красного Знамени, ему присвоен статус участника трудового фронта, к этому списку прибавляются и десять правительственных наград. Николай Дмитриевич является Почетным Гражданином Мугоджарского района, его имя занесено в Энциклопедию этого района. Жаль только, что ко всему этому с 2015 года приходится добавлять такое маленькое и такое жесткое слово — «был».

И все-таки, несмотря на войну, голод, совсем непростые события в личной жизни, потери и лишения я считаю, что мне, по большому счету очень повезло в жизни.

Я довольна своей судьбой».

Римма Степановна проживает в старой части города. Она по-прежнему среди людей и всегда спешит на помощь. Использует свои медицинские познания, сотрудничает с международными корпорациями, практикующими лечение на основе трав.



Молдан Сансызбайұлы Боханов

Молданның жиені Наурызбай Райбек жазды:

Боханов Молдан Сансызбайұлы 01.01.1938 жылы Жұрын ауданында дүниеге келген. Отбасында: әкесі, анасы, және інісі болған. Әкесі прораб болып жұмыс жасаған. Анасы ауыл шарушылығымен және егін шаруашылығымен айналысқан, үй жануарларын баққан және егістікте жұмыс істеген. Ал інісіне келетін болсақ, ол нағыз соғыс кезінде 18.09.1942 дүниеге келген, кейіннен шамалы өскеннен соң, ағасына көмектескен.

«Ұлы Отан соғысы басталған кезде, 1941 жылы хабар, ауыздан — ауызға тарап, бізге де жетті. Ол хабарға әркім әртүрлі түсінді кейбіреулері оның не екенін білмей түсініспеушілікпен қараса, екіншілері бірінші дүниежүзілікте болып, оның зардабын шеккен адамдарда болды. Оларға өте қиын-қыстау кезеңі болды, өйткені өмірінде екі бірдей соғысты көру оңай емес. Қайткенмен де барлығы, оңай болмайды екенін түсінді. Сөйтіп, 18-ден асқан біздің елді — мекеніміздің ер-азматтарын соғысқа алып кете бастады. Оларды алып кету үшін қаладан әскер басылары келіп, соғысқа аттанайын деп жатқан азаматтардың аттарын айтып, келешек жауынгерлерді машиналарға немесе арбаларға салып алып кетіп жатты. Қаладан ағаштан жасалған вагондарға отырғызып майданға аттандырған. Осындай жағдайды күтпеген әйелдер, қыздар және аналар көз жасын тыя алмады. Аман-сау, соғыстан жеңіспен оралғанын тіледі. Ол кезде мен үш жасар кішкентай бала болатынмын, бірақ жан-жақта болып жатқан жағдайларға байланысты тез есейіп кеттім десекте болады. 1942 жылы менің де әкем соғысқа аттанды және сол уақытта менің інім туылған болатын. Ол кетер кезде маған «осы үйдің үлкені сен боласың, кішкентай ініңді және аңанды абайла!» деп айтып кеткен еді.

Соғысқа еркектердің көбісі кетіп қалды, бірақ қарттармен кішкентай балалар қалды. Сол кездегі азық-түлік тапшылығына, киетін киім аз болғанға қарамастан мектептерде білім беруді тоқтатқан жоқ. Мектепке барып жүрген балалар, сабақтан шыққаннан кейін бірден уйге барып үйіне ата-әжелеріне, аналарына көмектесіп жүрді. Өз жасыма қарамай барымша анама үйде кішкентай інімді бағысуға, мал жайлауға шамалы болса да барымша көмегімді бердім. Азық-түлік тапшылығы сол кезде өте күрделі мәселелердің бірі болды, біздің отбасымызға оңай болған жоқ, кішкентай нанды өз арамызда бөлісіп, ол болмаса қатқан теріні жеуге дейін барғанымыз бар.

Бірақ соғыс кезі тек қана қиыншылықпен аяқталған жоқ. Олкездің де өз қызықтары болды. Балалармен көлге барып, балық аулайтын едік, оны үйге әкеліп анама көрсеткенде қуанып, кейіннентамақ жасап беретін еді, бірге отырып әкемізден келген хатты оқитын едік. Ол хаттың ішінде біздің қал-жағдайымызды сұрап бізді қатты жақсы көретіні туралы жазатын еді. Менің анам әкемді ойлап, біздің өміріміз жаман емес, кішкентайлар өсіп жатыр, барлығы жақсы уайымдамасын деп, қайтара жауап хат жазатын еді.

Көзді ашып-жұмғанша соғыста өте кетті, 1945 жыл 9 мамыр соғыстың Герман елінің жеңілуімен аяқталды деп халайық шулап жүрді. Бұл жаңалықты халық қуанышпен қарсы алды. Жеңіс оңайлықпен келген жоқ, ол үшін өз өмірін қиған ер-азаматтардың көбісінің отбасыларында туыстары, балалары, әкелері қайтып оралмады. Бірақ менің әкем соғыстан оралып келді, үйге қайтып оралғанда, біздің қуанышымызда шек болған жоқ.

- 1946 жылы орысша 1 класс оқыды.
- 1953 жылы қазақша 4 класс бітірді.
- 1953–1954 жылдары Пром Шубаркудықта трактористікке оқиды.
- 1954 жылы Тың игеру кезінде тракторист болған.
- 1957 жылы автошколада оқыды.
- 1958 жылы шофер (профессионал) ВД №221947.
- 1959 жылы бригадир, КПСС мүшесі.
- 1959 жылы Әбілғазина Мәкенмен үйленген.
Үш бала дүниеге келген. Боханов Қадырғали,
Боханов Бақберген, Боханова Шолпан.
- 1987 жылы көп жылдық еңбегі үшін «Ветеран Труда» медалін берген.
- 1995 жылы зейнеткер куәлігін алады №1109515.
- 2005 жылы «Тыңға 50 жыл» №12163 медалімен марапатталды.

Қазіргі таңда зейнеткер әйелімен бірге балаларының қолында Мұғалжар ауданы, Жаңажол ауылында тұрып жатыр. Оның 8 немересі бар: Берік, Серік, Еркебұлан, Меруерт, Ақмоншақ, Абылай, Райбек, Арсен және 6 шөбересі бар: Нұрбек, Сырым, Нұрали, Назерке, Әбілмансұр және Санжар. Мен көптеген қиындыққа мойынсұнбай, сыйлы, абыройлы, үнемі ақыл-кеңестерін беріп отыратын атамды мақтан тұтамын!





Бактыбай Утемисович Утемисов

Хочу начать рассказ со своего деда Кулмагамбета. К началу войны мы жили в селе Полтавка Мартукского района. Дед жил в Актюбинске с младшим сыном Тулемисом, которого уже в конце 1941 года забрали на фронт. Жену Тулемиса, сноху деда, мобилизовали на трудовой фронт. Дед мой остался один. Поэтому он переехал к нам, в Полтавку. 4 января 1942 года забрали на фронт моего отца, Утемиса. Эта дата так прочно врезалась в мою память, потому что ровно через десять дней после того, как отец ушел на фронт, родился мой младший брат, который сейчас живет в Алматы. Отец так и не увидел своего младшего сына. В 1943 году пришло извещение о гибели отца. Дед мой так и не смог пережить смерть сына и очень скоро умер. И не только он один так и не смог справиться с горем, пришедшим в наши дома, в наши семьи. Эта война пронзила своим кровавым копьём многие поколения нашего народа.



Младший сын, Тулемис, ушел на фронт немного раньше отца. Ему повезло — вернулся домой живым.

Я родился в январе 1936 года и встретил войну в пятилетнем возрасте. Первые годы было особенно тяжело. Стояли сильные морозы, неурожай, скот падал, да еще и постоянно тяжелые вести с фронта... Работать в нашем колхозе им. Ворошилова стало некому — ведь все молодые и здоровые мужчины ушли на фронт. Но не такой наш народ, чтобы его можно было сломать. На место ушедших встали на поля, к станкам, на фермы их жены, матери, совсем еще маленькие дети. Сутками не уходили домой, спали прямо на поле, работали до изнеможения, но никто не жаловался, не стонал, не проклинал судьбу. Гитлера и фашистов проклинали. И жили надеждой приблизить час победы, увидеть своих родных живыми. Мы все действительно стали единым фронтом и каждый солдат на фронте знал, что за его спиной родная земля, люди, которые верят в него, ждут его помощи и сами помогают, чем могут.

Я тоже работал с такими же мальчишками и девчонками. Помню, зимой 1943 было особенно холодно, как-то сразу закончилось сено и силос, скот начал погибать. Этого нельзя было допустить. Наши коровы, лошади, овцы — это ведь было и питание, и одежда, и тяговая сила в первую очередь для фронта. Я помню, как мама штопала и вязала носки и варежки фронтовикам, по ночам, при керосиновой лампе. Лампа коптила, керосин тоже надо было экономить, и его разбавляли, чем только можно. Мама делала заготовки для армейских полушубков — дубила и выделывала шкуры, отвозила в район, там шили дубленки и полушубки.

Как только появились первые проталины, скот стали выгонять пастись. Нас, как часовых выставляли вокруг этих проталин, чтобы стадо не разбегалось. Нас закутывали в старые пальто, заматывали в несколько платков и мы охраняли скот по шесть часов, потом менялись.

Весной надо было сеять зерно, сажать картошку. Зерно сеяли старшие ребята, а мы помогали сажать картошку. Поля были совсем недалеко от поселка. Приходилось пахать на коровах, лошади ведь почти не осталось. Корову очень трудно заставить пахать, она совершенно не понимает, что это такое и не умеет ходить под плугом. Как сейчас вижу эту картину: с одной коровой идут трое женщин. Одна женщина крепко держит буренку за рога и направляет, тащит ее вперед, другая сзади подгоняет, а третья идет за плугом, выравнивает борозду. В эту борозду мы кидали картошку, а женщины за нами закапывали.

В обед нам давали нож, ведро картошки и воду. Картошку надо было почистить и сварить. Не у всех получалось, но плакать и жаловаться было не принято. Если такое случалось, тут же следовало наказание, причем не обязательно от своей родной матери. Поэтому работали молча. И какое

же утешение, какая надежда звучала в простых словах наших черных от работы, от боли и неизвестности матерей «Вот кончится война!...». Вот так я стал мастером по чистке картошки. Сейчас можно сказать, что не так уж и голодно, ведь была же картошка! Но если только картошку есть каждый день, без хлеба... мы собирали по полям колоски, но я не помню, чтобы кто-то из моих ровесников съел сам хотя бы зернышко! Хорошо еще, что сохранили коров, и поэтому было молоко.

Еще помню, что мама и другие женщины «фаршировали» куриц для фронта. Фарш — это был какой-то наполнитель, чтобы курица дольше не портилась. С женщинами постоянно находился один старый русский мужчина, помогал, руководил.

В 1943 году пришло извещение о гибели отца. Детство мое закончилось навсегда.

В 8 лет я пошел в первый класс. Пойти с 7 лет не удалось — не было одежды. До самых морозов мы бегали в школу босиком. И вот в ноябре, когда уже выпал снег, я пошел в школу в носках. В классе я расплакался не столько из-за холода, сколько из-за обиды — ведь у многих были, хоть и старые, сапоги или валенки. Ко мне подошла моя учительница, Евдокия Яковлевна, и когда она поняла, в чем дело, сказала мне: «Иди домой и не приходи в школу, пока не появится обувь! А то ты заболеешь и умрешь!». Умирало действительно много. У нас в 1 первом классе было 19 детей, а во втором — уже 12. И никто не спрашивал, где они. Стоял такой холод, что замерзали чернила. Чернила мы делали из красной глины, настоящих чернил не было.

Евдокия Яковлевна сама приходила ко мне домой, раскладывала учебники и учила меня. Это была самоотверженная женщина — я сейчас понимаю, она ведь ходила ко всем таким «босоногим» ученикам. Учила меня на дому до тех пор, пока мне не сваяли самые настоящие валенки. Уроки я делал, лежа на животе возле керосиновой лампы: близко-близко к фитилю, чтобы меньше керосина расходовать. Лежа выводил буквы на обрывках бумаги, читал, учил правила.

Помню двух мальчиков — чеченов. Они просили хоть какую-нибудь еду, брали даже картофельные очистки. Потом их не стало.

Немка с дочкой, переселенцы с Поволжья, тоже долго ходили по дворам. Немка не просила, она старалась обменять свои и дочкины вещи на еду. Помню, как она принесла нам дочкины ботиночки, мне они понравились, я их даже мерил, но они были малы. Потом не стало и этой немки. Говорили, что нашли мертвой ее дочку, а сама она пропала. Таких много было, ходили по деревням, мы все их подкармливали, делились, чем могли. Многие выживали и оставались надолго, работали вместе со всеми, но и умирали тоже многие, в основном те, кому не было, где жить. От холода умирали.

Наступила еще одна военная весна. Снова проявились проталины, возле домов накопились кучи навоза — его специально собирали, чтобы делать кизяк — основное топливо в морозные зимние дни. И вот вижу — на самую большую кучу забирается мужик с вилами и что-то бормочет. Прислушался — а он как бы выдыхает каждое слово: «война кончилась... война кончилась». Стал народ собираться. Подъехал на бричке председатель наш, одноногий, выбрался из телеги, встал возле этой кучи и громко сказал: «Война кончилась. Победа!» Толпа разделилась на две части — одни радовались, смеялись, а другие плакали. Впрочем, может быть, многие плакали и от радости. Нельзя сказать о Великой Победе точнее, чем словами «Это радость со слезами на глазах».

Началась мирная послевоенная жизнь. Впереди было еще много трудностей, но это были трудности созидания, и потому их легче было преодолеть.

Моя мама всегда хотела, чтобы я учился. Меня всегда привлекала профессия инженера, и я хотел поступать в Карагандинский политехнический институт. Чтобы ехать в Караганду, нужны были деньги, и мама согласна была даже продать нашу кормилицу, единственную корову. Я же не мог этого допустить и решил год поработать, чтобы все оплатить самому. Работал я писарем в МВД и в 1955 году у нас открывается пединститут, куда я и поступил.





Именно Победа в той войне дала возможность мне и моим ровесникам выбирать профессию, учиться, строить, любить и просто жить. И я горжусь тем, что в Великой Победе есть и моя частичка — маленького мальчишки в женском платке, повязанном поверх ветхого пальто.

Утемисов Бактыбай, профессор Казахско-Русского Международного университета, кандидат исторических наук, Ветеран трудового фронта Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г. не просто продолжает работать преподавателем, находясь на заслуженном отдыхе. Он частый гость на различных форумах и семинарах, пользуется уважением среди преподавателей и студентов. Его хобби: коллекционирование материалов об исторических личностях. Но поскольку это очень большой объем, в последние годы Бактыбай Утемисов перешел к сбору литературы только по серии «Жизнь замечательных людей». В его собрании около 70 томов. Из этих томов он делает выписки, формируя своего рода «Антологию мудрости». Жена, Самига Карагуловна, по образованию финансовый работник, большую часть жизни проработала в сфере иностранного туризма. Сейчас на пенсии, увлекается кулинарией. И хотя бы раз в месяц готовит совершенно новое диетическое блюдо.



Ольга Степановна Кирко

Ольга Степановна родилась 29 мая 1928 года в селе Шелестово, Коломатского района Харьковской области.

«С 30 года начался голод. В 1932 году один за другим умерли папа и мама, от голода. Нас с братом, брат был постарше, 1919 года рождения, забрали в детдом. Благодаря этому мы и выжили. Питались тоже плохо, но все-таки каждый день.

Когда началась война, времени раздумывать не было. Немцы ведь очень быстро шли сначала. Меня из детдома забрала к себе тетка, она жила там же, в Шелестове. Шелестово было не просто село, это тогда большая узловая станция была. Немцы шли и шли каждый день, забирали людей, скотину, из дома все выносили. И пешком шли, и на машинах, и на мотоциклах целыми колоннами. Люди старались спрятаться в погребках, в поле — кто где мог. Тогда немцы жгли хаты, поднимали погреба. Дым такой прямо тяжелый был, долго стоял. До сих пор помню: давай — давай, картошка, яйка, курка... девчат молодых забирали — что с ними потом было, никто не знает, не видели их больше. Мины оставляли кругом. Детишки потом на них подрывались, да и взрослые тоже. В лесу по два — три дня сидели.

В Брянских лесах было много болот, там немцы не проходили. Целыми колхозами народ туда уходил прятаться, а потом и партизанскую борьбу начинать. У свекрови сына убили, так она по всему поселку ходила, трупы переворачивала, искала. Нашла, всего исколотого штыками...

Бомбили много и часто. Особенно, когда шли эшелоны на фронт. Прятались в погребах, у чужих людей часто ночевали. Как только начиналась бомбежка, все тикали как можно дальше от станции, там сильней всего бомбили. А потом я вовсе перестала прятаться, убьют — так убьют.

Мы перебрались в другое село, километра за три от Шелестова. Так и жили. Хаты у нас были рубленые, крытые соломой. В вечернее время и ночью свет не зажигали, потому что немцы сразу прицельно бомбить начинали и наши деревянные хатенки вспыхивали, как спички.

Потом стали раненых возить, и наших, и немцев. Раненые, без рук, без ног кричали: «добейте меня!». Трупы просто в кучи складывали, мы их потом хоронили, и наших, и немцев.

Мой старший брат переехал в Пермь, служил в морфлоте, был капитаном. С начала войны служил в Ленинграде, там же оставался и во время блокады. Рассказывал, что в первые месяцы блокады съели все, что двига-

лось. Даже кошек. Из-за этого потом город еще и крысы стали одолевать. Ленинградцам даже несколько вагонов кошек специально привозили с Большой земли.

До войны я еще училась, а уж во время войны не до учебы было. В поле работали, колоски собирали. Выживали. Все работали с раннего утра и до позднего вечера. И не забывали помогать тем, кому было особенно тяжело.

На 9 мая был митинг. Помню, выступал на нем герой, с орденами и медалями. Поздравлял всех. И на том же митинге его арестовали. Оказалось, что это был полицейский из соседнего села. Люди говорили, что он повесил на турнике парнишку, якобы за украденную для партизан курицу. Вот такая у нас Победа была! Потом стали с войны мужчины возвращаться, колхозы стали работать. Я и в войну на току работала, и после войны. Потом уже выучилась и пошла работать лаборантом».

Сноха Ольги Степановны, Анна (Галина) Ивановна о войне тоже немало знает из рассказов своей матери, Анастасии Николаевны. «Семья мамы жила в селе Костырево, Соснинского района, Черниговской области. Красивые места! Прямо через поселок протекала река Сейм, она впадает в Днепр. И вот на всю эту красоту начали падать бомбы. Старший брат ушел на фронт. Младшего брата Анастасии забрали в плен и отвезли в Германию. Сама Анастасия ушла в партизаны. В Полесье было очень много партизанских отрядов. А в поселках орудовали фашисты и полицейские.

Партизаны жили в землянках, сами их отрывали и обустроивали. И одежда, и обувь у них была хорошая, население всегда помогало своим защитникам. Анастасия сушила сухари, за ними раз в неделю, раз в 10 дней приходили из леса партизаны. Все жили дружно, помогали друг другу.

Дом отца Галины разбомбили, его самого контузило. Он был 1930 года, мальчишка совсем. С тех пор у него часто и сильно болела голова.

В каморах (так назывались комнаты) стояли скрыни — сундуки на колесах, под ними был подпол. Там все прятали и сами прятались. Прятали и партизан, и всех наших. Наши для всех жителей поселка были русские. В Полесье немцев не было, так как там много непроходимых болот. Но бомбили часто. Поселок еще и затапливало. Плотины каждый год делали. Там и сейчас дома на высоком фундаменте строят.

Во время войны всю мужскую работу делали женщины. Тяжелей всего было заготавливать дрова. Никаких сил не хватало. Пилили по очереди двуручной или даже простой пилой. Сначала надо было дерево повалить, потом обрубить большие ветки и сучья, и только после этого распиливать.

Пряли лен, выдвельвали коноплю. Коноплю отправляли в соседнее село Батурино, там из нее делали нитки, плели сетки. Жители поселка сами ткали полотно и шили из него платья и рубашки. Полотно красили дубовой корой, луковой шелухой, корой крушины. И даже в военное вре-

мя находили минутки, чтобы послушать гармошку и даже потанцевать. Но такие минутки были очень редкими, ведь под бомбежкой не потанцуешь, надо было прятаться.

Пекли калинянчики — картошка, а внутри калина. Калину всегда заготавливали в больших количествах, сушили на балках на чердаке. Потом отрывали ягодки, облепляли толченой картошкой и запекали. Такие вот витаминные пирожки получались. Из картошки пекли коржики, сдабривали толченым маком. Получалось очень сытно.

После войны, в 1950 году, мама вышла замуж, вырастила двоих детей — сына и дочку».



Ольга Степановна живет вместе с сыном Николаем и снохой Галиной в Актобе. Зимой коротает вечера у телевизора, иногда вяжет. Летом всеми силами пытается помогать на даче: пропалывает грядки, поливает, кормит курочек. Сидеть без работы она просто не может — не привыкла. На фото Ольга Степановна вместе со своей снохой Галиной, которая тоже принимала участие в нашем разговоре.





Мария Владимировна Котлововская (Келлер)

Мария Владимировна родилась 19 августа 1932 года в городе Кинешма, Ивановской области. Ее родители были простыми рабочими. Мама, ее звали Клавдия, уже в 15 лет ушла из деревни в город, где и проработала всю жизнь на текстильной фабрике. Отец, Владимир, был простым электриком.

Семья была по тем временам не особенно большая, всего двое детей, Мария и ее старший брат Серафим, который родился в 1925 году и был на семь лет старше.

В деревне Никульской, откуда ушла в город мама Марии Владимировны, осталась жить семья маминого брата.

«Мамина родная деревня, просто необыкновенной красоты, была расположена на высоком берегу Волги. Волга огибала ее с трех сторон, к берегам которой местами вплотную подходил лес, вдали, в серой дымке тумана виднелись очертания холмов, луга с пестрыми цветами и вкусно

пахнущей травой. А по самой реке проплывали тяжелые баржи, легкие катера и большие пароходы. Казалось, что деревня посягнула на Волгу и заставила ее сделать такой крутой изгиб. С этого изгиба мы часто наблюдали за пароходами, иногда рассматривали их в бинокль. Если спуститься в овражек, можно увидеть ключик, колодец и запруду с мостками для полоскания белья. От ключика бежит ручеек, который приводит на поляну, сплошь покрытую ковром нежных голубоглазых незабудок, вобравших в себя всю синеву хрустальной родниковой воды.

В этой деревне жила семья маминого брата. Здесь жили жизнерадостные, с открытой душой, щедрые и добрые труженики. В хорошие довоенные времена мы всегда приезжали туда на праздники. Собиралась вся родня по дядиной и тетиной линии. Только двоюродных братьев и сестер было 15 человек! Из дома выносили все лишнее, столы ставили от стены до стены. Каких только не было там кушаний — мясные и рыбные блюда, пироги, сладости, грибы. Праздники справлялись в каждом доме. Но у нас у всех были хорошие голоса, мы любили петь. Нашим хором управлял дядя. Такие песни, как «Скажи — ка, дядя, ведь не даром», про Бородинское сражение и «Вечерний звон» я до сих пор не могу сравнить ни с каким классическим исполнением. Когда мы пели, многие соседи приходили просто послушать. Даже у меня, 5–6-летней несмышленной девчушки, песни вызывали такой душевный восторг, что от избытка чувств на глаза наверстывались слезы. И во время войны оставшиеся в деревне женщины и дети тоже справляли праздники, хоть и не с таким размахом, иногда с болью и отчаянием, но чаще — с надеждой.

Деревня не только пела и плясала, прежде всего, все усердно работала. Уже с 8 лет дети зарабатывали трудовни, а на 1 трудовень давали 2 кг зерновых, льняное масло, мед... Овощи и фрукты выращивали на приусадебных участках, молоко, мясо и яйца тоже были свои. Больно видеть сейчас, как разрушаются и зарастают лесом такие деревеньки...

Папин отец, а мой дед — прусский подданный, механик по профессии, когда-то приехал в Москву, монтировал оборудование на Ивантеевской текстильной фабрике. Работу закончил, да так и остался в России. Познакомился с бабушкой и переехал к ней в Кинешму. Ради бабушки дед-католик принял православие, иначе им бы не дали пожениться. В Кинешме дед управлял паровой машиной, которая приводила в движение все механизмы на фабрике. После смерти жены он собрал всех своих сыновей — а у папы было еще пять братьев — и они все вместе разделили обязанности по дому. Дед не забывал и о том, что сыновьям надо дать образование, хотя это было совсем не просто. Папа шутил, что он учился 7 лет, а закончил всего 5 классов. Зато старший брат учился в гимназии и в реальном училище. Он стал не просто участником, но и организатором революции в Кинешме.

Папиного старшего брата на фронт не взяли, потому что под его контролем работало более 200 авиационных заводов, и, конечно же, имелась бронь. Его всегда отличало ответственное отношение к делу, где бы он ни работал. Во время войны ему как-то предложили сменить фамилию — все-таки фамилия была немецкая, да и два брата отбывали наказание как политзаключенные. Он ответил тогда «фамилия моего отца меня не компрометирует». Конечно, так говорить было небезопасно, но он продолжал спокойно работать. Работать было всегда тяжело, но все старались. Мне запомнилось, что людям оставляли надежду. Еще до войны, во время массового голода, когда хлеба не было совсем, дядя, который был тогда директором фабрики, говорил рабочим, что баржа сломалась, утонула, отправили новую, надо просто подождать... И люди верили и продолжали работать. Дядя всегда говорил: не позволяйте себе взять чужого, ни листочек, ни карандаш, ни горошинку. У нас на всю жизнь сохранились самые теплые отношения. Нашим поведением управляли дружба и любовь.

Мы всегда держали свое хозяйство. Во время войны, даже учитывая все налоги и сборы, свои продукты были хорошим подспорьем.

Перед самой войной мне приснился страшный сон. Мы играем на проселочной дороге между школой и нашим домом. Вдруг стало совсем темно. На горизонте образовалась огненная радуга, которую нес прямо на нас черный человек. А потом как-то сразу все утихло, но осталось сильное чувство страха. И пришла война.

Как началась война, я плохо помню. Да и многие дети того времени не сразу заметили изменения в повседневной жизни. Мы также бегали на Волгу, ходили в лес, играли. Только прибавилось работы в огороде, заготовка дров, выращивание овощей. Все дети этим занимались. Нас было семь подружек: Соня Голодухина, Римма, Кудрявцева (имя не помню), Инна, Мальвина и Валя. С мальчишками тоже дружили. На всех нас был один мяч, Юсм, очень маленький, это был мяч Инны. Во что только мы не играли этим мячом! Играли в стенку по очереди; как только мяч падал, очередь переходила к другому. Играли в лапту, прыгали на доске. Крутились на «гигантах» до тошноты. Еще нравилось ходить на ходулях. Все наши игры были сплошной физкультурой, мы становились закаленными, выносливыми и ловкими.

Работа на огороде была не слишком тяжелой, самым тяжелым был полив. Почти ежедневно надо было вылить на грядки лейками из бочки 24 ведра воды, нагретой за день солнцем. А потом снова заполнить бочку для полива на следующий день. И я на своих костлявых 9-тилетних плечиках таскала по два ведра на коромысле воду из колонки, ровно 24 ведра. И колонка была не близко, и очередь там постоянно собиралась. Поэтому пока наполнишь бочку водой, на улице и стемнеет, и рассветет. Зато вдо-

воль можно было налюбоваться закатами и рассветами на нашем верхнем Поволжье! Эта красота осталась в моей памяти на всю жизнь. Если бы не эти хождения по воду, я бы и не запомнила эти закаты. Как тут не вспомнить пословицу «Нет худа без добра»! Чтобы быстрее заполнить бочку, я почти бегом преодолевала расстояние до колонки и обратно. Кроме полива надо было полоть, рыхлить землю, окапывать картошку. Огород был спасением от голода, поэтому каждое овощное растение лелеяли, чтобы был хороший урожай. Под картошку вскапывали каждый кусочек земли: и дорожку, и тропинки, даже канавы выравнивали. Труд очень тяжелый, но я не помню усталости. Зато бессонницей никто не страдал.

Уходя на работу, Мама поручала мне внимательно слушать по радио сводки Совинформбюро и записывать, какие города сдали и какие освободили. В какой-то момент я представила, что немцы нас победят. И я, 8-миглетний ребенок, с полной уверенностью решила, что лучше умереть. Вот как мы любили свою Родину! Мне хотелось стать невидимкой, пробраться к немцам, все выведать, подслушать и рассказать нашим солдатам.

Во время войны мы продолжали учиться.

Только в школе исчезли тетрадки, и мы научились писать на краях газет и на оберточной бумаге. Чернила замерзали. Я училась, наверное, плохо. Примерно до 5 класса даже не знала разницы между двойкой и пятеркой. Но однажды я об этом задумалась и решила исправиться. И у меня получилось!!!! После войны я поступила в текстильный техникум. Учились мы в подсобных помещениях, в домах бывших фабрикантов, в сарайчиках, школьных мастерских, просто дома у кого-нибудь собирались. Все школы, техникумы были заняты госпиталями. Каждый день приходили составы с ранеными. За ними приезжали на лошадях, запряженных в сани или волокуши. На раненых просто не было живого места. Мы ходили по палатам, пели песни, читали стихи, помогали писать письма. Шили салфетки, обвязывали крючком носовые платочки. И просто разговаривали с ранеными. Наверное, даже просто наше присутствие помогало бойцам справиться с болью, ведь мы напоминали им о родном доме, о детях, ради которых надо было продолжать жить и бороться.

Стыдно сейчас вспоминать, но мы, в 5 и в 6 классе, могли быть и жестокими. В нас как будто какой-то черт вселялся. Мальчишки издевались над старенькой учительницей. Забирали у нее со стола ручки, линейки, карандаши и прятали. Помню, у нас были ручки — с одной стороны перо, а с другой — карандаш, посередине их соединяла трубка. И наши мальчишки стреляли из этой трубки горелыми корочками хлеба, который нам выдавали в школе по 50 грамм!!! Девочки над такой «забавой» только смеялись... я уже тогда понимала, что деревенским мальчишкам жилось не так голодно, поэтому они и позволяли себе такое. Когда они приноси-

ли свежий хлеб и ели его, мы старались не смотреть или выходили. Никто ничего не просил. Мы с Соней заглушали голод морковкой, жевали ее прямо на уроке, учительница ругала нас и жаловалась директору. Чтобы быстрее уйти домой, мальчишки перед уроком вставляли между патроном и лампочкой мокрую бумажку. Когда она высыхала, свет гас, и нас отпускали домой. Наши «развлечения» прекратились весной после еще одной безобразной выходки. Перед нашей проселочной дорогой была большая канава, весной она заполнялась талой водой. Мы забрасывали ее оставшимся снегом. Извозчиков конечно об этом не предупреждали. Помню, один раз лошадь провалилась и погрузилась в ледяную воду почти до половины туловища. Хозяину пришлось ее распрячь и долго гонять, чтобы она не простудилась. Лошади ведь тоже голодали и трудились! И мне до сих пор стыдно за нашу безобразную проделку.

Мама стала вязать чулки, носки, майки, свитера. У нас имелись швейная машина и две вязальных, купленные когда-то в торгсинах за золотые вещи. К 10 годам я тоже научилась на машине вязать чулки и носки. Вязали, красили, обшивали и формовали вещи, а потом аккуратно складывали в большую корзину. С этой тяжелой корзиной я 2 раза в неделю ходила на базар и продавала вязаные вещи. Часть отдавала раненым в госпиталь. На вырученные деньги можно было купить булочку хлеба весом 400–500 грамм и полкило деревенского масла. Остальные деньги уходили на нитку и на краску. И подружки мои тоже чем-то подобным занимались, так как надо было выживать. Мама спала не более двух часов в сутки. Где только брала она силы, и где брал силы весь наш народ?! Наверное, в том чувстве плеча, взаимной поддержке и в надежде, которая всегда выручала в трудные времена.

Первым ушел на фронт дядя Вася Цветков, мамин брат. В колхозе осталась жена Зоя с четырьмя детьми, от четырех до двенадцати лет. Дети дяди Васи играли на гармошке, на мандолине, на балалайке и на гитаре. Это был целый оркестр! А еще мы очень любили петь. Когда мы собирались все вместе и пели песни со своим оркестром, многие приходили просто послушать. Дети дяди Васи, как и все остальные, во время войны работали в колхозе, самая старшая, Римма — на торфоразработках. Самые маленькие дети, даже четырехлетние, возили на лошадях сено на конюшни, получали за это трудодни. Этих маленьких возниц даже трудно было заметить на огромных копнах сена. Дядя Вася воевал недолго. Во время перебрасывания их части на новое место его ранило. После госпиталя его демобилизовали, и он вернулся в родной колхоз. Едва поправившись, он стал работать председателем. Старался сам выполнять мужскую работу. Но особенно тяжело было собирать продналог, его постоянно увеличивали. Доходило до сердечных приступов и нервных срывов. Но

дядя Вася, да и все остальные никогда не теряли чувства собственного достоинства, уважения к другим и чистой любви в семье. Детей никогда не били, не унижали. Самая большая строгость — это когда дядя Вася обращался к старшему сыну особенным голосом и по полному имени — Константин! О, это уже говорило о многом! Но такое случалось редко, а в военные годы я почти не слышала суровой интонации.

В декабре 1941 года в Кинешме расквартировали целую армию. Все военные были в белых овечьих полушубках, а кто на посту стоял, еще и меховой тулуп наделали. Двигалась бесконечная вереница новеньких зеленых повозок, запряженных лошадьми. Мы заворожено за ними наблюдали, иногда пытались прицепиться сзади и прокатиться хотя бы до окраины.

Первый военный год был неурожайный. Я мечтала только лишь о том, чтобы вдоволь было хлеба и картошки. Часто вспоминала Мамин пирог, а я отказывалась его есть!!! Мама дала мне кусок пирога, чтобы я отнесла его постовому, стоящему на морозе. Мне запомнился и тулуп на постовом, и этот кусок пирога. В голодные дни войны он постоянно стоял у меня перед глазами. Сначала в доме еще были кое-какие продукты. Скоро все как-то сразу закончилось: не стало муки, сахара, масла... Не стало хлеба. Мы с братом доставали с чердака сухари из корочек хлеба, которые мы сушили для куриц. Сначала мы даже выбирали корочки получше. Потом и корочки закончились. Варили остатки зерен пшеницы, потом рожь. Из-за проливных дождей вымокла и сгнила почти вся картошка. На хлеб ввели карточную систему. Рабочим давали по 500 грамм хлеба, учащимся — 300 грамм. На семью у нас выходило 1кг 100 грамм хлеба. Весь хлеб сразу разрезали на три равных кусочка. Я сразу съедала свой кусочек и терпела до следующего дня. Этот военный хлеб больше напоминал глину или пластилин, сплошной комок, без дырочек, без ароматного запаха. Как-то нам удалось взять хлеб на день вперед, поэтому в следующие дни нам стали выдавать хлеб после обеда. Весной у моей подружки Сони Голдухиной появился сюрприз в сапоге. Как-то сидели мы с ней на крыльчке, грели свои косточки. И вдруг Соня сказала: «Как ни отвлекайся, все равно все мысли в сапоге...» и ушла в дом. На полатях, в самом дальнем углу действительно лежал сапог. Соня достала сапог, вынула из него свой паек хлеба, аккуратно завернутый в марлю, развернула и отрезала тонюсенький — тонюсенький кусочек. Съела его. Я старалась не смотреть в ее сторону. Потом она снова завернула хлеб, положила в сапог и снова спрятала от самой себя на полатях. Когда бы ни встречались с ней позже, всегда вспоминали об этом сапоге.

Однажды Мама решила один день прожить без хлеба, чтобы снова получать паек по утрам. Я чуть не плакала, но согласилась. Брат тоже согласился. Мама сварила чугунок супа из посевной картошки, мелкой,

как лесной орех. Картошка была водянистая, чистить ее было трудно. Мама предложила съесть по одной картошке. Съели. Мама тут же сказала: «вкусная, как яичко», а я даже и сравнить ни с чем не могла, картошка казалась просто невероятно вкусной! Потом Мама насобираала в ларе крупинки вермишельки, хранившейся там до войны. Суп получился такой густой, сытный и необыкновенно вкусный! Я сказала Маме: «лучше вместо хлеба есть каждый день такой суп». Но мы ели в основном только пустые щи из зеленой квашеной капусты.

Голод вспоминать очень тяжело, без слез не обойтись. Самая большая мечта — картошка, предел желаний — кусочек хлеба, а мечтать о сахаре — это уже беспредел. Я сейчас не могу вспомнить ощущение голода, помню, что слезы сами катились из глаз. Однажды вечером я вот так расплакалась, а бедная Мама не знала, как меня утешить. У нее на вечер был оставлен маленький кусочек хлеба, и она разделила его со мной. Я уже понимала, что нельзя брать этот кусочек у Мамы, но все-таки взяла его и съела. И сразу высохли слезы, стало намного легче. Я и сейчас без слез не могу вспоминать об этом. Мама исхудала и почернела от голода, глаза запали, и уже совершенно нельзя было узнать в ней ту красавицу, какой она была до войны. Один из сыновей дяди Васи, приехавший в город, узнал ее только по голосу, когда Мама заговорила. Помню, у нас дома стоял большой сундук. Такие сундуки были тогда у многих людей. Там обычно хранились особенно ценные и памятные вещи. У нас в сундуке хранилась дорогая одежда, всевозможные шали, вологодские шарфы, отрезы. Там же лежала и богатая енотовая шуба моего дедушки Владимира. Сундук был для меня и памятью, и своеобразным «музеем». В какой-то безысходный момент, зимой, Мама взяла из сундука разные вещи, отрезы ткани и пошла за 25 км в родную деревню в надежде хоть что-нибудь продать или обменять на продукты. Однако в это тяжелое время роскошные довоенные вещи оказались никому не нужны, никто ничего не покупал. Мама остановилась у нашей тети, жены дяди Васи. Тетя Зоя накормила Маму и дала ей целый пуд (16 кг) муки, мяса, молока, хлеба. Это было целое состояние!!! Мама повезла нагруженные санки домой. По ровной дороге ей как-то удавалось тащить их, но на берегу Волги, там, где надо было подняться по крутому склону, силы ее закончились. Мама с тоской смотрела вверх, понимая, что санки она не затащит, и что по очереди поднимать продукты тоже невозможно. На ее счастье, на берегу стоял раненый (рядом был госпиталь), он увидел Маму и помог ей втянуть санки с поклажей на гору. До конца жизни Мама с теплотой и благодарностью вспоминала и молилась за этого раненого, совершенно незнакомого ей человека. Так тетя Зоя спасла нас от голодной смерти, ее дары помогли нам выжить в это трудное время. Вообще, между всеми нами были очень теплые отношения. Тетя Зоя при-

нимала нас с братом в деревне на каникулах вместе с еще тремя племянниками. Всего нас собиралось девять детей, и для каждого находилась и еда, и теплое слово. И мы старались помогать ей. Ведь простые труженики деревни кормили не только себя, но нашу армию, и не утратили доброты и человечности. Во время каникул нам жилось намного лучше, мы были сыты, нас окружали добрые и приветливые люди. Никто в деревне не ругался, а в дядиной семье даже никогда не повышали голос, ссор вообще не было. И как же приятно было видеть по утрам, как целуются тетя Зоя и дядя Вася, вернувшийся с войны. Мы рано научились ценить эти добрые отношения, эту чистоту и порядочность, чувство ответственности.

Но каникулы заканчивались, мы возвращались в город, где снова было голодно. Брат стал опухать от голода. Поэтому после 10 класса брат поступил в школу водозаводов, там давали целых 900 грамм хлеба! Мой брат хотел поступить в военное училище, но так как наш отец и брат отца были политическими заключенными, репрессированными, они отбывали срок в г. Кандалакши на Кольском полуострове, сразу поступить ему не удалось. А потом он ушел на фронт. Призвали его в 1943 году. Мама умолила его даже колобки испечь и сварила яички. С этим он и ушел. Отправили его с третьего раза. Когда мы провожали Серафима, слезы меня просто душили. Но я сдерживалась, чтобы не расстраивать еще больше брата и Маму. Чтобы умиротворить слезы, я напевала про себя песню:

*«Вот умчался поезд, рельсы опустели.
Милый мой уехал навсегда.
Черные ресницы вслед ему смотрели,
Черные ресницы, черные глаза».*

Я очень не хотела, чтобы мама и Сима видели мои слезы...

Много девушек из наших мест пошли добровольцами на фронт, и жена моего брата была среди них.

До отправки Симы на фронт вечерами сидели мы с ним и при фитиле читали. Дома было холодно. Я просила его: «Можно я усну у тебя на коленях?». Он обычно отвечал: «Нет, иди в кровать». Я просила: «Ну, Сим, ну можно? Я тебе 20 копеек дам!». В конце концов он разрешал. Я брала свою копилку «курицу», бежала к нему. Мы вытряхивали из нее 20 копеек и бросали их в его «медведя». Я несла две подушки, одеяльце и подставляла стул к его коленям. Одну подушку клала на колени, другую на стул. Закутывалась в одеяльце и засыпала. Потом он меня сонную переносил в кровать.

Серафим вообще как-то сразу резко повзрослел, когда отца арестовали в 1941 году. Ему тогда было 15 лет и 5 месяцев, а мне 8 лет и пять месяцев. Сима стал главным маминым помощником по хозяйству, самое главное,

заготавливал дрова. Я помогала ему пилить двуручной пилой. Потом мы уже сами с Мамой заготавливали дрова. За ними ездили на тачке в лес, за семь километров. Мама выбирала дерево, сама его срубала. Потом обрубала мелкие ветки и сучья, делила ствол на несколько частей и складывала поленья в тачку. Тачка была с одним колесом, ее и пустую не очень-то легко было возить. Мы вдвоем загружали дрова, а потом тащили ее те же семь километров до дома. Мама брала тачку сзади за ручки и толкала вперед, это было очень тяжело. А я тянула ее спереди за веревку, старалась объезжать кочки и овражки.

Ранило брата во время передислокации его военной части. Немцы бомбили дорогу, но Серафим почувствовал начало бомбежки, остановил машину и сам побежал, и всех заставил искать укрытие. Осколки повредили руку, бок и ногу. Сима рассказывал, что долго не мог добраться до санчасти, и ногу он спас благодаря опарышам. Эти личинки мух чистили ему раны, не давая начаться гангрене. После войны брат за два года закончил в Иваново 10-й класс, первый курс физкультурного института и экстерном 4-х годичный техникум. Всего за два года он сумел освоить шестилетнюю программу. Серафима отличал природный ум, он был начитан, для меня он был просто энциклопедией. Мы всегда были дружны с братом, он ко мне относился справедливо. Даже когда делали уборку, он поручал мне дела по моим возможностям. Постель всегда заправлял брат. Кровать была высокая, и я еще не могла достать даже до края и расстелить покрывала. Мне поручалось вытереть влажной тряпкой подоконники, протереть пыль с мебели. И в огороде мы вместе работали, Серафим никогда меня не подгонял, наоборот, заставлял отдыхать. Я любила своего брата, чувствовала в нем защиту и поэтому никого не боялась. Какое же это счастье, что он вернулся домой! И как же страшно было ждать писем с фронта, когда в конвертах таилась чья-то боль и уходила последняя надежда. Стали поступать извещения о гибели родных и знакомых: погиб мой дядя Паня — папин брат Павел (осталось пять детей от года до пятнадцати лет), сосед сгорел в танке, другой сосед погиб... В каждый дом и через дом приходили конверты, которые страшно было открывать. Всех не перечислишь, в каждой семье и в каждом доме теперь поселилась беда. Люди помогали друг другу, чем могли. Каждый старался щадить сердца и души других, ведь всем было одинаково тяжело. Голод, холод, тяжелый труд, потери, оккупация, эвакуация — достойно пережить все это помогало внимание и тепло окружающих нас людей. Я называю наше поколение «золотым фондом» страны. Мы сумели и защитить свою Родину, и сохранить все человеческие качества, остаться честными и порядочными людьми.

День Победы помню смутно. Было общее оживление, красные флаги кругом. Мы тоже сделали флаг из куска красной материи. Эти красные

мазки на каждом доме трудно забыть. Самое удивительное, что уже к 1947 году, когда отменили карточную систему, все уже было совсем как до войны. Работали заводы и фабрики, отремонтировали школы, цвели сады... А ведь прошло всего два года после окончания войны!

В 1951 году вернулся папа. Он мало рассказывал о лагере, но я поняла, что и там можно было выжить. По крайней мере, это была не война. Сначала было тяжело, холод донимал и скудная еда. Люди стали умирать. Потом начали выдавать полушубки, валенки, нормально кормить. Папа вернулся живой, здоровый, без психологической травмы. Если бы не лагерь, был бы фронт, а там он бы не уберегся. Папа прожил 88 лет на своих ногах. Я его очень любила...

После войны я поступила в текстильный техникум, работала на фабрике. И везде, где бы я ни училась и где бы ни работала, я чувствовала поддержку и заботу окружающих меня людей. Мастер спрашивал не только о выполнении плана, его интересовало и мое настроение, и самочувствие, и чем я утром завтракала. Это очень важно — знать, что ты не одна, что тебе всегда помогут, если нужно.

Мария Владимировна с гордостью говорит и о своем муже, **Игоре Степановиче Котловском**. Игорь Степанович кадровый военный, фронтовик, прошел с 1943 года всю войну и закончил ее в Берлине. От солдата до полковника. После войны Игорь Степанович продолжил военную службу. С 1967 по 1977 год он руководил единственным в СССР центром тропосферной связи, который находился в Актюбинске. Так началась семейная жизнь в Казахстане. В 1977 году ушел в запас и уехал с Марией в Тбилиси, где служил до перевода. Дети остались учиться в Актюбинске. После смерти мужа Мария Владимировна переехала к детям и уже почти тридцать лет живет в Актобе. У нее двое детей, пять невесток, восемь внуков и пока одна правнучка. Снова большая семья! «Я со всеми дружу», — говорит Мария Владимировна. Конечно, дружит, иначе она просто не умеет!





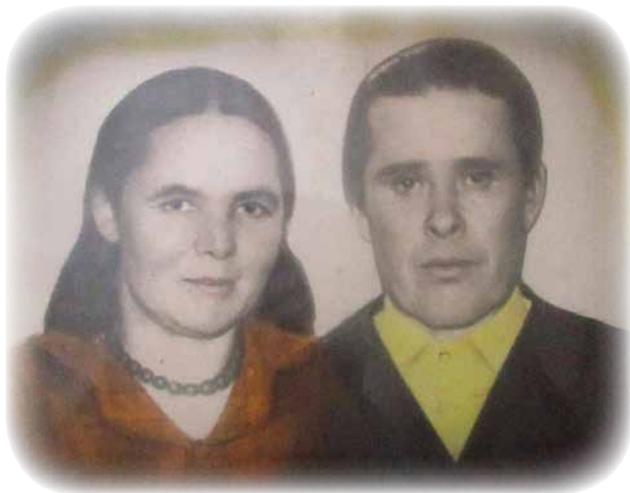
Зинаида Павловна Милютина

ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ

«Во время войны мы жили в колхозе Коминтерн. Приехали мы в Казахстан в 1939 году с Украины с Полтавской области, село Степановка. Мы — это мама, сестра Таня, я — Зина и маленькая Оля. Я родилась 2 января 1931 года. Родители мои — Варвара Трофимовна и Павел Александрович. Отец был из батраков, родом из города Ковель. В поисках лучшей доли его родители поехали в Астрахань. В пути отец и мать заболели чумой и умерли. Троих братьев и старшую сестру Шуру сняли с поезда. Старших братьев, моего отца Павла и Макара взяли богатые дяди. Сначала они пасли хозяйский скот, а потом стали батраками. Позже дядя Макар уехал в Казахстан, а Павел женился на рано овдовевшей Варваре, дочери волостного писаря. У мамы уже было трое детей, потом в 1926, 1931 и в 1936 родились еще трое. Жили в небольшой комнатке с прихожей и кладовкой — хыжей — в которой был погреб, а в нем стояли кадушки с огурцами и квашеной капустой. Стали организовывать колхозы, причем в самое голодное время. В 32–33 годах в еду все брали — и лебеду, и крапиву, даже суп из рогоза (это разновидность камыша) варили. Суп получался сладковатый и невкусный. Отец, хотя и не хотел, записался в колхоз. В колхозе варили какой-то суп, и мы с сестрой Таней ходили с кастрюлькой за супом

для мамы. Сами мы ели в колхозе, а суп и кусочек хлеба несли маме. Мама тогда от голода ходить не могла. Постепенно все налаживалось. У нас уже была большая усадьба, много соток, яблони и груши давали хороший урожай, капуста, кабачки, подсолнухи, картошка... я помню, как из конопли делали полотно и шили рубашки. Сначала коноплю вымачивали в речке, потом сушили и на тернице ломали, чтобы остались только волокна. Эти волокна мы мяли ногами. Ножки потом сильно болели и чесались. Маме доставалось самое трудное — прядь полотно. Мы ложились спать — мама прядет, просыпались — мама прядет. И когда она только спала? Но мы тогда об этом не задумывались. Летом мы на речке отбеливали полотно, красили дубовой или ольховой корой — получался красивый коричневый цвет. Из такого полотна шили рубашки и юбки. Так и жили.

В 1938 году папу по доносу арестовали, где-то сболтнул лишнее. Он очень надеялся, что его отпустят, но маме дали всего одно свидание, они толком и не поговорили. Больше мы отца не видели. В этом же году умерла Александра. Одно горе за другим!!! Папин брат позвал нас в Казахстан. Мама даже думала, может быть, папа тоже в Казахстане. И мы поехали в Казахстан к дяде Макару, и остались в Актюбинском районе. Помню, что взяли бочку семечек, бочку оттрепанной конопли, да постельное белье. Я первый раз увидела столько снега! Даже страшно было. По утрам приходилось прорывать туннели в снегу, чтобы выйти на улицу. Мы катались с крыши зимой, как с горки. Бывало даже, что по домам проезжал трактор. Такие большие наметало сугробы. Зиму мы прожили у дяди. Было трудно. Мама даже хотела вернуться назад, но уже не было на что, да и квартиру нашу уже заняли.



Я пошла в первый класс, сестра в 5 класс. В нашем поселке школа была до 4 класса. Одна комната, парты стояли в два ряда. В первую смену на первом ряду сидел первый класс, на втором ряду — третий. Во вторую смену учились второй и четвертый классы. Директором была учительница Елена Михайловна и еще был один учитель, Алифиренко Андрей. Вот в такой школе я закончила 4 класса. Сестра ходила за 2 километра в другой поселок, он назывался Промысловый. Там была нефтеразведка и детдом. Там была школа, и сестра ходила туда через лес. Мама работала в колхозе свинаркой, я после школы помогала маме пасти свиней. И вот грянула война. 1941 год, июнь. На улице около правления колхоза громкоговоритель орет «Война! Война! Германия напала на Советский Союз». Все бегут и взрослые и дети, женщины наши, мамы, все плачут. Всех мужчин на другой день увезли в Мартукский район, откуда сразу отправляли на фронт. Из нашего небольшого поселка мужчин больше десятка забрали, а потом и мальчишек со временем постарше, 25—26 годы рождения, тоже стали забирать. В общем, остались одни дети и женщины, да совсем старенькие дедушки. Пришлось нам учиться управлять тракторами. Тогда уже был универсал трактор. Девочек постарше, до 26 года, отправляли в МТС учиться на трактористок. И моя сестра Таня всю первую военную зиму училась там, точно не знаю, но за километров 20, может больше, от нашего поселка, там они и жили. Колхоз выделял им продукты, и повариха у них была, готовила простой суп из пшена. А девчонки и частушку сложили:

*А у нас всегда
Перемена пицци,
Утром суп, в обед супец,
А вечером супище.*

Таня ходила в лес за граченятами, мы варили из них суп. Но граченят трудно было добывать. Чаще мы ловили сусликов. Научились определять, какая у них нора — вертикальная, или горизонтальная. Если горизонтальная, то караулили у норки и хватали сразу, или петлей ловили. Из вертикальных норок выливали водой. Не только норки у сусликов были разные, сами суслики тоже отличались. Серые были пожирнее, а у коричневых была лучше шкурка. Шкурки сдавали, а сусликов тоже варили и ели.

Зиму учились, а весной сразу на посевную. Трактора заводились рукояткой. Тяжело для девочек было крутить. Трактор без кабины, ветер, холод, защиты нет никакой. Шла война, все труднее и труднее становилось, а мы школьники, нас после уроков учителя водили то сусликов травить — их было тогда очень много, посева портили, осенью водили колосочки собирать после уборки. Вот так мы и жили, детства у нас не было, мы сразу стали

взрослыми. После окончания 4 классов, сразу после экзаменов на посевную в бригаду, там и ночевали, домой не отпускали, работали ведь. Утром, чуть светало, подымали нас и вечером пока светло надо работать. Тракторов не хватало, те, которые были, часто ломались. Сложно было ремонтировать, ведь заводы работали для фронта, изготавливали оружие и снаряды. Пахали мы на быках и коровах. Быков запрягали в ярмо. Ярмо очень тяжело было надевать быку на шею. Одному наденешь потом другому, и поехали пахать. Быки были истощенные, голодные. Часто они уставали и ложились прямо в борозду. Тогда никакой кнут не помогал, они просто лежали, и все. Мальчишка обычно стоял за плугом, а девочка быков погоняет, нас учили сеять вручную. Нас учил старенький дедушка. Через плечо перекидывали мешочек с зерном на веревочке. Надо было рукой разбрасывать зерно в разные стороны попеременно. И надо было следить за тем, чтобы не кучей кидать, а пропускать зерно через пальцы. Следом сразу борошили, закапывали зерно. И в уборочную приходилось всё делать. Убирали урожай, комбайны прицепные были, трактор таскал их за собой. Потом сразу возили снопы. Комбайн стоял на месте, подавали ему в пасть. Я помню, я солому с половой отгребала от комбайна, и волокушей отвозила к скирде. На току веяли зерно. Веялку тоже крутили вручную, все руки потом в мозолях были. Солома шла на корм скоту зимой. Скотине тоже трудно приходилось зимой. Я одна первую военную зиму кормила 18 телят, сено давали по норме. Привезут сани сена и делят на кучки, коровам и телятам тоже. И нашим коровам доставалось немного. Тяжелая работа для 12 летней девочки, да всем было тяжело. Весной мои телята пошли пастись, пастух был, конечно, тоже мальчишка, а я опять в бригаду на посевную. Обязательно надо было выехать к 1 мая, быстро всех собирали — и в степь. Весной всегда каждый день дорог, а уж в войну — во стократ дороже.

Во время войны, не помню точно, году в 1942 или чуть раньше много привезли эвакуированных. К нам поселили одну семью из Ленинграда. Жили офицер с сыном, потом еще женщина с дочкой тоже с Ленинграда. Одна была врач хорошая и работала она в поселке врачом, а дочка с нами работала. Давно все было, даже имена уже не помню, только девочку помню — Галей звали. Много было чеченцев, но им все — таки квартиры дали хоть, хоть и несколько семей в одной, но зато своя нация, а русских поселяли ко всем, у нас одно время и еврейская семья жила. Но как только Ленинград освободили, так ленинградцы сразу уехали домой, а чеченцы долго жили, даже после войны многие остались. Они были из Грозного, потом когда война закончилась, какая это была радость конечно! Многие наши мужчины не вернулись с войны. После войны долго еще было тяжело. Одежды не хватало, обуви. Нам, которые на сенокосе работали, колхоз постолы выдавал. Их один старый дедушка делал. Из шкурок вырезается полукруг, по краям

дырочки, кругом затягивается веревочка и на ногу оденешь, стянешь веревку и получается такой башмачок. Мы с бугра катались на них, они сухие скользкие, а в сырую погоду размокают, становятся тяжелыми, ноги сильно устают. Вот такая была в бригаде обувь, зато мы не кололи ноги, всякие ранки и нарывы лечить было долго. И во время войны, и после войны очень тяжело питались. Летом всякими травами, хорошо еще коровка была у нас курочки. Тоже ведь налоги были. Молоко сдавали, помню надо было сдать 120 литров молока, яиц уже не помню, но кажется 170 штук, а если десять курочек, то их трудно собрать. Теленок родится — надо подрастить и сдать в колхоз на налог. Все для государства разбитого, разграбленного государства. Поросенка вырастишь, зарежешь, шкуру сдать обязательно, вот такая была жизнь после войны. Потом как-то получилось, что мы с сестрой заболели малярией, сразу в один день и целый месяц давали нам хину, но она не помогала. И вот как-то мама где-то работала летом, полела что-то и она принесла нам щавель, мы с таким аппетитом его ели! В соль макаем и едим, так мама три дня носила нам щавель, мы его ели и бросила нас трепать болезнь, мы выздоровели. После болезни сестра уже на трактор не пошла работать, а послали ее на маслозавод, делать сыр, пикарин назывался из коровьего и овечьего молока и брынзу. Так там образовался другой маленький поселочек от колхоза, там была овцеферма. Жили там несколько семей, работники овцефермы, и там и была брынзарня. Там Таня и работала, а я была и ей помощником, одно лето мы только работали. Коровье молоко возили из колхоза, а овечье не помню, откуда, но доставляли нам, а мы вдвоем перерабатывали и отправляли на завод в Мартук и сыр, и брынзу. Сыр делали в формах, таких формах, как хлеб вот пекут на хлебзаводе, вот в таких формах у нас был сыр — очень вкусный, была и брынза тоже вкусная. Потом мы переехали в Мартук, тоже пошли мы с мамой в колхоз работать, колхоз Третий Интер, а сестра пошла в больницу работать кладовщиком. Конечно, здесь уже легче было, война кончилась. Мы, конечно, ужасов не видели, которые видели и перенесли люди, которые жили в оккупированных городах и селах. Но отзвуки и до нас дошли — были голод и холод, да и на эвакуированных ленинградцев насмотрелись. Уже и после войны весной ходили и мерзлую картошку копать на колхозном поле, потому что осталось не убрано и из нее пекли такие лепешечки. Конечно не на сковородке, просто на плите, когда в печке горит огонь. Для нас казалось, что очень вкусно. Мы с мамой работали на огороде, колхозный огород, где выращивали овощи: огурцы, помидоры, капусту, всякие другие овощи. Их потом вывозили на базар, зимой опять на базу. Летом опять та же работа: скотину кормить-поить, пахать-сеять, скирдовать-полоть... Но после войны уже работать стало намного легче, было больше тракторов, я стояла на включить-выключить. Куда пошлют, там и работали. Просто знали, что так надо.

Война кончилась, но еще была нехватка продуктов, но все же легче. Да вот, вспомнила, все еще жили в поселке, не было соли и в магазине, хоть и купить не было за что, денег ведь не было, работали за трудодни. В Джусе — раньше в Промысловом, велись геологические работы, детдом был и нефтеразведка. Слышала, что там было месторождение какой-то особой белой нефти. Незадолго до конца войны вывезли детдом, перевели его в город, уехали и нефтеразведчики. Там, дальше от поселка километров примерно за три, может больше, мы обнаружили трубы, глубоко в земле и там вода соленая. И вот мы, подростки, пошли туда за этой водичкой, только надо веревочку сорок метров длины и баночку консервную. И вот пока баночкой начерпаешь ведерко, а нести далеко, да еще опасались, ведь в поселке был оставлен сторож. Не знаю зачем, он иногда встречал и отбирал или выливал эту соленую воду, но нам повезло, нас не встретил и мы донесли, потом эту воду долго кипятили и получалась соль, немножко желтовата. Вот так мы добывали соль да и все поселки близлежащие приезжали за этой солью. Так вопрос с солью был решен, это конечно, зимой мы ходили, летом некогда, то посевная, то сенокос на сенокосе. Мальчишки на сенокосах, запрягали лошадь, а я на гребке работала. Часто запрягали быка вместо лошади, я правила вожжами. Все приходилось делать, куда пошлет бригадир туда и надо идти, и копнили, и гарбы возили в стога, а зимой тогда возили скотине сено. Летом хорошо тепло, а зимой холодно ездить на сеном, одежда ведь плохая была, Слава Богу выжили. Дожила вот до таких лет. Однажды был такой случай, мы две девочки зерно в склад в поселок на быстарке везли. Запряжена пара лошадей, из дальнего поля. Далековато, километра четыре, точно не знаю, но поселок уже был недалеко, балку переехать и там уже прибыли. А в балке росла тала и мы видим, огоньки светят! Наши лошади как захрапели, учуяли волков и понеслись! Мы чуть удержались, хорошо поселок не далеко был, все обошлось. Приехали, разгрузили лошадей на базу, а сами домой спать. Тогда и волков было много, даже в поселок заходили.

Сейчас хорошо жить стало. Так хочется, чтобы никогда не повторился этот ужас, который называется война».

Зинаида Павловна живет сейчас с дочерью Натальей и ее семьей в селе Каргалинское. Цветущий сад весной напоминает ей Украину. Она живо интересуется всем, что происходит вокруг и радуется каждому дню. Зинаида Павловна вырастила трех дочерей и сына, у нее восемь внуков и двенадцать правнуков, которые не дают ей скучать. Жизнь продолжается!

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Да! Самолеты нас не бомбили,
И грохот снарядов не слышали мы.
Танки фашистские нас не давили,
Мы жили в тылу, но мы дети войны.*

*Наши отцы воевали на фронте,
Били врага, чтобы выжили мы,
Жизни своей они не щадили
Ради Победы, свободы страны.*

*Многие пали в боях как герои,
Еще больше пали, как жертвы войны.
Домой возвратились калеки-изгои
И новобранцы последней войны.*

*В тылу же мальчишки, девчонки трудились
Под руководством дедов, матерей,
Оружье ковали, хлеб-мясо растили
И все отправляли на фронт поскорей.*

*Сами же вечно голодные были,
Раздеты, разуты, в отцовском старье
В холодных лачугах с телятами жили
Спали на нарах, словно в тюрьме.*

*По заводскому гудку все вставали...
Кто старше — спешили пешком на завод,
Младшие — в очередях замерзали,
Самой тяжелой из детских забот.*

*Не знали те дети отеческой ласки,
Взрослели без детства, уже не играя в войну
Босые, худые, больные, в обносках —
Как выжили только в те годы они ?!*

*Не доучились, не наигрались,
Высшая школа для них — ФЗУ.
Лишь позже вечерние школы кончали,
Немногие — техникум, коль повезло.*

*После войны все страну поднимали
Из-под руин, укрепляли оплот.
Целинные хлебные земли вспахали,
Освоили атом, и в космос свершили полет.*

*Искали руду, нефть и газ добывали,
Алмазы и уголь, плавил сталь.
Строили ГЭС и АЭС, магистрали
Чтобы Союз наш могучее стал.*

*Сегодня чиновники всех поделили
На тех, кто трудился и кто воевал.
О детях войны почему-то забыли,
О тех, кто не меньше других пострадал.*

*Абдрашитов
Махсут Каюмович,
Ветеран партии и труда*



Тамара Порфирьевна Шелкова (Карпова)

Я родилась 12 мая 1939 года в городе Сызрани. Мой папа, Карпов Павел Федорович, родился в 1913, а мама, Александра Федоровна — в 1916 году. Так уж получилось, что отцов моих родителей звали одинаково — Федор. Уже в войну, в 1942 родилась моя младшая сестренка Ираида, а после войны, в 1951 мой любимый брат Сережа. С нами жила бабушка Катя. Она была верующая, часто ходила в церковь и меня брала с собой. Вообще, сколько я помню, баба Катя всегда была рядом. И в школу она меня провожала, пока ее не парализовало. Тогда уже я за ней помогала ухаживать. Баба Катя заболела после того, когда у нее отобрали капустные листья, да еще и пригрозили штрафом. Она собирала эти листья на поле, чтобы приготовить суп. Бабушка умерла уже после войны, в 1947 году, но ей было всего 56 лет.

Мы жили в старом купеческом доме. Помню огромные окна в нашей комнате — раньше в ней находилась библиотека. Сразу после начала войны и эти большие окна, и вообще все окна в домах заклеили крест-накрест широкими белыми полосками бумаги. И где только взяли столько бумаги! Это была хоть какая-то защита от разлетающихся при бомбежке стекол. Вечером нельзя было включать свет, ведь это хорошая приманка

для фашистских летчиков. Даже свечи не зажигали. Взрослые и молодежь по очереди дежурили по ночам, тушили фугаски. По ночным улицам ходил сторож с колотушкой и по этому звуку мы всегда знали, на какой улице сторож уже все проверил и куда идет дальше.

Мои родители имели техническое образование, были военнослужащими, но их оставили работать в тылу. Мама работала на телеграфе, ей не было равных по азбуке Морзе, а папа отвечал за все коммуникации Сызрани и всей области. Папа был главным добытчиком в семье. Утром вставал раньше всех — надо было занимать очередь за хлебом. Меня тоже будили в 5 утра, и я, как многие 4–5 летние дети шли в эту очередь. Нам писали номерок на руке, и с этим номером мы ждали открытия магазина. Нормы были маленькие, в одни руки давали..... поэтому в очередь становились все. Хорошо еще, что один из хлебных магазинов был у нас в доме на первом этаже. Основной хлеб — колючие лепешки из отрубей — пекла наша мама. Вся еда строго распределялась. Мама делала сухарики. Заливала их кипятком — получалась жидкая водичка, похожая на квас. Помню суп рататуй — картофель, вода, лук, укроп, капелька масла. Вот и весь суп! Хорошо еще, что папа сумел сделать огород прямо рядом с домом. Там был овраг. Папа вывез весь мусор, все вычистил. Посадил хороший огород. Поливать его надо было с колонки, и папа сделал ручеек прямо на грядки, даже воду не надо было таскать! Я всегда была у папы первой помощницей. Он меня многому научил. Я и сейчас без особых проблем справляюсь с ремонтом утюга и плитки, сама могу повестть люстру. Пацанка, в общем!

А у папы на огороде даже шампиньоны росли. Но главное, зелень росла, и разные овощи.

В деревне жить в войну тоже было тяжело. Нам выделяли делянку, папа косил там траву, а мы с мамой на тачке перевозили траву домой. Бегали собирать веточки талы (ивняк) для козы. Мама говорила, что в этих веточках много аспирина, он нужен козочке, особенно после отела.

Помню деда своего, Федора Арсентьевича. Дед был суровый. Своего жилья у него не было, жил у абсолютно чужих людей. Он ловил рыбу. Рыбу потом коптил, вялил и продавал на базаре. Жил, благодаря рыбе. Часто на лодке он вылавливал в реке ягоды, дрова. Дрова это тоже богатство в военные годы — мы сами заготавливали дрова на выделенных делянках — сами валили деревья, обрубали сучья и пилили бревна. Работали все — и дети, и взрослые.

Дед нам рыбу не давал, а вот обедом кормил всегда. И не только обедом. Я больше никогда не ела такой вкусной гороховой каши, как у деда, приготовленной в русской печке.

Я даже запах травы, ее аромат помню до сих пор. А еще за городом было много озер. И названия у них были запоминающиеся, они не просто на-

зывались. Озеро Зеркалка — вода такая прозрачная, что можно смотреться, как в зеркало, озеро Телячье — сюда на водопой приходили телочки с телятами... я знала все озера в округе, часто бегала туда или сама, или, тайком ото всех, когда следила за цыганами.

Жили все одинаково. Наши соседи, Кураевы, считались богатыми, потому что Дмитрий Васильевич был начальником конезавода. У них на общей кухне стоял ларь с мукой и запирался на ключ. Но они всегда мукой делились, если нужно.

На Самаро-Сызранском мосту все время стояли наши зенитки. Мост был длинный, тринадцать пролетов. Этот мост соединял Европу с Азией. А в войну по нему шли поезда с солдатами, с боеприпасами, с горючим. И зенитки этот мост охраняли. Немцам так и не удалось его разрушить. Однажды бомбы попали в цистерны с нефтью. Был просто огромный пожар, люди пытались спастись в воде, но на поверхности воды тоже горела нефть.

Помню госпиталь. Напротив нашего дома был госпиталь. Мы устраивали концерты для раненых, даже самые маленькие старались что-нибудь рассказать или спеть. Раненые нас ждали, выглядывали в окно, махали руками. Мы им носили овощи с огорода и раков вареных (раков потихоньку от отца, он не разрешал их трогать).

Нас воспитывали в уважении к обществу, к труду.

И Победу помню. Репродукторы на всех улицах кричали громко. Люди — и знакомые, и незнакомые — прямо на улице обнимались, целовались. И плакали...

Тамара Порфирьевна выглядит намного моложе своих лет. А как иначе — ведь спортсменка, занималась и гимнастикой, и бегала на коньках (а все началось с того, что за выступление по гимнастике ей подарили коньки). Имеет первый разряд по гимнастике. Умеет и шить, и вязать, и вышивать. С 1957 года живет в Актобе. Механик по крупно-трикотажному оборудованию. Работала на трикотажной фабрике «Пушинка», сама открыла восемь ателье, которые обслуживали и город, и село. Дочь и двое взрослых внуков живут в Германии. Часто навещают Тамару Порфирьевну, которая угощает их заготовками со своего огорода. И очень гордится тем, что ее родные не забыли свою Родину и прекрасно говорят по-русски!





Любовь Павловна Обухова

Любовь Павловна родилась 12 июня 1927 года в небольшом поселке под Ижевском, в Удмуртии.

«Когда началась война, мне только исполнилось четырнадцать лет. В семье нас было четверо — мама, папа, я и младший брат, 1930 года. Ему было 12 лет. Жили обыкновенно, как все люди. Я перешла тогда в пятый класс. Не сразу и поняли, какая беда на нас свалилась. Отец работал бондарем, тогда уже плох здоровьем. Его все равно сразу, в 41 забрали в Ижевск, на военный завод. Там он недолго проработал, заболел и его комиссовали.

В 1942 году пришло направление на завод и мне. Я была маленькая, худая и меня направили на медкомиссию, ведь завод был военный, выпускали снаряды, военные машины, и там нужны были более-менее сильные работники. Вес мой был 36 килограмм. И отец сильно просил, чтобы мне дали отставку. Меня отправили помощником к отцу. С ним я работала до его смерти, в 1943 году отец умер.

Потом был лесоповал. Нас отправляли в лес, там мы валили деревья, обрубали ветки и сучья. Из этого леса делали рудостойки для угольных шахт, блиндажей и для авиации. Нам же приходилось и сплавлять лес по



реке Кильмесь. Сплавать начинали с середины апреля. С реки Кильмесь мы сопровождали лес до реки Воля. Берега замерзали, бревна в них часто застревали. А мы в лаптях, в кацавейках, полуголодные. сами в воду проваливались, промокали насквозь, но нельзя было потерять ни одного бревна. И мы не теряли. Сушились у костра, жевали листву, замерзшие прошлогодние ягоды и шли дальше. Жили на плашкоутах, в самодельных домиках.

Чуть легче стало, когда нам пригнали маленьких лошадей — монголок. Мы на лошадках подвозили лес прямо к железной дороге. В вагоны их грузили заключенные. Нас они пирожками подкармливали.

Брат мой продолжал учиться, но его никто не контролировал. Ночью он точил для нас пилы, а утром полусонный шел в школу за два километра пешком. До четвертого класса доучился и бросил.

Нам выдавали: Хлеб — 1200 г на сутки, брату — 200 г, мне — 600 г, маме — 300 г. Хлеб был маленьким, тяжелым, но мама мне давала всегда на работу, прятала за пазуху. Уже сознание того, что у тебя есть хлеб, придавало силы.

Жили на квартире.

Как-то не выдержали и еще с двумя хлопцами решили убежать домой. Хотя накануне на собрании объявили, что беглых будут сажать.

Утром рано мы выбежали, нас догнали, арестовали меня, мальчишки убежали. Поймавший меня человек угрожал, что приведет в контору и посадит в тюрьму. Зачинщиков я все равно не выдала, хотя строго допрашивали, угрожали.

Когда приехала домой, мальчишки похвалили, поблагодарили, что не выдала, помогли распрячь лошадь.

В войну строили зерносклад. Были пленные немцы, жили по соседству, их охраняли. Мама давала им молоко, картошку, они не говорили по-русски, кланялись ей.

Выжила семья благодаря лесу, ягодам, грибам, сажали картошку. Рвали липовые листья смешивали с картошкой, делали лепешки и ели. Делали сухари из картошки, варили болтушки. Соли не было, меняли сушеную малину на соль.

Много эвакуированных (Буковинцы) было. У них были рубахи расшитые бисером. Они его обрывали его, делали ниточки, продавали их потом. Не знали ни пилы, ни топора. Не были приспособлены к лесной жизни, к работе. Мы все им помогали выжить.

Привозили евреев, потом их всех забрали. Были эвакуированные из Киева.

В мае 45, как всегда, валили лес. Когда пришел мастер и сказал, что кончилась война. Девушки веселились, женщины плакали. В тот день всем дали выходной после обеда.

Карточки сняли в 1947 г. но хлеба не было. Тогда говорили: был бы хлеб и больше ничего и не нужно, а когда все наелись хлеба, то захотели еще много чего. 1 булку выдавали в 1 руки. Мы так радовались этому хлебу! Мы вообще тогда умели радоваться! Сейчас я не вижу у людей такой искренней радости.

Мама умерла в 1950 году.

Вышла замуж, поехали на целину с мужем и 2-мя дочками в 60 году в Соль-Илецк в Казахстан. Жили со старшим братом мужа. Денег не давали, было трудно. Казахи помогали продуктами, это очень хорошие люди. Старшая дочь родилась в 1949 г.

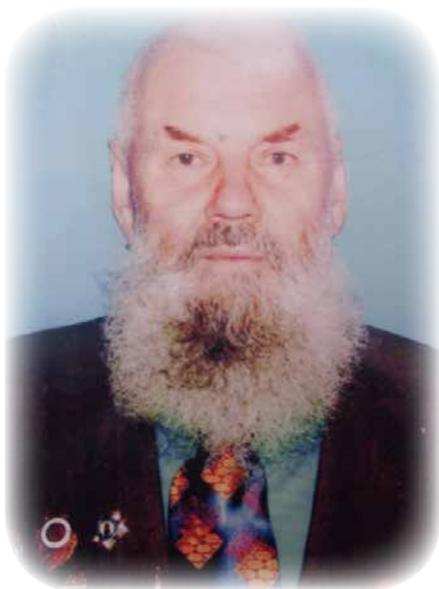
В Казахстане родилось 2-е сыновей. Всего 4 детей.

Сыновья уехали в Россию.

Внук участвовал в раскопках под Ржевом, был в поисковых отрядах».

У **Любови Павловны** интернациональная семья: 16 внуков, 14 правнуков, 2-я дочь (умерла) вышла замуж за казаха: свекор — казах, свекровь — немка. Внучка замужем за казахом. Сыновья женаты на немках. Младший внук недавно отслужил в армии в Атырау. Гражданство России: прожила 33 года в Казахстане, потом поехала вместе с детьми в Россию нянчить внуков. В Казахстане живет последние 10 лет, вместе со старшей дочерью. Особая гордость — поздравительные письма Президентов России Медведева и Путина и медали за доблестный труд на благо общего дела, труд для приближения Победы.





Сергей Семенович Яцко

Я родился 20 апреля 1930 года в поселке Золотоноша (сейчас он переименован в поселок Елек), Мугоджарского района. В 1941 году я закончил второй класс и перешел в третий. Каникулы. Лето. Мы, мальчишки, целыми днями пропадали на речке, купались, рыбачили, просто играли в разные игры. Мы были совершенно счастливы — солнце, свежий воздух, сознание того, что мы стали немножко старше — все это наполняло нас беспричинной радостью. И вдруг, 23 июня 1941 года все сразу закончилось. Утром все жители поселка, как обычно, собирались возле конторы и оттуда уже отправлялись на работу — кто в управление, кто на ферму, кто в поле. Но в то утро приехал верховой из Аккемирского сельсовета и сказал, что началась война с Германией. Он велел всем мужчинам идти в военкомат в Алгу, там был наш призывной пункт. За несколько дней почти все мужчины ушли на фронт. Потом начали отправлять на фронт технику — автомашины, тракторы, даже подводы. Забрали и лошадей. В первое военное лето председатель

предложил мне пасти колхозных телят. Я пас их до поздней осени. В колхозе остались телята, два быка — производителя и четыре лошади. Зимой я ухаживал за ними. Весной пошел работать в полеводческую бригаду. Так и закончилось мое счастливое детство, и начались трудовые будни. В нашем поселке осталось еще и четыре трактора, они были абсолютно изношенные, запчастей не хватало, часто просто не было. И на этих стареньких машинах работали подростки — я помню всех — Вася Куделя, Саша Павленко, Катя Криворотова, Нюра Шутова, Миша Сидоренко. Голодные, полураздетые, они каждый день старались выжать из тракторов как можно больше. Но выходило так, что больше они лежали под тракторами, ремонтировали, чем пахали. Грязь, холод, гололед — а работать надо. Я прошу прощения у моих земляков, что не могу перечислить всех, кто приближал День Победы, кто отдал жизнь за нее, пусть и не на фронте.

Возглавлял нашу полеводческую бригаду добродушный старичок Павел Филимонович Караульный, заменивший нам всем отца. Работали мы не по часам, а по солнышку, от восхода и до заката. Пахали быками и коровами. Сеяли пшеницу просто руками. Сразу после посевной начинался сенокос. Здесь было уже немножко полегче и для нас, и для быков. Быков запрягали в конные сенокосилки и мы косили траву. Трава была густой, богатой, набористой, но и всего разнотравья не хватало зимой для скота. С питанием было плохо. Мы знали, что в городе, на производстве, выдавался хлеб по карточкам, нам же хлеб не выдавали вообще. На одного работника колхоз выдавал летом пол-литра айрана на весь день, и больше ничего. Осенью, правда, выдавали картошку, крупу и кое-какую зелень с колхозного огорода. А зимой ели даже павших коров и лошадей. Были в колхозе и свиньи, но дохлых свиней мы не успевали забирать, их съедали тут же другие свиньи. Это было страшное зрелище — только кости хрустят, жутко...

А еще нас донимала лихорадка. Эта болезнь приходила ровно через день, в одно и то же время. И что бы ты ни делал, бросаешь работу и ложишься на землю, а тебя морозит, ломает, подбрасывает, трясет. Тебя накрывают тремя — четырьмя телогрейками, кто-нибудь даже садится сверху, а тебя все равно трясет. Через час — полтора все проходит, лежишь как разбитый, а потом встаешь, и продолжаешь работать, как ни в чем не бывало.

Денег не платили. За работу писали трудовни, которые оплачивались в конце года сельхозпродуктами. Но в военное время мало кто получал за трудовни. Для того, чтобы заработать один трудовдень на сенокосе, надо было на километровые расстояния подвозить на быках и скирдовать 14 повозок арб сена. Все это делали дети 13–14 лет.

Весной, летом и осенью, до самых глубоких морозов в основном ходили босиком. Шили постолы молдаванского и чеченского покроя. Этот вид обуви шили очень быстро, всего за полчаса, постолы были легкие и даже красивые. Постолы молдавского покроя носили на работу, а в чеченских можно было идти гулять и на танцы, они были более эlegantные.

Подходила осень, а с ней и хлебоуборка. Косили хлеб лобогрейками. Это такой «комбайн», от которого не только лоб греется, но и спина вся мокрая. В лобогрейку впрягали пару быков, с ними шли двое подростков. Один — погонщик, он направлял быков. Другой — скидальщик, он должен был каждые несколько секунд вилами подбирать с полотна лобогрейки пшеницу. За день получалось по 15–20 тысяч взмахов. Это адская работа. Но для Победы не жалели ни сил, ни здоровья. Потом арбами возили все в скирды и молотили одним единственным комбайном марки «Коммунар». Молотили до поздней осени, иногда и зимой. Зимой мы развозили сено по базам. Каждый день, в любую погоду. Наши женщины работали на колхозном огороде, на ферме. Дома вязали носки, варежки, шили рукавицы, кисеты, платки. Собирали последние телогрейки, брюки, валенки (потом в семьях приходилось валенки по очереди носить), отправляли на фронт. Мы собирали и сдавали бутылки и тоже отправляли на фронт. Там их наполняли горючей смесью и наши бойцы поджигали немецкие танки, тягачи, бронемашины. Вот так мы приближали День Победы».

Яцко Сергей Семенович живет сейчас в городе Кандыагаш. Он по-прежнему не может и не хочет сидеть без дела, никогда не пройдет мимо несправедливости. Болеет душой за родную природу. Так, в январе 2018 года разработал систему мероприятий по сохранению и восстановлению русла нашей реки Илек. К огромному сожалению, когда будет верстаться этот сборник, Сергея Семеновича уже не будет в живых. Он ушел прямо на светлый праздник Пасхи, 8 апреля. И воспоминания теперь будут читать его дети.





Жани Иманбаева

Жани Иманбаева родилась 15 августа 1928 года в Новороссийском районе Актюбинской области. Отец — Сары и мама — Сақып были простыми колхозниками. Кроме Жани, которая была самой старшей, в семье было еще трое детей. Сейчас в живых осталось только двое, Жани и ее младший брат Серик.

«Через два месяца после начала войны мне уже исполнилось 13 лет. 22 июня по всем районам ездил бригадир на лошади, кричал, что началась война. В первые же дни всех мужчин забрали на Опытную станцию, там был один из сборных пунктов военкомата. У нас ушел отец, а всего из поселка забрали пятерых мужчин. Их увезли на телегах в город. Мы простились с нашими родными и пешком вернулись домой. Мама осталась одна с четырьмя детьми. В ауле совсем не осталось мужчин. Выполнять трудную работу в поле, на току, на ферме пришлось женщинам и детям. Я и раньше помогала отцу, он работал трактористом. А я перебирала детали и даже помогала ему в мелком ремонте. К 13 годам я уже хорошо разобралась в тракторе. После ухода отца сама стала им управлять. Надеяться

было просто не на кого. Мама будила по утрам меня, а потом шум работающего трактора будил односельчан, они говорили «Жани уже работает, и нам пора». Трактор, моего железного коня, в поселке называли на казахский лад Омбирсал. Он был единственным в поселке «Уш Булак». Урожай вывозили на быках и коровах, лошади все были отправлены на фронт. Мешки с зерном вывозили на восьмой разъезд, там сдавали на склады и оттуда уже зерно отправляли на фронт. В поле работали с раннего утра до позднего вечера, от зари до зари, от восхода и до заката солнца. Около часа на скудный обед из похлебки с ячменем или просом, и снова принимались за работу.

Отец писал много писем сначала. В каждом письме была приписка: «если вернусь, напишу еще». В последнем письме он написал, что идет на германца, и после этого писем уже не было. Пришла только «черная бумага» — извещение о том, что наш отец погиб. Мама долго плакала, но надо было жить дальше.

Нам, казалось, было чуть полегче, ведь у нас было две коровы и несколько кур. Но молока мы получали по маленькой кисайке в день, ведь корову нечем было кормить, поэтому и молока она давала очень мало. Летом все ловили сусликов, выливали их водой. Сусликов принимали и для фронта, и сами мы их ели.





Каждая семья получала задание — за месяц надо было связать 100 пар перчаток и 100 пар носков для солдат. Носки и перчатки вязали всей семьей, чтобы успеть выполнить в срок. Младшие мыли шерсть, те, кто постарше, распушивали ее, а мы с мамой вязали. Я и сейчас очень быстро могу вязать. Вязали обычно ночью, а утром ждала другая работа. Хотелось верить, что именно наши перчатки и носки достанутся нашим же землякам, согреют их в лютый мороз.

В нашем поселке жило много чеченцев. Их привезли семьями в конце 1941 года. Были голодные, больные, многие без теплой одежды. Помню, что в первый же день умерло 18 человек. Похоронили их в общей яме, всем поселком копали. Земля была твердая, замерзшая. Мы жил с ними дружно, помогали, чем могли, делились продуктами. Они и работали хорошо, старались.

И так же, как и в начале войны, в 1945 году скакал по полям бригадир, теперь уже с хорошей вестью об окончании войны. Мы продолжали работать. А я, несмотря на извещение, продолжала ждать отца. Он так и не вернулся. Нам еще повезло, мы знали, что он погиб. Остальные мужчины из нашего поселка тоже не вернулись. Их судьба неизвестна до сих пор, родные не получили даже извещения о том, что «пропал без вести».

Во время войны мы не учились, школы просто не было у нас, поэтому получить образование мне так и не удалось. Мое основное образование — это работа. Именно работая, я познавала азы науки. После войны

я работала медсестрой, помогала нашему фельдшеру. Ездила по аулам к больным, даже роды принимала. 26 августа 1946 года я познакомилась со своим будущим мужем. Мы вместе работали на НПС — на нефтеперекачивающей станции. Мой муж Бисенгали воевал, был в составе войск, бравших Берлин. В 1996 году мы отметили 50 лет совместной жизни».

Иманбаева Жани вырастила восьмерых детей, у нее 18 внуков и 34 правнука — но эти цифры каждый год увеличиваются. Когда в ее просторном уютном доме собирается хотя бы часть этой большой и дружной семьи, то кажется, что здесь празднуется широкий той. У Жани много наград, юбилейных медалей, почетных грамот. Но особенно она дорожит медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Ее ценят и помнят везде, где она работала, особенно в АО «КазТрансОйл». Так получилось, что живет она сейчас напротив главного офиса компании. Да и соседи вокруг — тоже бывшие коллеги и частые гости в доме Жани.





Мария Балжановна Бейсенбаева



Когда началась Великая отечественная война, мне не было еще и года. Я родилась 29 сентября 1940 года. У меня уже была старшая сестра Канымай. Ей к началу войны исполнилось три годика.

Мой папа, Ербулеков Балжан, 1911 года рождения в первые же дни ушел на фронт. Мама осталась с двумя маленькими детьми, ей было всего 26 лет.

Мы жили тогда в Ключевом районе (ныне это город Алга) Актюбинской области.

Чтобы выжить самой и хоть как-то прокормить нас, мама устроилась работать простой рабочей на железную дорогу. Работала посменно, смены были

иногда 14 часов. Ей было очень тяжело. Зимой стоял невыносимый холод, греться было негде, а летом пекло наше жаркое солнце. Работу в таких условиях с трудом выполняли мужчины, а теперь ремонтировали пути, переключивали шпалы хрупкие женщины. У многих, так же, как и у моей мамы, дома оставались маленькие дети. Но мамам нельзя было отлучаться с работы ни на минуту. Мама приходила с работы уставшая, часто плакала от безысходности и беспомощности. Мы прижимались к ней и тоже плакали, жалели ее.

Когда мама уходила на работу, она закрывала нас на замок и мы оставались совсем одни. Очень хотелось кушать, а кушать было нечего. Мама оставляла нам немного айрана и коже. А мы хотели есть хлеб, просили маму принести хоть немного хлеба и сахара. Хлеб тогда раздавали по талонам, а сахара не было вообще. Мама подсаливала воду вместо сахара, мы пили такой «сладкий» чай. Наш отец не вернулся с фронта, мы долго не знали ничего о его судьбе. И только после запроса в военкомат получили извещение, что отец числится в пропавших без вести. Война забрала много у людей — отцов, мужей, сыновей. Она принесла боль и слезы. Она запомнилась мне холодом зимних ночей, голодом и мамиными горькими слезами. Мы все должны знать, что такое война. Для того, чтобы небо было мирным, для того, чтобы не было голода, для того, чтобы дети не оставались без родителей!

Бейсенбаева Мария Балжановна закончила заочно кооперативный техникум и затем заочно кооперативный институт в Караганде. Всю жизнь проработала в торговле, была товароведом в Горпромторге. Выростила двух сыновей и дочь, радуется своим четырем внукам. В 2014 году похоронила мужа и живет сейчас с сыном и снохой. Очень надеется, что детям войны будет присвоен особый статус за то, что они сумели не просто выжить, а еще и оказывать помощь фронту. Она верит, что эти простые истории из жизни, рассказанные авторами, не оставят людей равнодушными и безразличными.





Галимжан Салимович Бирманов

Как будто кадры кинохроники проходит перед глазами вся моя жизнь. Немало было испытаний и трудностей, но и хорошего было тоже немало. Самое главное — меня всегда окружали хорошие, добрые люди. Я говорю не только о родственниках, это и знакомые, и просто неравнодушные, независимо от национальности и веры.

Я родился 4 января 1933 в Хобдинском районе, в поселке Сабындыкуль. Сейчас этого поселка уже нет, на его месте остались только старые могилы. Маму звали Акжумаш, отца — Салим. Наша семья считалась зажиточной, потому что у отца была лошадь. В 1932 году отцу предложили сдать единственную лошадь и вступить в колхоз. Он отказался, и мы всей семьей переехали в село Украинка, там действительно жили украинские семьи. В колхоз отец мой все-таки вступил вместе с мамой, и проработал сначала простым трактористом, а позже бригадиром тракторной бригады до 1943 года. У него была бронь, как у тракториста. Но к началу 1943 года на тракторах уже почти никто не работал, трактора постоянно ломались, не было запчастей, так как все заводы производили теперь только оружие и снаряды. Поэтому отец сдал бронь, и пошел добровольцем на фронт. Мне было 10 лет тогда. Мы провожали отца до Кумсайского сельсовета, а это больше восьми километров. Шли пешком. Я весь путь про-

шел со слезами, шел и плакал. Наверное, мои слезы утопили его. До сих пор не могу себе простить, почему-то думаю, что я виноват в том, что мой отец не вернулся с войны. От него было единственное письмо с учебного пункта. Он писал, что скоро на фронт. И все. Больше мы писем не получали, только извещение о том, что отец пропал без вести. Такое извещение приравнивалось похоронке. Уже в 43 году в село стали возвращаться солдаты, инвалиды, без рук, без ног, хромые, увечные, но живые. Одного из таких вернувшихся инвалидов назначили председателем колхоза. Отец мой не вернулся и я до сих пор ничего не знаю о его судьбе. Мы все ждали новостей и писем с фронта. Почтальоны к нам добирались по трассе из Акбулака. Я помню, что если шли пешком, значит, вести хорошие. Зимой ходить было очень опасно, потому что развелось очень много волков, они были голодные и могли загрызть.

Я был самый старший в семье. В 1942 году родился мой младший братишка, отец только несколько месяцев с ним повозился и ушел на фронт. А в начале войны две моих старших сестры, Рая (1935) и Марзия (1937) заболели корью. Помню хорошо, что все в доме было в красном: на окнах красные занавески, на столе красная скатерть, одеяла из красной материи и в красных заплатках. Считалось, что красный цвет помогает выздороветь. Но моим сестрам ничего не помогло, и я остался один с младшим братишкой.

В школу я пошел осенью 1940 года. Все учебники были написаны латиницей и я до сих пор хорошо понимаю этот шрифт. Учиться было интересно. Сразу после начала войны все учителя-мужчины ушли на фронт. В школе стали работать те, кто хотя бы умел читать и писать. Хорошо помню, что был у нас учитель просто с семилетним образованием. Но школа все равно работала. Учебники были, но не хватало тетрадей, ручек, чернил. Мы писали в книгах между строчек. Не было одежды, обуви. Я до четвертого класса был отличником. Потом еще год проучился в четвертом классе, только для того, чтобы не забыть пройденное. Мама заставляла ходить в школу, но я отказался. И учителей нет хороших, и дома надо было помогать маме и брату.

У нас был огород, он нас выручал. И еще корова — значит, постоянно свежее молоко. Труднее было с водой. Зимой мама ходила на речку, выламывала лед, мы его растапливали — это была вода и для питья, и для стирки. Летом ловили сусликов, многие их ели, но нам мама не разрешала, говорила, что от сусликов плохой запах. Сусликов сдавали в Заготсырье, туда же сдавали и кости, и макулатуру. Заготавливали сено. Сено мы по два человека с двух сторон вручную складывали в копну, потом укладывали в волокуши. Мы бежали следом за волокушами, поправляли сено, чтобы не рассыпалось. Бегали босиком, кругом были острые кон-

цы колосьев, травы, камни. Боли не чувствовали. Потом более опытные женщины сено с волокуш скирдовали прямо в степи. Граблями собирали остатки со всего поля. Косили пшеницу, возили на быках. Сзади шли женщины и дети, собирали все до последнего колоска. Я следил за косилкой, случайно попал под колесо. На память об этом мне остался вывернутый палец на правой руке.

Через землянку от нас жили семьи украинцев, потом постепенно в ряд стали пристраивать свои домики казахи. Все жили очень дружно, вечерами пели песни на русском языке. Я дружил с русскими, украинцами, казахами, вместе на поле работали, вместе играли, дрались, конечно. Но драки всегда были короткими, мы быстро мирились. В 1943 году к нам из Акбулака привезли семьи чеченцев и немцев. Две семьи подселили к нам в землянку — у нас ведь была корова! Немецкие дети учили меня говорить по-немецки (Галимжан Салимович говорит несколько фраз на немецком, с хорошим произношением. Хорошо научили говорить!), чеченские — говорить на чеченском языке. Немецким детишкам никто и никогда не говорил, что они фашисты или дети фашистов, никто не ругал и не проклинал. Это были просто дети, такие же, как мы все.

Надо было продолжать учебу, но у меня не было никаких документов, чтобы пойти в шестой класс в своем колхозе. А ездить на учебу в Каратал — не было одежды. Я так и сказал дедушке Капару (брат отца): «Ата, я не могу учиться в Каратале. Нет обуви, нет одежды. А поступить в шестой класс здесь — нет документов». И дедушка Капар — он был председателем колхоза Кызыл ту — сказал директору школы, что я его сын. Так я попал в шестой класс Бегалинской семилетней школы. Там же училась и дочка деда Капара.

После окончания шестого класса я приехал в Каратал. Там уже открылся интернат. «Интернат ашта қылмайды, тоқта қылмайды, қашып кетсең бықта қылмайды» — в интернате и сытым не будешь, и голодным не будешь, и убежишь — ничего тебе не будет. Хлеб нам привозили иногда раз в неделю. Привозили на санях мерзлые буханки, их рубили топором, как дрова. Основная еда — похлебка без мяса.

Помню, как друг моего отца Шаповалов Иван, дядя Ваня, выучил меня на учетчика. Он давал мне сажень и заставлял измерять поле за трактором, вдоль и поперек. Я был способным учеником, он меня часто хвалил. Но агрономом я так и не стал, судьба моя была стать учителем.

Хорошо помню учительницу Гусеву Елену Дмитриевну. Надо мной часто смеялись в восьмом классе, когда я с украинским акцентом — вот она, дружба и жизнь рядом с украинцами! — рассказывал: Хай вин свистне по-соловьиному ... Она меня всегда защищала, не давала смеяться, говорила остальным: «Как может, так пусть и рассказывает».

В 20 лет я закончил школу и уже осенью пошел работать учителем в Каратальскую школу. Уже через год, в 1954, я поступил в Учительский институт им. Н.Байганина — сейчас там находится средняя школа №6 — заочно, на факультет географии и биологии. В этом же году стал работать в Астрахановской семилетней школе учителем физкультуры и немецкого языка — а здесь пригодились общение с немецкими ребятами, которые жили в войну в нашей землянке.

Дальше была служба в армии сначала в штабе Уральского гарнизона, потом три года в ГСВГ (группа советских войск в Германии). Предлагали остаться на сверхсрочную, но я понимал, что матери будет очень трудно без меня, и вернулся домой. В 1957 году женился, и уже через год моя жена Асылзада подарила мне сына Нурлана.

Галимжан Салимович ни дня не сидел без работы. Работал директором Успеновской средней школы — заложил фундамент новой школы, которую построили уже без него, школа работает и по сей день. Видя его ответственное отношение к работе, Галимжану Салимовичу поручают достроить новую школу в Михайловке. Галимжан Салимович построил еще и несколько мастерских, открыл хороший современный клуб, который очень скоро стали называть университет культуры. Потом это стал университет научного атеизма. За строительство университета Г.С.Бирманов получил Грамоту «За лучший народный университет» и был занесен в Золотую книгу Общества Знания СССР.

Г.С.Бирманов, работая директором Астрахановской школы, открыл в 1989 году первый в области лингафонный кабинет казахского языка. Получил звание «Отличник народного образования». В 1994 году вышел на пенсию. Награжден медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями ко Дню Победы.

Уже 60 лет Галимжан Салимович живет со своей верной подругой Асылзадой вместе со своим старшим сыном Нурланом. И Нурлан, младший сын, Нурмукан, закончили Актюбинский педагогический институт. Правда, дело отца продолжает только Нурлан, он работает в школе методистом по зимним видам спорта. Нурмукан уже вышел на пенсию в звании полковника полиции.





Дария Елеусизқызы Жусупова

Дария Елеусизқызы родилась 30 марта 1941 года в населенном пункте Казбай колхоза Джангильдинск, Новороссийского района, Актыубинской области. Отец Елеусиз Оразалинович 1908 года из рода Жагалбайлы — Бигетей. Мать Жаппасбай қызы Күмісбике, 1915 г.р. из рода Жагалбайлы — Бозбет. В семье двое дочерей: старшая Салия, младшая Дария.

В 1942 году отец ушел на фронт и не вернулся. Он был грамотным, образованным. До войны в ауле работал бригадиром. В семье был единственным ребенком. А у деда было четверо братьев: Корганбек, Айнабек, Мырзабек, Жалгасбек.

У Корганбека два сына Торекбек, Омирбек. Торекбек воевал и вернулся домой. Отца бабушки Елеусиза Оразалиновича в 41 году не взяли на фронт. А в 42-ом он ушел. «Меня, маленькую, двухлетнюю девочку, за-

плаканная, провожавшая мужа мама, забыла в степи. Приехав домой, начала искать. И дядя Темиргали поискав по следам, прямо от места, где провожали фронтовиков, нашел Дарию, мирно спящую в степи.

После того как отец ушел на войну, начались трудности. Папа мало писал писем, но и те мама не могла прочитать, потому что была неграмотная. Она даже не знала, где служил отец. Только после войны, когда вернулся наш односельчанин, мы узнали совсем немного об отце. Наш земляк рассказал, что видел отца во время боев под Сталинградом. Видел его живого, как погиб, не знает.

И мама, взяв нас, своих двух дочерей пошла в родное село. Десятки километров мы шли пешком. В то время не на чем было ездить. Вспоминаю, как по дороге идя пешком, я очень устала, начала плакать и беспокоить маму. И когда она сказала, что оставит меня здесь, моя сестра Салия начала плакать — не оставляй её, я сама понесу. Мой дед по матери Жаппасбай поднял нас на ноги, вырастил. Маму отца звали Акыш аже. Один случай, который я запомнила на всю жизнь. Вся наша семья заболела. Одна я была здорова. Никто не знал, что случилось, никто не мог даже подняться с постели. Мама, Ынташ, Салия, Курманбике, Султан, Сейтжан все заболели. Помочь было некому. Мне было лет 7–8. И я носила воду маленькой посудой и поила всех. Так мои родные чудом выздоровели. Было очень трудное время.

В 1953 году мама решила вернуться домой, чтобы мы с сестрой знали своих родных. Поначалу сестра Салия училась в школе-интернате Коктебе. Потом мы вместе учились в ауле Шолкудык.

Салия 1938 года рождения. В 1956 году вышла замуж. У нее 7 детей. Умерла в 55 лет. В 1981 году не стало мамы Кумисбике. Об отце так ничего неизвестно.

Я вышла замуж в 1957 году. Мать-героиня. Муж Абдолла Жусип рано ушел из жизни. Сначала сама, потом вместе со старшими детьми, помогая друг другу всех вырастила деток. Старший сын Губайдолла мне был опорой. Все дети имеют средне-специальное и высшее образование. С 1960 года по 1996 год работала дояркой. Не раз мой труд поощрялся правительством. Была членом Коммунистической партии. Глава колхоза Асылбек Искендиоров за мои трудовые заслуги построил нам большой дом. В 1987 году стала героиней для одной программы на областном телевидении. В то время был известный журналист Амангелди Мектепбаев. Принимала участие в женском съезде, проходившем в Актюбинске. Помню участниц Съезда Сару Еламанову, Агылен Ермагамбетову, Нагорную. Имею 36 лет трудового стажа. За все это время часто была делегатом разных Конференций, являлась Членом Пленума, Членом Бюро, депутатом женского совета».



Сейчас **Дарие Жусуповой** 78 лет. Она живет в колхозе им. Джангильдина – Кызыл-су, вместе с младшим сыном Серриком и снохой Кундыз. Сын и сноха работают учителями в школе. Сын филолог, сноха учитель английского языка. Есть трое внучек, с которыми бабушке Дарие совсем не скучно.





Айжан Мусагалиевна Сарбаева

Дети войны — это особая категория людей. У нас были разные судьбы, но все они одинаковы в одном — у нас не было детства. В эту простую фразу вложено все — и голод, и слезы матерей, и совсем не детский труд.

Моя мама Алтынсары и папа Мусагали Сарбаев поженились незадолго до начала войны. Папа был молодым юристом, строил большие планы, мама работала швеей.

Я родилась в мае 1941 года. А уже в июне, не успев насладиться радостью отцовства и не дождавшись даже 40 дней от рождения своей любимой дочери, мой отец ушел на фронт. Мама получила от мужа только одно письмо, да и то было утеряно. Мама растила меня одна. В 1943 году пришло извещение о том, что отец пропал без вести. Я совсем не помню отца.

Мы жили в Актюбинске по улице Гарнизонной. Совсем рядом находился городской военкомат. На его территории была швейная мастерская. Мама работала в швейной мастерской и закройщицей, и швеей — не хватало рабочих рук. Смены доходили до 12–14 часов в сутки, иногда работали по две смены. Женщины шили солдатскую одежду — шинели, теплые ватные фуфайки, брюки, плащ-палатки. Работа была прежде всего, ведь шили одежду для нашей армии, для фронта. Отправляться для того, чтобы покормить грудного ребенка было нельзя. Мама рассказывала, что возле самого дальнего забора военкомата находился туалет.

Вместо того, чтобы идти в туалет, мама пролазила через забор и бежала ко мне, чтобы хоть чуть-чуть покормить. И снова бегом, через забор, на рабочее место. В любой момент ее могли застрелить сторожа, охранявшие территорию военкомата. Маме не всегда удавалось прибежать ко мне. Поэтому она с утра меня привязывала к колыбели, чтобы я не упала и не перевернулась. Голод, холод, страх — но я все-таки выжила! Но ведь никто не считал, сколько таких малышей умерли во младенчестве, задохнувшись от безысходности и крика, оставшись без материнского присмотра. И до сих пор неизвестны могилы многих наших соотечественников, отцов, сыновей, братьев, отдавших жизнь за свободу нашей Родины. И страшно видеть, как начинают громить и сносить могилы и памятники воинам, освободившим пол-Земли от фашизма.

Мне повезло. Среди вернувшихся с войны был человек, который заменил мне отца. Его звали Боранкулов Сагынбай. Он дал мне отцовскую любовь и заботу, и я его называла папой, считала его своим родным отцом. Это был замечательный человек, справедливый, человечный. Мама была совсем не против, чтобы я носила его фамилию. Но Сагынбай хорошо знал моего отца, уважал его. И он сказал, «Я живым вернулся с войны. Я взял в жены жену погибшего Мусагали. Пусть его единственная дочь носит фамилию своего отца». Это был простой и очень добрый человек. Отчим вернулся с войны инвалидом 2 группы, но продолжал работать. Семья наша была большой и дружной — у меня появились четыре брата и две сестры. До окончания войны отчим работал на мехзаводе за элеватором, сторожем, в ночное время. И он же повел меня в первый класс, в среднюю школу №6. Среди моих тридцати одноклассников только у троих — у меня и еще у одной девочки и мальчика — были папы. У всех остальных детей отцы не вернулись с войны. В самые первые послевоенные годы было очень тяжело. Особенно страдали дети от недоедания. Часто в классе падали в обморок от голода. Хлеб еще был по карточкам, привозили его не каждый день, и надо было выстоять огромную очередь за заветным кирпичиком. Не хватало тетрадей, карандашей, ручек. Чернильница часто была одна на весь класс, приходилось пользоваться по очереди. Мы собирали старые тряпки, бумагу, ненужные вещи, сдавали в утильсырьё на колхозном базаре в обмен на школьные принадлежности. Часто писали даже гусиным пером вместо настоящего. А если было настоящее перышко, но не было ручки, то перо привязывали к карандашу или к какой-нибудь палочке. Одежда была старая, иногда носили одежду родителей, по очереди. Но, несмотря на все эти трудности, мы старались хорошо учиться, мечтали стать врачами, летчиками, капитанами кораблей. Но для многих из нас учеба закончилась в седьмом классе — надо было идти работать, чтобы помочь своим родным».



Сарбаева Айжан Мусагалиевна после окончания школы училась вместе со своим будущим мужем, Утегали Бекмухамбетовым в Актюбинском культурно-просветительном училище. Закончила Женский Педагогический институт в Алма-Ате с отличием. И вернулась в свое родное училище, где ее очень ждали. В то время училищем руководил Аушат Баймуратович Баймуратов, который увидел в молодом специалисте педагогические навыки, ответственность, трудолюбие и именно он направил ее продолжать образование в ЖенПИ. До самой пенсии Айжан Мусагалиевна не меняла место работы. С мужем, рука об руку, они живут уже 45 лет.





Галина Петровна Субботина (Медведко)

Родилась 8 (3) ноября 1939 года в городе Актюбинске. Девочку принял врач-акушер Бадьян. Он и назвал малышку Галиной за черные волосы, смуглую кожу и карие глаза

«Маму звали Елена Филипповна Рогатюк. Кем только она не работала: и разнорабочей, и продавцом, и санитаркой. Родного отца я совсем не помню, в конце 1941 года он ушел на фронт. Он был водителем, числился в офицерском составе. А в январе 1942 года мама родила моего младшего брата, об этом папа узнал только из письма. Очень скоро мама получила извещение, что мой отец пропал без вести. Это было то же самое, что и похоронка. Я хорошо помню, как плакала и кричала мама «как жить-то теперь будем, как?!!». Пособия на отца мы не получали до конца войны, только уже после Победы мама стала получать 36 рублей за папу.

Мы жили в войну в поселке Украинка, позже это был подхоз обрисполкома. Жили в землянке. Даже летом в нашей землянке было сыро и очень холодно. Рядом жила многодетная татарская семья. Я играла вместе с их детьми. Мама нас с братом закрывала, когда уходила на работу.

Размачивала кусочек хлеба, заворачивала его в тряпочку и говорила = это твоему братику. Я все съедала сама, мне еще трудно было понять, что надо кормить и братишку. А есть самой очень хотелось! Мама приходила домой, а братишка уже чуть живой лежал от голода и от крика. Мама плакала и спрашивала меня, почему я не кормила братика. А я могла только сказать, что сильно хотела кушать. Многие советовали маме сдать нас в детдом, но она отвечала «если умру, то вместе с ними». Мама уходила на целый день. Она работала со скотом, лечила, кормила, кастрировала. За хорошую работу маме дали телочку. Телочка жила вместе с нами в нашей землянке. Помню, как над нами летали самолеты. Мы не очень хорошо понимали, что такое война, но видели, что в поселке появилось много портретов Сталина, плакатов «Родина-мать зовет!», «Все для фронта, все для победы!» Холодно было очень. Однажды мама пришла домой раньше обычного. Она принесла молоко в пузатой бутылке, покрошила туда хлеб, сказала, что сегодня молоко мое, а завтра — для брата. Так по очереди и питались. Осенью с полей собирали замерзшую картошку. Когда ее варили, она была даже сладкая.

Хорошо помню какой-то прямо мистический случай. Мы были в землянке и вдруг услышали плач детей на улице. Выскочили во двор — а там никого нет. Мама побежала на всякий случай к соседям, но там никто не плакал, да и дети у них были уже повзрослее. Снова зашли в землянку, и плач тут же повторился. Тогда мама схватила узел с вещами, выкинула его на улицу и вытолкала нас с братом. И только успела вывести телочку, как наша землянка рухнула, сложилась, как книжка прямо на наших глазах. После этого мы переехали в комнату в подхоже, там было намного





теплее. А в 1944 году в село пришел Бары Валиевич Гелаев, дядя Бары. Пришел на костылях, весь израненный. Стал приходить к нам, ему наша мама очень понравилась. Нам очень помог его продовольственный паек. Дядя Бары стал моим отчимом, а по существу — настоящим отцом. Отчим стал работать кузнецом. Позже он стал брать в кузницу моего брата и выучил его на молотобойца. Так они долго работали вместе.

Дядя Бары и мама прожили в любви и согласии 45 лет.

В подхозе жили казахи, русские, немцы. Все жили дружно, всем делились, помогали друг другу. Я и сейчас могу свободно говорить на трех язы-

ках. Немцев не обижали — все жили одинаково. Директором подхоза был Руднев Петр Дмитриевич — замечательный человек и хороший руководитель. Ловили сусликов, варили, варили макуху — похлебку из пшеницы. И все ходили с желтыми ртами от такой еды. Мы не видели ничего, кроме голода и холода. Конечно, было очень тяжело. Нас сейчас спрашивают, почему мы, пройдя такие испытания, так долго живем? Наверное, потому, что мы дышали тогда чистым воздухом, пили чистую воду из реки (никто ведь не сливал туда всякий мусор!), ели чистую еду.

Помню и День Победы. Правильно сейчас говорят, что это праздник со слезами на глазах. Помню и радость людей, и слезы тех, кто не дождался своих родных, и крики отчаяния, и песни. А самое главное — нам, всем детям, дали конфеты в железных баночках, «монпасье» — они были такие разноцветные, обсыпанные сахаром. Мы их долго с удовольствием сосали.

Надо было идти в школу. Одежды не было, мама шила из разных тряпочек школьное платье, фартук и сумку. Чернильниц не хватало. В это время я тяжело заболела ревматизмом — сказался холод в землянке — и в школу пошла позже других. Мама лечила меня народными средствами, в основном барсучьим жиром, но поставила на ноги.

Школа у нас была на свиноферме (Опытная станция), это почти 2 километра пешком. Все лето, начиная с первого класса, мы работали, зарабатывали себе на учебники и тетрадки. Основная работа — прополка. От травы руки были зеленые, все в ранках и ссадинах. Каждый вечер мама смазывала мне руки, они саднили всю ночь.



Помню наши первые новогодние подарки. Это был 1950 год. В бумажных пакетах лежал настоящий большой алма-атинский апорт, лимон, карамельки и печенье. Запах этого яблока я помню до сих пор. Лимон мы сначала не знали, как есть, что его можно добавлять в чай. Мы его просто очищали и понемногу сосали, он был очень кислый.

Я всего в жизни добивалась сама. Закончила школу и педагогическое училище. Работала вожатой в пионерском лагере «Космос». Тогда же познакомилась со своим будущим мужем, Субботиным Арнольдом Алексеевичем (у мужа нет немецких корней, его отец был наполовину китаец. А Арнольдом его называли в честь посла, подписавшего Пакт о ненападении с Германией). Семью Субботиных эвакуировали из Москвы вместе с Рентгензаводом. Там работал и мой будущий муж. Эвакуированных разместили сначала в клубе железнодорожников. Моего мужа и его брата вытянула, буквально вытащила с того света, спасла от голодной смерти какая-то женщина, я помню только ее фамилию — Высоцкая. Если эти строки прочитают ее родные, знайте, я ей благодарна всю жизнь. Таких людей было много, эвакуированных разбирали по домам, кормили, чем могли, помогали одеждой. Муж сначала работал простым плотником, а его отец к концу войны был начальником производства. Честнейший и порядочный человек, в трудовой книжке у него была всего одна запись. Если говорить о семье Субботиных, то всего они проработали на Рентгензаводе 80 лет. И не только работали, участвовали в художественной самодеятельности, ездили с концертами по об-

ласти, выступали на праздниках. Мой муж хорошо пел. Жаль, даже не дожил до пенсии, скоропостижно скончался в 1996 году. О таких говорят «сгорел на работе», ведь основной причиной смерти стала реакция организма на стрессовые ситуации.

Я считаю, что мне в жизни повезло. Пусть у меня не было детства, но меня всегда окружали хорошие люди и верные друзья. Я, простая колхозная девчонка, попала в замечательную интеллигентную семью, где меня все любили. Меня уважали и ценили на работе. И сейчас меня многие знают и помнят — и это очень приятно».

Субботина Галина Петровна имеет большой послужной список — это и пионерлагерь, и школа №1, Рентгензавод, гостиницы города (там она работала администратором, как знающая языки), трест Актюбтрансстрой и агент Госстраха, откуда Галина Петровна вышла на пенсию.

Галина Петровна вырастила двух сыновей, у нее один внук, две внучки, две правнучки и два правнука. Но она живет сама, правда, всегда рядом внук Антон, который ей во всем помогает.





Фаузия Абдрахмановна Султанова

Ф

аузия родилась 8 февраля 1933 года в поселке Полагеевка Чистяковского района Донецкой области. Совсем рядом находилась шахта «Красная Звезда» — сердце Донбасса.

Родилась в семье простых советских людей. Мама Хатиме была простой работницей, папа Абдрахман всю жизнь проработал на шахте простым шахтером. В семье, кроме Фаузии, было еще двое детей — старший брат, 1930 года, и сестра, 1936 года рождения.

«Все понимали, что будет война. Незадолго мы с папой смотрели в журнале карикатуры на немцев — их изображали со звериными мордами, со злыми глазами, очень страшные были рисунки. Мы спрашивали папу: А что, немцы на самом деле такие страшные? Он всегда отвечал, что немцы такие же люди, как и все мы.

И вот уже на вышках шахты стоят немецкие солдаты. И вот уже бомбят наш город и наш поселок. Как-то сразу к нам зашли немцы. Они поселились в каждом доме. Нас не били, но спать разрешали на полу возле окон.

Наверное, чтобы при бомбежке первый удар принимали мы. А бомбили очень часто, и днем, и ночью. Наш постоялец Ганс был простой солдат, он даже семечки нам давал, называл их русским шоколадом. После него жил какой-то фельдфебель, его мы уже боялись. Вообще, мы не столько немцев боялись, сколько бандеровцев. Те били сразу и без всякого разбирательства. Сразу же ввели порядок — все должны были носить обязательно белые повязки, человека без повязки могли просто расстрелять. Часто немцы и полицаи приходили ночью, искали партизан, били прикладами, кричали «партизанские суки!» папу на войну не взяли, у него была броня, как у шахтера. Немцы часто говорили, что им главное — дойти до Волги. Отец всегда отвечал «а что вы будете делать, если наши солдаты вас не пустят?». Наверное, за эти слова его и забрали. Сначала держали в тюрьме в Красном Луче, а позже перевели в Чистяково. Там немцы уже оборудовали рядом с шахтой концлагерь. Мама умудрялась к нему ходить, передавать еду. Как-то мы вместе с мамой набили соломой матрас и понесли папе. Мама пошла искать лазейку, а я подошла к молоденькой красивой девушке. Ее и еще несколько молодых людей охраняли немцы. Это была Ульяна Громова. Она мне несколько раз сказала: Детка, мы отсюда не выйдем, я это точно знаю. Я тогда не знала ничего о тайной подпольной организации Молодая Гвардия, не знала, что Ульяна была одной из молодогвардейцев. Теперь об этом пишут в учебниках, а я ее видела живую. Я не знаю, где ее расстреляли, но помню наших погибших солдат и простых людей на улицах. Немцы не разрешали их хоронить, но взрослые тайком ночью все-таки их хоронили. Иногда и мы помогали.

Однажды ночью раздался стук в окно — это вернулся отец, которого мы все уже считали погибшим. Он сумел убежать прямо из-под пули, в темноте побежал в другую сторону. Сначала даже трудно нам было поверить в такое чудо! У отца не было живого места, раны были открытые, в них роились личинки мух и ползали вши. Тогда у нас стояли румыны, так они сбежали в этот же день.

Мы быстро научились разряжать невзорвавшиеся снаряды. Прекратили этим заниматься, когда один из наших друзей подорвался. Помогали прятаться от бомбежек. Под бомбами, очень глупо погиб мой одноклассник. Он хотел спрятаться за машиной, но от взрыва она сдвинулась с места и его задавило. Бомбежки не давали нам учиться. Я в начале войны уже пошла в первый класс. Мы только заходили в класс, как начинали бомбить. Нас всех выводили из класса, мы ложились в любом укрытии, и ждали, когда налет прекратится. И так по многу раз в день. Зашли — сели — встали — выбежали — легли — встали, зашли...

Старшего брата и маму полицаи гоняли в лес на заготовку дров для солдат вермахта. С самого раннего утра до позднего вечера они там работали.

Я вообще ничего не боялась. Помню, мы с подружкой хотели убить хоть одного немца. Взяли по кирпичу и с таким оружием отправились убивать. Хорошо, что нас остановили вовремя, папа просто поймал. Немец отделился бы ссадинами, а нас бы точно расстреляли. И все-таки, не все немецкие солдаты были жестокими и бессердечными. Некоторые даже плакали, глядя на нас. Иногда давали хлеб нам и нашим соседям. Гораздо хуже были свои полицаи. Поэтому, когда закончилась война и полицаев стали вылавливать, они умоляли их не вешать. Но их вешали на глазах у всех жителей. И все смотрели, и взрослые, и дети, как умирают их мучители.

Брат принес известие об окончании войны. И скоро к нам пришли советские войска. Мы надевали каски и показывали нашим солдатам, где прячутся немцы и полицаи. Теперь уже немцы находились в бывшем концлагере, но наши солдаты создали для них вполне хорошие условия существования. На территории лагеря находился магазин и даже баня. Немцы работали на шахте и баня, конечно, была просто необходима. В бане работала тоже немка, тетя Эльза, она и нас частенько пускала в баньку».

У **Фаузии Абдрахмановны** было семеро детей, в живых осталось четверо. Сейчас у этой приветливой гостеприимной женщины 15 внуков и 14 правнуков. Она живет со своей дочкой, а младшие внуки учатся в старейшей школе г. Актобе — в средней школе №11. Фаузия Абдрахмановна никогда не падает духом, любит гулять по городу и петь хорошие песни.





Утегали Тулеуович Бекмухамбетов

«Я родился 23 февраля 1942 года. Моя мама, Бекмухамбетова Биби — Ажар, работала санитаркой в роддоме. Там же, в роддоме Байганинского района, работала и прибывшая по распределению в 1939 году выпускница Киевской фельдшерско-акушерской школы Тамара Колодяжная. Она меня принимала, и я считаю Тamarу Колодяжную своей второй мамой. Да и не только я один. Тысячи моих земляков считают этого самоотверженного доктора своей крестной матерью.

Отцу моему было уже больше сорока лет, но его тоже могли призвать на фронт. Брат отца, Курманали, работал в военкомате Тамдинского района, имел бронь, но пошел добровольцем на фронт вместо моего отца. Отец остался, чтобы хоть как-то помогать нашей маме. Но мы его почти не видели, он работал сначала служащим в Жаркомысе, а потом председателем колхоза. Курманали воевал на Прибалтийском фронте, был политруком. К великому сожалению, у нас нет ни одной военной фотографии, письма тоже не все сохранились. А сам дядя не любил о себе рассказывать. Он,

как и большинство советских людей, считал борьбу с фашистами не подвигом, а святой обязанностью, и не любил хвалиться своими победами. Конечно, в военные годы половину роддома занимал госпиталь. Мама вышла на работу сразу после родов. Мама оставляла меня одного с девятилетним братом. Я часто выпадал из бесика, плакал, а братишка боялся меня маленького поднимать. Тогда мама стала привязывать меня. Мама уходила на смену на 12–14 часов. Нам даже трудно представить, что такое для маленького ребенка 12 часов без грудного молока! Мама оставляла для меня только воду, да и брату тоже ничего кушать не было. Я пил воду и сосал палец. Что помогло выжить — не знаю. Часто разворачивался и лежал на холоде. Из-за холода и падений плохо слышу на левое ухо. Что уж говорить об игрушках и книжках! Дети войны нянчили своих младших братьев и сестер, работали на заводах, на полях, на фермах — играть было некогда, да и нечем. Всем женщинам приходилось очень тяжело в военные годы. Но сложнее всего было тем, кто работал в госпитале, на железной дороге и в военкомате. В этих организациях была военная дисциплина. Поэтому в военное время было много таких, как моя мать, которые жертвовали своими детьми ради спасения раненых, ради отправки продовольствия на фронт. Часто бывало так, что дети не выдерживали, умирали. Моей маме судьба сделала подарок — оставила в живых меня».

Утегали Бекмухамбетов закончил Челябинский институт культуры по классу баяна и 35 лет преподавал в педагогическом училище им. Алии Молдагуловой по классу баяна и домбры, руководил оркестром. Много лет работал в культурно-просветительном училище, потом в педагогическом институте. Имеет звание Почетного Профессора Актюбинского государственного педагогического института. Более 45 лет живет со своей супругой Айжан Мусагалиевной Сарбаевой. Любит быть в центре событий, хорошие книги и хороших людей.





Ануар Жумагалиевич Утегенов

Ануар Жумагалиевич, (Ануар Жумагалиулы Отеген-Тана) родился через год после начала войны, 20 июля 1942 года в Уиле.

«Я могу говорить о военных днях только по рассказам матери. Хотя иногда кажется, что я и сам что-то помню. В конце 1941 года отца забрали на фронт, несмотря на его увечье. Он в детстве сильно травмировал ногу и хромал. Отец был под Сталинградом, копал окопы во время обороны города. Он своими глазами видел весь тот ужас, тот огненный шквал, который ежедневно обрушивали на город немцы. В 1944 году отец вернулся домой полным инвалидом. Мама рассказывала, что отец не мог сам передвигаться, его занесли в дом на какой-то кошме и положили в комнате. Мама за ним долго ухаживала. Как только отец стал поправляться, он устроился на работу. Он работал бухгалтером в детском доме, расположенном недалеко от Уила. Отец рано ушел из жизни, ему было всего 54 года.

Во время войны без отца маме пришлось очень тяжело. Иногда не было самых необходимых продуктов. Вместо сахара мама научилась со-

лить воду, такую и пила. Голодали. Но мама эти времена за голод не считала, ведь она пережила голод тридцатых годов. По сравнению с теми временами казалось, конечно, немного легче. У мамы не было молока. Она говорила, что давала мне сосать баранью кишку и пить воду. Иногда перепадало и козье молоко от нашей кормилицы — козочки. Так и выходила. Мама, пережившая голод тридцатых годов, не считала трудные годы Великой Отечественной войны голодными.

Нас еще выручало то, что в нашем районе работал Чаганак Берсиев, прославившийся рекордными урожаями проса в годы войны. Просо спасало и солдат на полях сражений, и тех, кто его выращивал. После уборки урожая колхозникам и детям разрешалось собирать «масак теру», то, что оставалось на земле и в бороздках. Из собранного проса делали тары, толкан. Такая, казалась, простая пища была богата белками и витаминами. Все ждали конца войны, ждали с фронта возвращения своих родных. Все остальное — и голод, и непосильную работу по две-три смены считали ерундой, и никто не думал о подвиге, все просто работали и ждали Победу».

Ануар Отеген-Тана закончил художественно-графический факультет Нижне-Тагильского государственного педагогического института. Всю свою жизнь он посвятил пропаганде изобразительного искусства, развитию эстетического воспитания. Именно Ануар Отеген-Тана заложил основы художественного образования в Западном Казахстане, открыв художественно-оформительское отделение при Актюбинском культурно-просветительном училище. Ануар Отеген-Тана первый художник — казах, представлявший нашу область на республиканских, всесоюзных и международных выставках с 1971 года. Его работы находятся во многих музеях и частных коллекциях в России и в дальнем зарубежье. Указом Президента Республики Казахстан художник награжден медалью «За доблестный труд», имеет также много республиканских и международных наград.





Роза Биктимировна Чанышева (Байбулатова)

Я родилась в г. Алма-Ате 1 октября 1937г. Во время Великой Отечественной войны проживала в г. Алма-Ате по ул. Фурманова 16 (ниже ул. Ташкентской).

Отец, Байбулатов Биктимир Каюмович, с первых дней войны был мобилизован и отправлен в пункт сбора и формирования будущей Панфиловской дивизии в Талгар, это было летом 1941 года, и отправлен на фронт. Моя мать, Марзия Яруллоевна, работала и до войны, и после войны на мясокомбинате. Проводив отца на фронт, она осталась с тремя малолетними детьми. Я была самой старшей. В 1942г. меня определили в детский сад, и нас детей водили в военные госпитали. Там мы читали раненым стихи, пели песни, танцевали. Нас всегда внимательно слушали, многие раненые плакали. Особенно мне запомнилось одно мое выступление. Я прочитала стихотворение, и меня позвал раненый боец. Он сказал, что я очень похожа на его дочь и подарил мне коробку с цветными карандашами. Для меня это был огромный подарок, тем более, что скоро я должна была идти в школу.

С 1944 года я училась в школе №54 им. Панфилова, которая находилась по ул. М. Горького и Фурманова. С 1941 года школа №54 перебазировалась в военный госпиталь для раненных в войне и в связи с этим учеников старших классов перевели в другую школу по ул. 8 марта (угол ул. М. Горького). Со мной в одном классе училась дочь политрука, героя Советского Союза, Василия Клочкова, Элла Клочкова, я с ней дружила с 1 по 10 класс — на фото мы с Эллой. Мама Эллы работала медсестрой в госпитале. Я часто бывала у них дома. Мне запомнилась фотография, где Элла на руках у отца, Василия Клочкова. Мы хорошо дружили, продолжали общаться и после войны.

Училась в школе. Учебников не хватало. Мы пользовались книгами по очереди. В классах было холодно, школа отапливалась буржуйками — железными высокими круглыми печками, в которые надо было постоянно подбрасывать дрова или уголь, потому что они быстро остывали. На переменах мы все грелись возле буржуйки. Одевались скромно. Часто в семьях, где было много детей, в школу ходили по очереди, в одной и той же одежде. Когда стояли сильные холода, нам выдавали валенки. После уроков мы постоянно с учительницей ходили в подшефный госпиталь к раненым бойцам. Читали им газеты — в первую очередь, конечно, новости Совинформбюро, писали за раненых письма родным, читали стихи. Собирали посылки для фронтовиков. Наши мамы, как и весь народ в то время вязали носки, варежки, шили кисеты, куда закладывали табак, махорку, самосад. И мы — дети, относили все это в школу, откуда все отправляли на фронт. Как могли, помогали медсестрам — гладили бинты, а затем их скручивали их в рулоны. Бинты и марлю сушили на школьном чердаке. Помогали и нянечкам — подавали раненым судна и выносили их, мыли полы. Видели много крови, боли и страдания. Нам не хватало еды — по 300 гр хлеба по карточкам, которые я иногда отдавала братишке, он всегда хотел есть. В школу мы с собой брали миски, иногда нам давали солдатскую кашу — похлебку.

Помню, в военные годы, в Алма-Ате проводили учебные воздушные тревоги. Это было очень страшно. Но мы должны были научиться, как поступать при настоящей воздушной тревоге. Помню то время, когда измеряли нашу комнату в г. Алма — Ате, чтобы подселить эвакуированные семьи, но мы вчетвером жили в одной маленькой комнате, а вот к маминой сестре, моей тете Байбосуновой Рукие Ярулловне, проживающей по ул. К. Маркса 95, была поселена эвакуированная семья Л. И. Брежнева — жена Виктория с сыном Юрой и дочерью Галиной, об этом Л. И. Брежнев написал в своей книге «Целина». Виктория дружила с моей мамой, они часто общались.

Я постоянно думала о папе. От него долго не было никаких вестей, ни писем, ни извещений. Потом написал его друг. В письме он рассказал, что своими глазами видел, как в бою убили моего отца. Мама долго плакала, она совсем не представляла себе, как жить дальше. Но папин друг ошибся. Отец был только ранен. Он прошел всю войну. Для него война закончилась в 1946 году в Будапеште. Когда отец вернулся, я играла у соседей. Мама позвала меня, но я долго боялась даже подойти к папе, ведь я его почти совсем не помнила. Мама подтолкнула меня к нему, мы обнялись, и я поняла, что это и есть мой папа, которого я часто видела во сне, которого ждала каждый день. А сколько детей так и не дождалось своих отцов! На день Победы были и радость и горе одновременно. Люди плакали и смеялись. На площади Коминтерна, не переставая, гремел салют. Из-за этого в домах на площади и на близлежащих улицах даже стекла заклеили бумагой крест-накрест. Сейчас такой площади в Алма-Ате уже нет. На ее месте находится русский драматический театр им. М.Ю.Лермонтова. О моем отце писал журнал «Автомобильный транспорт Казахстана» в 1970г. Статья называлась: «Настоящий человек за все в ответе».

Чанышева Роза Биктимировна закончила в 1960 г КазГУ по специальности физиолог, ее муж закончил Политехнический Институт по специальности инженер геофизик. Молодую семью направили на работу в г. Актюбинск, с тех пор они и живут в г.Актобе по улице Кереева. Супруги Чанышевы вырастили сына, а внучка живет в Москве.





Валентина Даниловна Дынник

Что может вспомнить маленький человечек, рожденный в 1942 году? Казалось бы, только те моменты, о которых рассказывали старшие в семье. Но все-таки оживают в памяти и свои собственные ощущения, картинки военных лет.

До войны мы жили в Могилевской области, в городе Горки. Мой папа, Киселев Данила Ефремович, 1900 года рождения, имел всего три класса образования. Как он сам шутил: «я пришел, а там полы мыли и меня не пустили». Так и не стал учиться дальше.

Папа был хорошим сапожником, после войны до самой пенсии заведывал сапожным цехом. Мама, Киселева Татьяна Герасимовна, 1908 года рождения, была совсем неграмотной, поэтому нигде не работала, вела домашнее хозяйство. В нашей семье было четверо детей — три сестры и старший брат. Я родилась 25 сентября 1942 года.

Белоруссия одна из первых приняла на себя все ужасы начавшейся войны. Я думаю, что каждый сантиметр этой многострадальной земли может быть местом Памяти и Преклонения. Отец сразу же ушел на фронт добровольцем. Он был необученным бойцом, поэтому рыл окопы, устанавливал заграждения. Вскоре его полностью комиссовали по зрению.

В первые же дни войны мы стали беженцами. Дошли до города Тосно, в Ленинградской области. Жить было негде, мы попросили разрешения построить землянку в одном из огородов. Огороды были практически у каждого. Но хозяин участка нам отказал. Оказалось, к счастью. Через несколько дней именно в этот огород попала немецкая бомба. Если бы мы жили там...

Старшие сестры рассказывали, что мама заболела тифом. Я была еще грудным ребенком. Кормить было совершенно нечем. Сестры нашли выход — вместо соски мелко резали кусочки сала, заворачивали в марлечку и такой вот «соской» кормили меня. Семья очень гордилась тем, что меня не потеряли, сумели выкормить в тяжелейших условиях, дали выжить мне и выжили сами.

Местные жители помогали нам, чем могли. Жили мы во временке, спали на мешках с сухой травой, то есть с сеном. Чтобы прокормиться, обменивали вещи на продукты. Самая бойкая среди нас была средняя сестра Оля (1930 г.р.). Когда она шла менять вещи, то приносила столько продуктов, что могла накормить сразу всю семью.

Мой старший брат Александр, 1924 года рождения, ушел добровольцем на фронт. Ему только исполнилось 17 лет. Александр был танкистом, дослужился до старшего лейтенанта. Он часто писал письма домой, мама их хранила в шкапулке. Иногда присылал и посылки со своим танкистским пайком, чтобы помочь нам. В конце войны Александр служил в Восточной Пруссии, принимал танки от американцев. Он погиб 29 апреля 1945 года, а 9 мая закончилась война. Отец получал потом на него пенсию.

После освобождения нашего родного города Горки, мы вернулись домой. город нас встретил руинами. Это я уже хорошо помню. Уцелела церковь, возраст которой насчитывал тогда около 600 лет, уцелели корпуса Белорусской сельскохозяйственной академии — БСХА — основанной еще Великим Петром. От остальных зданий остались покореженные стены, обгоревшие дверные проемы и выбитые окна.

Я помню, как мы, дети, ходили весной на колхозное поле собирать мерзлую картошку. Из нее добывали крахмал и пекли очень вкусные блины.

А на лугах рос щавель. Ранней весной, едва сходил снег, мы собирали его мелкие листочки, еле видные из-под земли, на щавелевый суп.

У моей подружки не было теплой обуви. А поиграть вместе очень хотелось! Помню, она прибежала ко мне босиком и мы вместе сидели на большой печи и игрались. Освещение было что-то вроде лучины, электричества не было.

Взрослые рассказывали, что одна семья не смогла выехать, как беженцы, осталась под оккупантами. У них имелось небольшое хозяйство: поросенок, куры. когда пришли немцы за данью, бабушка притворилась

больной, лежала и охала — тиф, тиф... немцы с тех пор обходили ее дом стороной. Так она сохранила кабанчика, которым потом делилась со всеми, кто остался в оккупации. За что и получила прозвище — артистка.

Я еще помню, как уцелевшие белорусы нашего маленького городка жалели и поддерживали трех евреев, чудом оставшихся в живых, потому что их удалось спрятать. Взрослые учили нас этому, несмотря на большие человеческие потери, учили состраданию, учили поддерживать друг друга. Я не помню, чтобы были жалобы, болезни, мародерство. Все радовались тому, что выжили, строили, пусть и небольшие, домики для жилья, помогали и родным, и соседям.

Сразу начала работать школа — правда, учителя в ней были в основном инвалиды войны — кто без руки, кто без ноги... но зато какие они давали знания! Благодаря учителям военного и послевоенного времени у меня нет проблем ни с математикой, ни с русским языком.

Дынный Валентина Даниловна закончила сельскохозяйственную академию в г.Горки по специальности инженер-землеустроитель. В 1964 году приехала в Актюбинск. Работала по специальности, затем — экономистом на АТВ до пенсии. С 2002 года в течение 15 лет была председателем ОО «Садовод».

В настоящее время Валентина Даниловна возглавляет ОО «Этнокультурное объединение белорусов «Олеся». Она не теряет связи со своей Родиной — ведь там живут сестры, тетя, внуки и правнуки. А в Актюбе Валентина Даниловна живет вместе с младшим сыном.

Ей интересно просто жить делать интересные вещи для людей. А еще Валентина Даниловна принимает участие в Тотальном Диктанте — и пишет его практически без ошибок!





Вера Григорьевна Ивашевская

Мой отец, Григорий Радзиховский, был выходцем из польской семьи. Его сослали в Казахстан, в город Актюбинск, когда ему было всего 17 лет. Это был 1912 год. Он сначала работал в железнодорожном депо, а через время стал машинистом. Женился. Я родилась 25 января 1925 года. Маму свою я совсем не помню, она умерла очень рано. Папа потом снова женился, и меня воспитывала другая женщина. Семья у нас была большая — кроме меня еще трое братьев и сводная сестра. Было и небольшое подсобное хозяйство — корова, свиньи, куры. Жили дружно, я и младший брат ходили в школу, старший к началу войны уже служил в армии.

Я любила очень петь и танцевать, ходила в кружок самодеятельности в школе. Летом мы ездили с концертной программой по районам. В июне 1941 года мы выступали в Алге. И тут объявили, что началась война. Мы еще не совсем хорошо понимали, что это такое. Но взрослые бросили работу, парни, мужчины поехали в город, кто на телеге, кто прыгал в проходящие товарняки. Мы отправились домой пешком. Уже в городе, увидев

огромные очереди перед военкоматом, мы поняли, куда все так торопились. Все хотели отправиться на фронт. Наш отец тоже отстоял в очереди, но ему несколько раз отказывали, из-за возраста, ведь папе было уже 46 лет. Только в начале 1942 года папа все-таки попал на фронт, добровольцем. Он воевал подо Ржевом. Там был тяжело ранен в ногу, долго лечился в госпиталях. Та и остался хромым на всю жизнь. Потом уже не участвовал в сражениях, больше работал по хозяйственной части. Часто писал письма. Письма читали по несколько раз, они и сейчас у нас сохранились. Через несколько лет после окончания войны папу вызвали в военкомат. Он сходил, вернулся, но ничего не рассказал. И только после его смерти, когда мы разбирали бумаги, в шкатулке с папиными письмами мой племянник Анатолий нашел завернутый в несколько листов бумаги Орден Красной Звезды. Орден нашел папу уже после войны, а он никому и не сказал об этом. Действительно, в войну самым главным было отстоять свою Родину, победить, а награды были для многих не так уж важны.

Старший брат, Григорий, начал войну в Бресте, он там служил. Он был несколько раз ранен, но каждый раз возвращался на фронт. Он встретил День Победы в Берлине, на ступеньках рейхстага, наблюдал, как его однопольчане вешают наше красное знамя — символ нашей Победы.

Средний брат, Александр, участвовал в Сталинградской битве. Он утонул, когда переплывал с товарищами Волгу на самодельных плотках. Они попали под обстрел, плоты просто разнесло в щепки, не уцелел никто. Многих посчитали без вести пропавшими.

Младший, Володя, пошел служить в 1943 году. Ему было всего 17 лет. Таких молоденьких новобранцев сразу на фронт не отправляли. Володя печатал листовки, фронтовые газеты, рисовал плакаты. Служил в войсках НКВД, конвоировал бандеровцев в Сибирь.

Не только в селах, в самом городе почти не осталось мужчин. Женщины встали на мужские рабочие места и заменили ушедших на фронт. Рядом работали и дети. Я сначала пошла на железную дорогу, но мама забрала меня и братьев учениками в типографию, поближе к себе. Сама она работала председателем артели «Казпук». Мне очень нравилось работать в типографии, хотя иногда работали ночью, часто без выходных. Все работники типографии, даже вахтеры, участвовали в выпуске газеты — ведь основные работники ушли на фронт. Когда случались выходные дни, тоже дома не сидели — ехали на поля, сажали, пололи, скирдовали, собирали урожай. Для сна времени совсем не оставалось. Чуть легче стало, когда в типографию пришли работать эвакуированные, тоже молодые ребята, лет 16–17. Я приходила на работу раньше всех, читала сводки с фронта, старалась разобраться во всем, что мне было непонятно. Все, что касается типографии, я выучила самостоятельно, да так, что

ко мне постоянно приходили другие рабочие, спрашивали, и я все объясняла. Мне все было интересно. Я работала на тигельной машине — печатала листовки. Газета «Актюбинская правда» выходила на одном листе, много полос. У меня экземпляры этой газеты до сих пор хранятся. Люди каждый день с огромной надеждой ждали новую газету. Типография находилась в районе старой мечети, а жили мы на Оторвановке. Но я все равно ходила пешком на работу и с работы. Да по-другому и невозможно было. Экономическому делу меня научила эвакуированная из Чернигова Кия Иосифовна. Я стала работать учетчиком, но и типографское дело не забывала.

Тяжело, конечно было выживать в годы войны. То небольшое хозяйство, которое у нас было, в одну из ночей у нас просто украли. Мы были дома: я, моя сводная сестра и мама. Мы слышали, как зарезали нашу собаку, как выводили корову... слышали и молились, чтобы не зашли в дом. В дом не зашли, но все подчистую забрали. Есть стало совсем нечего. Директор типографии сам давал мне типографский клейстер из сметок муки из мешков. Клейстер нужен был для выливания текста, а я делала из него лепешки и для себя, и для всех сотрудников типографии. Паслен ели, кукурузу, яйца битые... В 1943 году привезли девочек — сирот из Центральной России, разместили в здании типографии. Мы им тоже помогали. Для фронта каждый месяц отдавали однодневный заработок. Так только и могли помочь.

Тяжелое было время, но я благодарна судьбе. Ведь именно тогда мне встретились люди, которые помогли мне выжить, освоить профессию, научили трудиться и уважать труд, отвечать добром на добро.

Ивашевская Вера Григорьевна проработала 76 лет. Выйдя на пенсию, не стала сидеть дома, а пошла работать кладовщиком в детский сад. Она просто не может сидеть без дела. Сейчас Вера Григорьевна живет вместе с сыном, снохой, внучкой и правнуками.





Мынтай Карилаповна Карабалина

Мынтай Карилаповна родилась в 1936 году, 22 февраля в Ма-мыт. Это небольшое село в Каргалинском районе. Мама ее, как и многие другие в то время, работала в колхозе.

«Я совсем не помню, он умер, когда я была совсем маленькой. И мама сильно болела, умерла, когда мне было лет 5–6. В самом начале войны мы переехали жить к тете, которая жила в нашем селе. Тогда у меня были еще две сестры и старший брат. Тетя работала в колхозе дояркой. Ее мужа забрали на фронт в первые же дни войны. У нас не было даже радио, просто приехал уполномоченный из Актюбинска и забрал почти всех мужчин из села. Они уехали на подводах до Актюбинска, оттуда их в теплушках отправляли сразу в часть. Помню, что много женщин плакали, но я не совсем понимала, почему. Скоро я уже все понимала. Как-то сразу не стало хватать еды. Тетя приносила с фермы молозиво. Молозиво перемешивали с тарой и варили. В начале войны у нас было две коровы, но, когда умерла мама, одну пришлось зарезать. Вторую берегли, как могли. Кормов тоже не хватало. Помню, ка-

ждой семье колхоз раз в месяц выдавал мешок или полмешка зерна, этим и питались, и мы сами, и корове давали немножко. Больше ничего выделить не могли, ведь все сдавалось на фронт. А ведь всех нас, четверых, надо было кормить. Тетя часто вспоминала, как, умирая, мама просила ее хотя бы остатками кормить нас. Но и остатков иногда не было никаких. Вскоре мы переехали в поселок Раманкуль. Этот поселок был еще меньше нашего, там не было даже школы. Ездить на учебу было не на чем, не хватало и одежды. Поэтому во время войны мой старший брат и старшая сестра не учились. Брат летом пас телят. Телята были совсем слабые, некоторых просто выносили на свежую траву. Мы, как могли, помогали по дому, перемалывали зерно на ручной мельнице, сажали картошку и овощи. Настоящий праздник был у нас, когда тетя пекла хлеб, пусть из грубой муки, но это был хлеб! Не было чая, вместо него мы искали всякие корешки, траву заваривали и пили.

Вот День Победы я уже хорошо помню. В эти дни вернулся с войны тетин муж, живой и здоровый. Такое счастье редко кому тогда выпадало. В этот день опять было много слез: матери оплакивали сыновей, жены — мужей, дети — отцов. Но самое главное, мы выжили».

Карабалина Мынтай Карилаповна живет в селе Хазретовка Мартукского района. У нее 7 детей, 4 дочери и трое сыновей, 20 внуков и 19 правнуков. А сколько будет еще! Она живет с семьей младшего сына, как и положено по традиции. С удовольствием возится с внуками, которые в ней души не чают. Любит путешествовать, часто ездит в санатории. На фото Мынтай Карилаповна со своей любимой внучкой Сабиной. Она и рассказала о своей бабушке.



Мария Сергеевна Каргаева (Вырина)

Мария Сергеевна родилась 10 февраля 1941 года. Она знает и помнит даже самые мельчайшие подробности суровых военных лет. Много может рассказать и об истории своей семьи. Но большая часть ее воспоминаний посвящена отцу, Вырину Сергею Петровичу.

«Откуда пошла семья Выриных? Когда-то мой прадед, Гурьян Фролович, торговал в Сорочинске лошадьми. И однажды лошадей у него украли. Лошадей помог найти мальчишка-бродяжка, и дед взял его к себе жить в благодарность за помощь. Фамилия бродяжки была Вырин. Позже дед поженил приемыша и свою младшую дочь, так и появились в нашем роду Вырины.

Мой отец, Вырин Сергей Петрович, родился 5 января 1912 года в селе Курташка Ташлинского района Оренбургской (Чкаловской) области. Кроме него, в семье было еще двое братьев — старший, Егор, 1910 года рождения, и младший, Иван, 1922 года рождения. Отец до войны работал в селе, потом в колхозе. Начинал простым трактористом, а перед войной был уже бригадиром тракторной бригады. В 1936 году он женился на моей маме, Вере Леонтьевне. Мама была круглой сиротой, в три года она потеряла мать, а когда ей было шесть лет, умер отец. Мама с отцом прожили всего пять лет вместе, когда началась война. Мама родила сначала моего старшего брата в 1938 году, и в 1941 году, 10 февраля родилась я. Отец даже не успел насмотреться на меня, понянчить, как уже началась война. Он ушел на фронт сразу же после начала войны. Всех мужчин сразу же забрали. Мама моя осталась с двумя детьми и со свекровью. Сначала от отца приходили письма регулярно, и от его братьев тоже. Потом написал о своем ранении Иван, младший брат отца и письма от него перестали приходить. Больше



года, с 1943 по 1944 не было писем и от моего отца. Его уже считали без вести пропавшим. Я уже хорошо помню, как все мы, а особенно бабушка, ждали Зою — почтальона. Под старый Новый год, 1944, даже гадали при свечах, что же там происходит, на фронте. И вдруг моя двоюродная сестра разглядела в тенях на стене лес и ползущего солдата. Она кричала, что это ползет дядя Сережа, что она его узнала. Появилась надежда. Но только осенью пришло долгожданное письмо с фотографией от отца. Письмо было из Белоруссии. Папа, оказывается, воевал в разведподразделении 3-го Белорусского Фронта. И они действительно целый год провели в лесах, потом с боями прорывались, за что он был награжден орденом Славы первой степени. Папа очень просил маму выслать ему наши фотографии, особенно он хотел посмотреть, как я выросла. В селе фотографироваться было негде, и нам пришлось для этого ехать на станцию в Сорочинск.

Отец получил наши фотографии. И мы получили еще два письма! Он очень радовался, что у него такие хорошие детки, просил нас беречь маму и друг друга. Писал, что скоро пойдут на Польшу, что скоро конец войне. За взятие Орши его наградили вторым орденом Славы. Потом писем не стало. 13 января 1945 года мой отец погиб у местечка Францитково Сувалкинского района. Но похоронка пришла только в марте. Мы с бабушкой лежали на печке, когда пришла Зоя — почтальон. Бабушка послала меня открывать, а сама через окно знаками стала спрашивать, какую весть принесла почтальон. Зоя заплакала. Потом пришла мама. Все стали причитать. В России с древних времен принято было не плакать, а именно причитать. Сколько же я этих причитаний за войну выслушала! Сколько в них было невыплаканных слез и горькой тоски! Мама начинала причитать сразу, когда перечитывала письма отца. В конце концов бабушка сожгла все письма, и моего отца, и его братьев. Сожгла просто потому, что не могла слушать эти причитания, не могла видеть, как мучается моя мама, да и у самой сердце разрывалось, ведь она ничего не знала о судьбе своего младшего сына. Вот так и осталась у меня на память только последняя фронтовая фотография отца. Надо сказать, что похоронка была, пожалуй, единственная на село со всеми подробностями боя, гибели отца. Там даже было написано, что он похоронен в 150 метрах от села со всеми воинскими почестями. Все удивлялись, потому что остальные извещения были сухими и краткими.

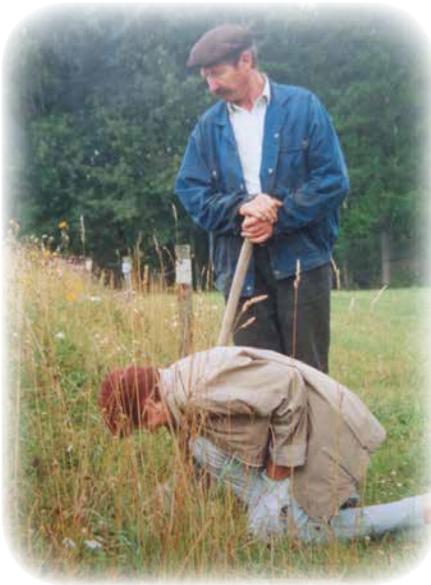
Мама держала нас с братом в строгости, могла даже наказать. Иначе и нельзя было. Иногда нам даже налыгой попадало. Налыга — это такой кнут для прогонки быков. Быками и землю пахали. Бабушка прямо как коршун, за нас заступалась всегда. Особенно меня любила, ведь я было сильно похожа на папу. Мама так и работала в колхозе. Она была очень добрым, отзывчивым человеком, умела понять и принять чужую боль как

свою, всегда помогала людям. Ее даже называли святой. И правда, я сама до сих пор удивляюсь, как, пройдя такие испытания, мама не обижалась ни на людей, ни на жизнь, всегда видела только хорошее. А как мама замечательно пела! Мне кажется, без мамы мы вообще бы не выжили. Голодные и холодные военные зимы, темные ночи, серые дни без солнца, без света. Радио в селе не было, и все новости мы узнавали или от почтальона, или от районного уполномоченного. Да что там радио, даже керосиновые лампы были не у всех.

9 мая 1945 года приехал верховой из Ташлы и объявил о Победе. Да, это была великая радость, все стали ждать своих родных. А я всегда вспоминаю бабушку. Мы жили в селе на самом берегу реки, и от нас была прямая дорога на село Степановка. Она очень хорошо просматривалась. Бабушка почти каждый день подолгу сидела на этой дороге, ждала своих сыновей. Особенно она ждала Ваню, ведь мы ничего о нем не знали. Если вдалеке показывалась фигура в солдатском, она начинала шептать «вдруг это мой Ванечка идет». Ваню долго ждала и его девушка, Аня Селезнева. То, что Иван Вырин погиб в боях под Киевом, мы узнали только на 60 — ление Победы. А Егора бабушка дождалась, он вернулся в 1946 году, жил потом в Бузулуке, умер в возрасте 96 лет.

В 1947 году я пошла в школу. Ни одевать, ни обувать было нечего. Я ходила босиком. Ручек и тетрадей тоже не было. Мама мне разрешила ходить в школу до осенних дождей. В классах у нас были дети разных возрастов, учителя сначала просто смотрели, кто хочет учиться, у кого какие способности. Я очень старалась, учительница уговорила маму, чтобы я училась. Закончив 7 классов, в 13 лет, я пошла работать телятницей, на ферму. Ферма находилась за три километра от поселка, но это было уже не страшно.

Я рано вышла замуж. Муж мой, Петр Васильевич Каргаев, был старше меня на 9 лет, служил в Германии, потом в Венгрии. Он хорошо играл на гармошке на посиделках. Так и приехал со службы с двумя чемоданами и с гармошкой. Мы поженились и переехали в Актюбинск. Муж работал на мебельной фабрике, потом в Госстрахе — оттуда и ушел на пенсию. Но и будучи на пенсии, долгое время работал в военизированной охране летного училища. А я работала медсестрой в УКГБ (позже КНБ) Актюбинской области. Поэтому я не смогла принять приглашение посла Польши Тадеуша Пшимановского на открытие кладбища советских воинов — освободителей, приуроченное к 40-летию Великой Победы в 1985 году. Это кладбище было открыто в городе Сувалки только для советских солдат. Рядом с ним находится городское кладбище и кладбище сожженных польских коммунистов. К открытию кладбища всех родственников погибших просили откликнуться, прислать имеющиеся фотографии, приехать и сделать записи в Книгу Памяти.



В Польшу я попала только на 60-летие Победы, в 2005 году. Я очень благодарна руководству ДКНБ, Совету Ветеранов и лично Л.А.Ким за моральную и материальную помощь в организации этой поездки. Без этой помощи я бы не смогла осуществить мечту всей жизни — посетить могилу отца, поклониться его праху и памяти всех, кто принес нам Победу. В Польшу мы поехали всей семьей, с дочерьми, зятем и внуками. Нас очень хорошо встретили. Увидев огромное кладбище, зеленые прямоугольники с белыми гранитными столбиками со звездой, мы все немного растерялись — как же мы найдем место, где именно захо-

ронен мой папа? Но наш сопровождающий Мирослав достал огромную книгу и по ней быстро нашел место захоронения моего отца.

Мы смогли попасть и на место гибели отца — оно действительно находилось в 150 метрах от границы села! Мы даже шагами несколько раз перемерили. И нам удалось встретиться с очевидцем этих событий. Станислав, ему тогда было 11 лет, рассказал, что в том бою очень сильно били «Катюши», поэтому все прятались в погребах и подвалах. А после боя стали хоронить бойцов. Для каждого! была вырыта отдельная могила. Но прежде чем положить бойца в могилу, все сведения о нем аккуратно записывали в тетрадь и откладывали документы. На могилу ставили столбик с выжженным номером, номер тоже вносили в тетрадь. Когда было принято решение о создании кладбища, останки бойцов складывали в небольшие гробики (0,5×1,0) и сверху тоже ставили этот номер. Теперь под каждым столбиком со звездой захоронено по 4 таких гробика. При перезахоронении присутствовало три священника — немецкий, православный и мусульманский. Каждый прочитал молитву, чтобы все 5 000 советских солдат разных национальностей могли покоиться с миром, пусть и вдалеке от своей Родины. Меня поразило то внимание, то уважение, которое оказывают поляки нашим погибшим солдатам, и нам, их родным. Советских солдат в Польше весь народ считает своими освободителями. Жаль только, что с нами уже не было моей мамы — она умерла в 1996 году



Нам разрешили установить небольшое надгробие над местом, где покоятся останки моего отца. И теперь я спокойна, зная, что память о нем сохранена в сердцах людей».

Мария Сергеевна и Петр Васильевич прожили счастливую жизнь. Воспитали двух замечательных дочерей, правда одна из них рано ушла из жизни. Сейчас у Марии Сергеевны четверо внуков, которых она очень любит. Если она не может быть рядом, то внуки улыбаются своей бабушке с многочисленных фотографий в ее уютной квартире. И каждый день, утром и вечером, Мария Сергеевна разговаривает по телефону со своим старшим братом, который тоже живет в Актобе. Жизнь продолжается!





Нагима Уразгалиевна Уркумбаева (Бекетова)

Я родилась в поселке Родниковка, 2 августа 1935 года. Там почти всю жизнь прожила, никуда не уезжала. Наша семья была интернациональная — папа был казах, его звали Уразгали, а мама — татарка, красавица Каншайым.

Родители мои были простые люди. Перед войной мама работала швеей, а отец трудился грузчиком на мельнице. Папа умел лечить людей. Это у него потомственное. Его родные тоже врачевали, прожили почти все больше ста лет. Папа никому не отказывал, но и не звал никого к себе на лечение. Но если его просили, помогал всем. Кроме меня, в семье росла еще моя старшая сестра, она родилась в 1929 году. Я сама была очень шустрая, ничего не боялась. И у меня были просто шикарные длинные волосы.

Почему я помню начало войны? Как раз в это время, в конце июня, я пошла купаться на нашу речку Тамды. И, видно попала в какую-то яму, стала тонуть. На мой крики прибежали солдаты. Кажется, это были охранники из тюрьмы. И вот именно за мои чудесные волосы они меня и вытащили. Волосы потом пришлось отрезать. Я долго лежала в больнице. Поправилась, конечно, но волосы перестали расти. Наверное, от испуга.

Вот так и война разрезала всю жизнь наших людей после мирных лет начались голод, болезни и, самое главное, потеря своих близких и родных. Сразу же забрали на фронт папиного брата. Он воевал до 1943 года, был тяжело ранен. Его везли с фронта в госпиталь через Актюбинск. Все родственники, особенно мама, просили оставить его дома, но нам не разрешили. Оказывается, уже тогда у него загноилась рана, и началось общее заражение. Он умер в госпитале где-то под Алма-Атой.

Папа продолжал работать на мельнице. Он как-то взял грамм триста проса для наших кур. Это уже было почти преступлением, потому что многие голодали, а просо сдавали на фронт. Папин напарник молчать не стал, сообщил руководству. Отца забрали на трудовой фронт. Он работал в 40 километрах от Ленинграда. Тогда Ленинград был в блокаде, и трудармейцы строили новые заградительные укрепления. В начале 1945 года там что-то обвалилось, засыпало насмерть больше тридцати человек, среди которых был и мой отец. Мы об этом получили извещение.

Мама всю войну так и проработала грузчиком на товарном дворе. Туда же привозили грязные, в крови наших солдат, в дырках от пуль, шинели. Мама приносила их домой. а мы с сестрой стирали эти шинели в реке Тамды. Портянки еще стирали, гимнастерки. Мама потом, чаще всего ночью, латала эти солдатские вещи, и их снова отправляли на фронт. На фронт собирали по домам картошку, яйца. Многие вязали носки, перчатки, теплые шарфы для солдат.

Я тоже стала работать в Актюбинске. Наверное, с 1943 года, мне ведь уже было целых восемь лет! Я работала у адвоката, разносила повестки и другие документы. Улиц названия не знала, читать еще не умела, а разносить надо было быстро. Так и бегала. Летом босиком, в стареньком ситцевом платице, зимой в огромных валенках, в перешитых мамой солдатских гимнастерках, которые уже невозможно было отправить на фронт. Эту работу мне потом засчитали, как трудовой фронт. Денег мне не платили, просто заносили в списки работавших и отмечали, сколько я выполнила заданий и сколько проработала дней.

Не могу сказать, что мы сильно голодали. Государство нам помогало, давало хлебный паек, мама выменивала подсолнечное масло. У нас была корова с теленком, молока хватало всем.

В 1945 году мама попала под поезд. Ее даже не в чем и не на что было хоронить, помогло государство. Мы остались вдвоем с сестрой. Как-то выжили. Я начала учиться в школе. Сначала училась в школе №1, потом в школе №11. В 1947 году сестра вышла замуж и забрала меня с собой в Родниковку. Тогда в Родниковке совсем не было казахов, там жили чеченцы, украинцы, немцы. Я там ходила в украинскую школу, училась на украинском языке. Вот в Родниковке мы действительно голодали! Колодки приходилось собирать, мерзлую картошку есть, отходы разные.

Потом я выучилась на токаря, работала на «Рентгензаводе» и на «Сельмаше» (тогда «Сельмаш» назывался артель «Большевик»). В 19 лет вышла замуж. Вместе с мужем немного поработали и на целине, но потом вернулись обратно в Актюбинск. Сами построили дом, научились делать хорошие саманные кирпичи и продавали их по 20 копеек. Много видели разных людей, много горя. Но выжили, вырастили детей. Теперь пусть живут, как умеют.

Уркумбаева Нагима Уразгалиевна и сейчас живет в доме, который сама и построила. У нее пятеро детей, девять внуков и двенадцать правнуков. И очень надеется, что жизнь наша будет с каждым днем лучше и лучше.





Кенжегуловы

О большой и дружной семье Кенжегуловых, о трудных военных годах вспоминает Кенжегулов Амиржан Тулеуович.

«Я родился 13 августа 1940 года в селе Кзыл-Сай, Алимбетовского сельского округа Каргалинского района. Кзыл-Сай расположен на реке Урал, в 10–15 километрах от Новотроицка. Там было много заливных лугов, богатое разнотравье, можно было выпастить скот и заготавливать сено на зиму.

Мой отец, Кенжегулов Тулеу, 1902 года рождения, работал тогда председателем колхоза. Мама, Кенжегулова Злиха, 1904 года рождения, сначала тоже работала в колхозе, а потом стала домохозяйкой, растила детей. Умерла мама в 1960 году. Жили всегда дружно, уважали друг друга, ценили и почитали родителей. В нашей семье кроме меня было еще трое детей. Брат отца, Толепберген, родился в 1915 году. Он некоторое время учился в Семипалатинске, потом там тяжело заболел корью и отец привез его назад, в Актюбинск. Толепберген работал в горсовете секретарем, поучил от государства квартиру по ул. Подгорная 1. В 1939 году Толепбергена забрали на финскую войну. Оттуда в 1941 году, сразу после начала Ве-

ликой Отечественной войны, он попал в Белоруссию. От Толепбергена из Белоруссии было несколько писем и фотографий. Мама всегда плакала, говорила, что от него одни кости остались. Письма перестали приходить, зато в декабре 1941 года пришло извещение, что Толепберген пропал без вести. Больше мы ничего о нем не знаем. В 1925 году родилась моя старшая сестра Жанат. Мамина помощница и утешительница. В годы войны мама, Жанат и младшая сестра Ханшайым, которая родилась в 1930 году старались делать все возможное и невозможное, чтобы хоть как-то помочь тем, кто сражался на фронтах Отечественной войны. Основная работа была во время войны на колхозных полях. Практически все, что выращивали, сдавали на фронт. На полях всем находилось дело. Мама даже часто брала с собой и самую маленькую мою сестренку Дамилю, хотя ей в начале войны исполнилось всего три года.

Хорошо, что в годы войны у нас осталась корова. Хлеба практически не было, молоко и айран нас очень выручали. Корма не хватало ни колхозным коровам, ни своим. Иногда сено воровали, но чаще собирали прошлогоднее, замерзшее, рубили топором, добавляли старой муки и этой смесью кормили корову. Все военные зимы были очень суровыми, морозными и поэтому нам казалось, что они тянутся бесконечно. Только снег сходил, только появлялись первые проталины, все выгоняли свой скот. Даже не выгоняли, а выводили и иногда выносили, так ослабевали животные за зиму от голода.

Отец был призван на войну в 1942 году. Мне было тогда всего год и восемь месяцев. Он воевал под Сталинградом, старался часто писать нам письма. Писал он и своему брату Мухтару, который жил тогда в Орске. Просил, чтобы он помогал нашей семье, заботился о нас, насколько это возможно. Писал так, как будто предчувствовал вечную разлуку. Всего писем было три, и я их бережно храню до сих пор.

Отец был командиром пулеметного отделения 1026 стрелкового полка 260 стрелковой дивизии, в звании старший сержант. В состав дивизии вошли люди в основном среднего возраста, призванные из запаса — сапожники, кузнецы, мастеровые, простые колхозники. Люди, уже познавшие трудности жизни, закаленные, крепкие и духом, и телом. Их мужество пригодилось уже в октябре 1941 года, в кровавой битве за переправу через реку Рессету. Эта река, берущая начало из болота Болонь, что северо-восточнее Брянска, стала тогда со своими берегами братской могилой более чем ста тысячам воинов Советской Армии. В начале октября, а именно 8–9 октября 50-десятая армия, в состав которой входила 260 стрелковая дивизия, была полностью отрезана от всех войск Брянского фронта. Со всех сторон ее окружал враг. Прекратилось снабжение армии продовольствием и боеприпасами. И единственным местом, где еще

можно было прорваться, была река Рессета. Командование приняло решение форсировать реку. Форсирование началось утром 11 октября. Два дня, под нескончаемым огнем противника, измотанные непрерывной бомбежкой, промокшие и израненные, наши воины почти врукопашную бились с врагом, и прорвались к реке. Потерь было много. Вода в Рессете стала буро-красной от крови. А земля на берегах до сих пор местами пропитана кровью наших бойцов. Только к 17 октября фронт был прорван, и 260 дивизия вышла к Белеву. За две недели изнурительного похода был нанесен серьезный урон противнику: враг потерял более 2 000 человек убитыми, большое количество автомашин, мотоциклов, орудий и минометов. Но наши потери были куда ощутимее — к Белеву из окружения вышли всего 674 человека с четырьмя пулеметами — из 10 464 человек! Поэтому командованием было принято решение о расформировании 260 дивизии и слиянии ее с 290 стрелковой дивизией.

В 1942 году в Коломне была сформирована другая 260 дивизия, которая прошла всю войну, освобождала Сталинград, Брянск, воевала до самой Победы. Новой дивизии предали боевые знамена прежней, первого состава формирования. Из состава первой дивизии не осталось в живых никого.



Мой отец воевал под Сталинградом в составе новой дивизии. Под Сталинградом отца ранили. После госпиталя в 1943 году его отправили на Калужский фронт. Но там он воевал совсем не долго. Калужская область, Жиздринский район, село Судимир — это место гибели отца 16 августа 1943 года. Там же он и похоронен в Братской могиле. Эта могила постоянно пополняется. В 1986 году в ней было похоронено 102 воина, к 70-летию Победы там покоилось уже 160 человек. За это спасибо поисковым отрядам и всем тем, кто сохраняет Великую Память народа. В 1986 году я ездил с женой в Судимир. Мы привезли нашу родную казахстанскую землю на могилу моего отца. И еще дважды, на 65—летие и на 70-летие Победы, уже с сыновьями, я был на Братской могиле. Нас встречали очень хорошие и добрые люди из администрации сельского поселения Овсорок. С Валентиной Егоровной Алексинковой, председателем поселения, я до сих пор общаюсь. Могила ухожена, память сохраняется. Уже много лет гордо возвышается фигура воина в плащ-палатке с винтовкой под русской березой. У ног его — огромная мраморная плита с высеченными на ней фамилиями защитников Родины.

С 1952 года я уже работал, как взрослый, хотя мне было всего 10 лет. Я помогал колхозникам, которые косили вручную траву на наших заливных лугах. Я собирал скошенную траву, много раз ее ворошил граблями, чтобы просохла и не загнила, а потом складывал в стог. Работал неделями, только в субботу наведывался домой. Но и в субботу не сидел дома, ездил в город, продавал или обменивал яйца и творог, возвращался домой и вечером уже снова ехал в степь».

После войны **Амиржан Кенжегулов** учился, работал. Вместе с женой Маржан вырастили троих сыновей. Уже есть внуки, скоро появятся и правнуки. Самая заветная мечта Амиржана Тулеувича — узнать о судьбе своего дяди Толепбергена, найти место его упокоения.





Биля Молдашевич Танирбергенов

Рассказывает Танирбергенова Томирис:

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МОЕГО ДЕДУШКИ

«Великая Отечественная Война — это огромная душевная рана в человеческих сердцах. Началась эта страшная трагедия двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года, а закончилась только через четыре года, через четыре тяжелых года — девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Это была самая величайшая война за всю историю человечества. Огромное количество людей погибло в этой войне.

Отмечая очередную годовщину Великой Победы стоит задуматься, какой ценой она досталась! «Все для фронта, все для Победы» — это были не просто лозунги, эти простые слова стали нашей идеологией, смыслом жизни. Люди считали святым — отдать жизнь для Победы. Сколько миллионов людей погибло в эту войну. Матерям и женам некогда было оплакивать своих родных, воевавших в окопах, они сами брали в руки оружие и шли на врага.



Советский Союз справедливо считают страной-освободительницей. Мы не только изгнали фашистов из страны Советов, но и освободили практически всю Европу от фашистского гнета. И как же больно сейчас слышать о том, как перекраивается история, как наших солдат, отдавших жизнь за свободу других народов начинают называть захватчиками! Но пусть эти слова останутся на совести тех, кто в очередной раз пытается очернить на поистине всенародный подвиг!

Немногие дошли до Берлина, но слава погибших, их имена живут в наших сердцах. В Великую Отечественную Войну люди показали, на что способен советский

народ и какая великая и могущественная наша страна. Хотя если подумать, ведь не так давно это было, и страшно то, что многие уже забывают это. А жаль...Люди! Вы должны помнить тех, кто совершил этот подвиг во имя нашей Родины! С каждым годом мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Но время не имеет власти над тем, что люди пережили в войну. Это было очень трудное время. Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности. Его волей, его кровью добыта победа над сильным врагом. Нет границ величию его подвига во имя Родины, как нет границ величию трудового подвига советского народа. Война... Как много говорит это слово. Война — страдание матерей, сотни погибших солдат, сотни сирот и семей без отцов, жуткие воспоминания людей. Да и нам, не видевшим войны, не до смеха. Солдаты служили честно, без корысти. Они защищали отечество, родных и близких.

Война — это горе и слезы. Она вошла в каждый дом, принесла беду, затронула судьбы многих семей. Из каждой семьи ушли на фронт отцы и дети, мужья, бабушки, дедушки, братья и сестры. Тысячи людей прошли через все испытания и мучения этой самой тяжелой войны, но они вы-

стояли и победили. И хотя большинство участников тех событий уже умерло, но есть еще те люди, которые помнят этот ужас. Воспоминания о войне постоянно в их памяти. Всё дальше и дальше в историю уходит героическая эпопея Великой Отечественной войны — самой жестокой из всех войн, которые пережила наша страна. Война... Само это слово говорит о беде и горе, о несчастье и слезах. Сколько людей погибло во время этой страшной Великой Отечественной войны! Но, погибая, они знали, что сражаются за свою землю, за своих родных и близких. Нет ни одной семьи, которую бы не затронула Великая Отечественная война. Чем измерить глубину утраты и силу скорби? Даже теперь, сколько лет спустя после победы, матери ждут сыновей, жены — мужей, дети — отцов. Память и надежда. Они живут всегда с нами и в нас. Мою семью война не обошла, как и миллионы других семей. На этой страшной войне воевал мой дедушка, Танирбергенов Биля Молдашевич. К сожалению, я дедушку живым не застала: он умер до моего рождения. Все, что я о нем знаю, только по рассказам папы и родственников. Бабуля и дедушка прожили вместе 43 года. Они вырастили и воспитали 7 детей. Вот что рассказал мне папа: «Твой дедушка родился в очень дружной и трудолюбивой семье, 20 октября 1916 года в селе Бескопа Хобдинского района, Актюбинской области — это малая родина Героя Советского Союза Али Молдагуловой. Он был старшим ребенком, а кроме него росли ещё сестра и два брата. Его отца звали Танирбергенов Молдаш, маму Лия. Он прошел через все трудности, которые выпали на долю казахского народа, в те нелегкие времена. Мой дедушка тоже был участником войны. В 23 года он был призван на воинскую службу 20.10.1939 г. Хобдинским РВК, Казахской ССР, Актюбинской обл. а уже через семь месяцев началась Великая Отечественная война. И прямо с военной службы был отправлен на войну в июне 1941 года. Военное звание гвардии старший сержант, всю войну прошел минометчиком. В составе минометного расчета 618 полка 23 стрелковой дивизии 3 Украинского фронта он участвовал в 1942 году в Сталинградской битве, где получил ранение в руку. Пролежав несколько месяцев в госпитале, вернулся в строй. За войну он был ранен трижды, после выздоровления возвращался на передовую.

Воевал он доблестно, о чем свидетельствуют его награды: две медали «За отвагу», Орден Красной Звезды, Орденом Отечественной войны 2 степени дедушка был награжден в 1985 году к 28-летней годовщине Победы, юбилейные награды. Но самой большой наградой для всей семьи в годы войны были фронтовые треугольники писем, которые пусть редко, но все же приходили от дедушки. Их читали всей семьей, читали с соседями, читали всем селом. И каждый надеялся тоже получить заветное письмо-треугольник от своего солдата. Нашей семье повезло — письма

приходили и от отца, Молдаша, и от сына, Били. Но в один из дней на отца пришла похоронка. Значит, сыну надо было воевать за двоих.

Дедушка никогда не кичился своими наградами, не любил рассказывать о своих подвигах. «Воевал, как все» — так отвечал он на расспросы о войне. Только повзрослев, мы стали осозновать, что боевые награды не вручаются просто так, всем подряд. Боевые награды надо заслужить в смертельной схватке с врагом ценой своей крови. И в ответе дедушки, и в ответах всех оставшихся в живых героях той войны заключается великая любовь к своей Родине и сознание своего сыновнего и воинского долга».

Он дошел до Берлина. В Интернете на сайте подвиг народа ru. я нашла архивные данные о награждении дедушки орденом Красной Звезды и Медали за отвагу. Был описан подвиг моего дедушки. «При прорыве обороны и взятии Берлина Танирбергенов Биля показал себя отважным, смелым, решительным воином. При прорыве обороны 17.04.45г. Танирбергенов Биля огнем своего миномета подавил две пулеметные точки и уничтожил около 7 немцев, чем обеспечил продвижение взвода через перекресток и занять дом. В боях за Берлин 28.04.45 г. товарищ Танирбергенов Биля уничтожил со своего миномета около 15 гитлеровцев и подавил пять пулеметных точек, чем обеспечил продвижение подразделения к большому зданию без потерь. Ворвавшись в дом 29.04.45 г. товарищ Танирбергенов Биля уничтожил двух фаустников, пытавшихся зажечь наши танки, в боях был смелым и решительным. Достоен награды» Об этом подвиге все родственники узнали тоже из этого сайта, ведь дедушка при жизни не любил рассказывать о своих подвигах. После окончания войны дедушка еще год служил в комендатуре Берлина, затем его направили в Австрию, и только потом на Родину. По словам моего папы, дедушке трудно было вспоминать об этих страшных годах войны, так как сразу наворачивались слезы. Очень редко дедушка рассказывал об этих событиях.

Вернувшись домой, дедушка женился и в 1949 году переехал в поселок Калиновка, где прожил 42 года. Его жену, а мою бабушку звали Айбалдай Канатовна, ее отец тоже погиб на фронте.

Нелегкими были и послевоенные годы: быт советских людей еще долгое время был наполнен отголосками военного лихолетья, душевные раны, память о мертвых и живых. Ветеранам пришлось восстанавливать разрушенное хозяйство, но вера в лучшую жизнь помогала им жить. В мирное время ветераны войны продолжали трудиться. Мой дедушка имеет огромный трудовой стаж, награжден грамотами за трудовые успехи, медалью «Ветеран труда». Принимал активное участие в воспитании подрастающего поколения. Несмотря на всю тяжесть и трагизм жизни, на весь ужас, пережитый в годы войны, он сохранили жизнелюбие, доброту, оптимизм, любовь к своей земле. В нашем селе, наверно нет челове-



Нешанов Турун
1929-1999г.
Воиска на С. салониералски фронт



Калифорниев Мухамед
1928-1998г.
С. Салониералски фронт



Мухамед Алиев
1928-1998г.
С. Салониералски фронт



Мухамед Алиев
1928-1998г.
С. Салониералски фронт



ка ,который бы не знал моего дедушку. В памяти односельчан он остался храбрым солдатом, умным, добрым, справедливым человеком, воспитавшим достойных детей, которые продолжают его дело. В мирное время мой дедушка работал председателем сельского Совета, начальником почты, а когда вышел на пенсию, ухаживал за колхозным садом, где росли фруктовые деревья. Дедушка Биля и бабушка Айбалдай вырастили семь детей, увидели 16 внуков и 13 правнуков. Они учили своих детей жить по совести. Дедушки нет с нами уже 25 лет, он умер через в 1991 году, через шесть месяцев после смерти нашей бабушки. Память о моем дедушке живет в сердцах его,

детей, внуков и правнуков. Я буду хранить фотографии, медали и орден дедушки, чтобы показывать их своим детям и рассказывать, что мой дедушка был героем, не жалел себя, защищая Родину от фашистов. Он по праву принадлежит к тому несгибаемому поколению советских людей, которые оставляют добрый след на земле. Мужество и героизм советских людей сорвали гитлеровские планы «молниеносной войны». 9 мая наша страна будет отмечать годовщину Великой Победы над фашизмом. На этот праздник соберется вся наша большая, дружная семья. Как всегда в этот день мы будем рассматривать дедушкины фотографии, письма, награды, старшие будут вспоминать дедушку и бабушку, а мы, внуки и правнуки будем затаив дыхание слушать их рассказы. Обязательно в этот день мы всей семьей посетим обелиск в честь наших воинов, который находится в центре села, возложим цветы и почтим минутой молчания павших. Также мы навестим могилы дедушки и бабушки, прочитаем молитвы за упокой их душ. В День Победы мы поздравим наших ветеранов, которых с каждым годом становится все меньше и меньше. Видя лица этих людей, слушая их рассказы, мы понимаем, как много зла натворила



война. Мы, молодое поколение, обязаны знать историю войны, ее героев, чтить их память, потому что они жертвовали своей жизнью ради нашего светлого будущего. Торжественные мероприятия, поздравления, подарки, встречи ветеранов с «боевыми» друзьями продлевают бодрый дух стареющих солдат. Наш долг сохранить историческую память о подвигах участников, ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Мы все должны гордиться своими предками, которые спасли мир от фашистского ига, отстаивали независимость нашей страны. Мы обязаны помнить, какой ценой досталась Победа, и чтить их память. Хочется верить, что в будущем не будет войны, не будут наши мамы беспокоиться за сыновей. Пусть будет на нашей земле только мир, дружба и согласие».

На обелиске возле Талдысайской школы Хобдинского района высечены имена воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. В этих списках есть фамилия **Танирбергенова Били Молдашевича**. Именно здесь 9 мая собираются ветераны и их родные, чтобы еще раз почтить светлую память погибших в боях за освобождение Родины.





Жолды Танкаев

*Спасибо деду за Победу,
За каждый отстоявший дом
За небо чистое, за веру,
За то, что мы теперь живем!*

Рассказывает внучка Жолды Танкаева, Лаура:

«**В**ойна» самое страшное и жестокое слово. Война отбирает у человека все, что ему дорого, потому что угрожает самой жизни. О Великой Отечественной войне я знаю из рассказов нашего любимого дедушки. Танкаев Жолды родился в 1916 году 9 мая, в Актюбинской области, в Кобдинском районе. Его родители всю жизнь проработали чабанами, пасли скот сначала у баев, потом в колхозе. К началу войны ему исполнилось 25 лет. Как и все, работал в колхозе. Уже был женат. Бабушку нашу, его жену звали Орынша. Орынша тоже была из простой семьи. В первые же дни войны наш дедушка добровольцем пошел на фронт. Пошел простым солдатом, рядовым пехотинцем. С 1941 года по 1943 год он принимал участие в боевых действи-

ях в Подмоскowie, на Ржевском направлении в составе 101 стрелковой бригады. Дедушка мой был абсолютно неграмотным, поэтому писем мы с фронта не получали. Он, как каждый советский солдат, самоотверженно сражался за свою землю. Участник крупной наступательной операции под кодовым названием «Марс». Эта операция планировалась в два этапа. В задачу начального этапа входило в первый день наступления прорвать оборону противника, выйти к железной дороге Ржев–Сычевка и до подхода оперативных резервов овладеть городом Сычевка. На втором этапе планировалось в течение 3–4 дней, во взаимодействии с частями Калининского фронта, окружить и полностью уничтожить Ржевскую группировку противника. Больше месяца проходила подготовка к прорыву. Войска проводили перегруппировку, подвозили боеприпасы, продовольствие и фураж. В течение октября и ноября в Армию вливались новые стрелковые, артиллерийские, танковые части. Все это не могло остаться незамеченным для противника. Кроме того, были случаи, когда перебежчики сообщали противнику о подготовке наступления. Зная об этом, немецкое командование укрепляло свои оборонительные позиции именно там, где намечался прорыв.

К началу ноябрьско-декабрьской операции перед фронтом 20 Армии противник оборонялся силами 78 пехотной и 5 танковой дивизий (всего около 18 000 человек). К 25 ноября 1942 года части и соединения 20 Армии были полностью укомплектованы людьми и вооружением согласно штатов. Удалось создать значительное превосходство над противником в численном составе (в 5,4 раза), активных штыках (в 6 раз) и технике. На фронте в 20 километров 20 Армия насчитывала 95 557 бойцов и командиров. Начало операции было назначено на 7:00 утра 25 ноября 1942 года.

В первой половине 26 ноября, непосредственно после переправы, 6-й Танковый корпус стремительной атакой овладел несколькими ключевыми населенными пунктами второй линии обороны противника и к 12:00 вышел на железную дорогу Ржев–Сычевка. Но вовремя не поддержанный стрелковыми частями, корпус понес тяжелые потери и насчитывал всего 40 боеготовых машин из 170 в начале наступления. После прохода корпуса, в панике бежавший противник вновь занял все ранее оставленные позиции.

К 27 ноября 2ГвКК лишь частично переправился на западный берег. Передовые его части (124 КП) перешли в наступление и, невзирая на ожесточенное сопротивление, вклинились во вторую линию немецкой обороны, освободили несколько основных опорных пунктов и удерживали их, несмотря на контратаки численно превосходящего противника. Но во второй половине дня, не получив поддержки со стороны пехоты, понес большие потери, по приказу командования полк оставил занимаемый рубеж, потеряв 356 человек убитыми.

Из радиоперехвата немецкой радиостанции: «На нас наступают с севера, востока и юга. Накапливаются танки, кавалерия, пехота. Обстановка очень угрожающая. Требую немедленного пополнения броневой артиллерией, взрывчаткой и противотанковыми минами. Шлите необходимые медикаменты для помощи раненым и медотряд — 4 врача. Считаю полезным отойти от железной дороги. Нам грозит опасность окружения».

Следующее крупное наступление, целью которого ставилось перерезать ж/д Сычевка-Ржев и, наступая в северо-западном направлении, совместно с частями Калининского фронта окружить Ржевскую группировку противника, было намечено на 11 декабря 1942 года. К 11 декабря войска 20 армии насчитывали более 80000 человек, без учета остатков подвижной группы (всего вместе с запасными частями и тыловыми учреждениями 112411 человек). В состав армии вошли одна гвардейская и две обычных стрелковых дивизии, а также 5 Танковый корпус.

В 10 часов утра 11 декабря началась артподготовка, продолжавшаяся 50 минут. Одновременный огонь вели минометные батареи и вся армейская и дивизионная артиллерия.

Из дневника пленного немецкого офицера: «Утром началась невообразимая стрельба артиллерии, Сталинских «органов» и танков по нашим позициям. Мы подверглись такому огню, что, поистине, невозможно описать, найти подходящие слова. Казалось, что наступил конец мира. Мы сидели в своих окопах, надеясь, что прямое попадание не поразит нас всех. Этот ад продолжался целый час. Когда он кончился, я хотел вылезти, но пришлось снова укрыться, т.к. на нас двинулись танки. Я один насчитал из своего окопа до 40 тяжелых танков. Два из них направились на мой окоп, один сзади, другой спереди. Можно было сойти с ума. Мы думали, что уже погибли. Этот день я никогда не забуду. Наконец, атака отбита».

В 11 утра части 20 Армии перешли в наступление на всем фронте. В бой были введены свежие дивизии. В течение дня и ночи продолжался штурм переднего края. Противник оказывал упорное сопротивление на всех направлениях. Опорные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Наши войска успеха не имели. Прорваться к ж/д Сычевка-Ржев так и не удалось. К 12 декабря от практически заново сформированного 6ТК осталось лишь 26 танков, от свежего 5ТК — 30 танков, потери пехоты не поддавались подсчету (на прибывшее пополнение не успевали составить списки, выдать смертные медальоны — прямо с марша части шли в бой).

14 декабря наступление продолжается. В бой введены еще две стрелковые дивизии и лыжная бригада. В целях лучшей подготовки наступления командующий армией приказал:

«Комдивам 14 декабря и ночь с 14 на 15 декабря использовать для лучшей организации вопросов взаимодействия родов войск, приведения частей в порядок и пополнения их за счет тыловых учреждений, которые сократить до крайне необходимого минимума. Для решения поставленных задач создать штурмовые отряды, включив в них стрелков, минометчиков, пулеметчиков, ружья ПТР, сапера со взрывчаткой, один или два танка и орудия сопровождения для захвата ДЗОТ, а также для блокировки отдельных узлов сопротивления. Всем командирам дивизий с 9.00 до 12.00 15 декабря прицельным методическим огнем разрушить оборонительные сооружения противника, с 12.00 до 12.10 — произвести артиллерийско-минометный огневой налет по переднему краю и ближайшей тактической глубине обороны противника. Атака пехоты и танков — 12.10 15 декабря».

15 декабря, после перегруппировки и ввода в бой новых соединений, войска 20 Армии вновь перешли в наступление по всему фронту. Противник продолжал оказывать ожесточенное огневое сопротивление, неоднократно переходил в контратаки при поддержке танков. Соединения 20 Армии вели тяжелые бои, оставаясь на прежних рубежах, и успеха не имели. Наступление продолжалось до 18 декабря... В 8.00 18 декабря 1942г. частям и соединениям Армии было отдано боевое распоряжение №079:

«Для закрепления захваченного плацдарма Командующий Войсками 20 Армии приказал:

Всем соединениям в оперативных границах на рубеже, достигнутом частями первого эшелона, открыть сплошную траншею полного профиля. Траншею оборудовать площадками для станковых и ручных пулеметов, ячейками для стрельбы из винтовок и автоматов, блиндажами для жилья, бойницами, ступеньками для выхода в атаку, укрытиями, тупиками, местами для боеприпасов и дров, отхожими ровиками из расчета 1 на роту. Оборудовать узлы обороны и опорные пункты. Промежутки между узлами обороны и опорными пунктами иметь под фланговым огнем. К работе приступить немедленно. Срок окончания работ 24.12.42 г.».

В феврале-марте 1943 года немецкие войска оставили Ржевский выступ и в несколько этапов отошли на заранее подготовленную Вяземскую линию обороны.

Операция «Марс» завершилась. Освободив территорию в 11 км по фронту и 6 км в глубину, так и не выполнив боевую задачу, 20 Армия потеряла более 14000 человек убитыми и 1500 человек пропавшими без вести. Однако в результате этих боевых действий были значительно истощены силы 9й армии группы «Центр». Битва на Ржевском направлении поглотила все резервы Группы армий, которые могли быть направлены на деблокирование окруженной 6й армии Фридриха фон Паулюса в районе Сталинграда. Войска 9й немецкой армии, которые должны были участвовать в сражении на Курской Дуге, настолько выдохлись, что дальнейшие военные операции неоднократно переносились, но к началу знаменитого сражения немецкие войска так и не смогли полностью восстановиться, что, несомненно, также повлияло на общий исход битвы. Поэтому наши жертвы были не напрасны. Это был тяжелый, невыносимый, кровавый вклад в нашу Победу.

Именно во время этой операции, осенью 1942 года мой дед был ранен в правую руку, 6 месяцев лежал в госпитале в Москве. После госпиталя весной в 1943 году его отправили домой инвалидом 1-группы. В колхозе «30 лет Казахстана» работал скотником, затем чабаном. Дедушка и бабушка воспитали двух сыновей, и четырех дочерей и 11 внуков. И, наверное, не считали свою жизнь подвигом так же, как и все поколение тех суровых лет. Он отдал Победе все, что смог. И в мирное время, также, как и на войне трудился не жалея сил до конца своих дней. В колхозе, где он жил, нет человека, который бы не знал и не помнил нашего дедушку. За участие в военных операциях дедушку наградили Орденом Отечественной войны, Орденом Красной звезды, медалью «За отвагу», многими благодарственными письмами и грамотами. К сожалению, не дожил он до нынешнего Дня Победы. У нас есть семейная традиция ездить каждый год 9 мая в колхоз, где он жил. Мы его дети, внуки и правнуки всегда гордимся, помним, любим и чтим его память!»

Как же хорошо, что с каждым годом все больше становится людей, для которых память — не пустое слово, не просто понятие, обозначающее одно из свойств человеческого организма. Для которых память — это история поколений, сражения за свободу и независимость своей Родины, преданность национальным и общечеловеческим ценностям. Я думаю, что когда все люди осознают это, на нашей Земле прекратятся, наконец, чудовищные войны, несущие боль, смерть и пустоту.





Просто цифры...

Вторая мировая война — самый беспрецедентный по своим масштабам вооруженный конфликт в истории человечества, который наложил отпечаток на всю последующую историю мира второй половины 20 века.

Прежде всего, это самый крупный военный конфликт по количеству участвовавших в нем стран. Потрясают масштабы людских потерь, немалая часть которых пришлось на гражданское население. Только в СССР число погибших составило около 28 млн. человек, из которых 18,5 млн. были гражданским населением. Великая Отечественная война длилась 1418 дней.

Фашисты разрушили 1710 городов, 70 000 сел, 84 000 школ, лишили крова 25 млн. человек. В Германии в концентрационных лагерях были уничтожены 11 млн. человек. В лагерях смерти погибли: в Освенциме — 4 млн. человек, в Бухенвальде — 56 000 человек, в Дахау — 70 000 человек, Маутхаузене — 122 000 человек, Майданеке — 1 млн. 500 тысяч человек, в детском концлагере Саласпилс — более 700 тысяч детей. Во время Великой Отечественной войны действовало (помимо тюрем, гетто) 14 000 концлагерей. Всего в лагерях смерти содержалось 18 000 000 человек, из них 11 000 000 были уничтожены, из них 5 млн. — граждане СССР. Жертвами этой войны и связанных с ней репрессией в западноевропейских странах стали 5 млн. человек. Плюс к этому миллионы людей погибли на Тихоокеанском и других фронтах Второй мировой войны.

Все меньше с каждым днём становится тех, кто защищал нашу Родину. День победы в Актобе встретят всего 28 ветеранов Великой Отечественной войны.

Если память каждого погибшего на войне почтить Минутой Молчания — потребуется 38 лет.

Прошло уж много долгих лет
С тех пор, как отшумели те раскаты.
Но и сегодня в памяти встает рассвет,
Когда пришли домой войны солдаты.

Они вернулись со щитом*,
Встречая смерть в бою не раз.
Ведь вся страна заботилась о том,
Чтоб он настал скорей, Победы час.

Зерно к зерну струилось под рукой,
Стерня босые ноги обжигала.
Посылки с весточкой по почте полевой
«На фронт солдату»,
что в тылу девчонка собирала.

Заводы, выросшие посреди полей,
Чтоб дать бойцам снаряды и патроны.
И слезы горькие солдатских матерей,
Вслед поездам бегущих по перронам.

Давало это силу, волю к жизни,
Бойцам, идущим в смертный бой.
С врагом, поправшим мир в нашей Отчизне.
За жен и матерей. За дом родимый свой.

И май пришел. Победный май.
И птицы пели. И небо стало снова голубым.
Солдаты сняли, наконец шинели,
Вернулись к своим близким и родным.

С тех пор живет Победа с нами,
И в памяти народ хранит
Те дни, овеянные славными делами.
Солдат — герой не должен быть забыт.

Е.Емельянова

* «Со щитом или на щите» — так провожали на ратный бой в древности. Так провожали своих мужей и древние спартанцы, и древние римляне. Это значило — либо возвращаясь с победой, либо погибни...

Неизвестная война

Ни меня, ни моих сверстников не коснулись ужасы самой кровопролитной войны. Мы не застывали у радиоприемников, слушая последние вести с фронта. Не бежали с надеждой кпочтальону, веря, что обязательно будет письмо, не немели от страха, глядя на бьющуюся в истерике мать, получившуюпохоронку.

Но мне повезло. Мой дед живым вернулся с войны, и с раннего детства я слушала его бесконечные рассказы о днях испытания, обоях и потерях, о надежде и о радости, которая пришла, наконец, с днем Великой Победы. В чем удалось понять и прочувствовать ту боль, которая приводила в изумление врагов и стала основой нашей Победы.

Древние философы считали, что война наступает в тот момент, когда умирает последний из переживших ее, и все оставшиеся на земле люди забывают ужас военных лет.

Их мало, мало осталось тех, кто своей памятью может сказать нам «Стойте! Опомнитесь! Война не принесет вам решения всех проблем! Война — это смерть и горе!». Поэтому надо успеть, успеть услышать этих людей и передать их наказ следующим поколениям не дать разразиться вновь пожару всеобщей ненависти.

Я буду продолжать говорить о тех, кто не отмечен в списках награжденных, кто не был на передовой, но без их самоотверженного труда и поддержки солдату Победы было бы намного труднее.



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Посвящается деду, Павлу Трофимовичу Емельянову</i>	3
<i>Слово к читателю</i>	4
Мама	7
Дед	9
<i>«У войны не детское лицо...»</i>	12
Зоряна	13
Мария Ивановна Кузина	15
<i>Скажи, солдат — а не было бы тыла</i>	17
Матрена Петровна Юматова	18
Мария Кузьминична Тарасенко	20
<i>Заросли окопы травой</i>	23
Большим Кабаевна Кульжанова	24
Катюша Бескоровайная	27
<i>Зачем мы вспоминаем о войне?</i>	30
Александра Макаровна Лысенко	31
<i>Была война</i>	34
Нина Степановна Сегеда	36
Раиса Сергеевна Яхненко	38
Лидия Сазоновна Запорожец	43
Зарина Букаевна Нуржубаева	46
Аксырга Букаевна Буктыбаева	46
Малика Калиевна Душакова	48
<i>Война над нашими степями</i>	50
Владимир Александрович Зотов	51
Валентина Кирилловна Личковаха	54
Яков Ильич Ниделько	58
Мария Яковлевна Крегер (Бойко)	62
Дора Дмитриевна Акишева (Дечева)	64
Ида Кирилловна Карякина	66
Ирина Петровна Аберемко (Октябрина Петровна Кушнарченко)	70
<i>Мамаев курган</i>	74

Надия Абдулловна Гадыльшина	76
Анатолий Петрович Максимча	79
Петр Матвеевич Сердюк	80
Рахимжан Сакенович Сакенов.....	82
<i>Трясется по степным дорогам</i>	85
Надежда Васильевна Гречухина	86
<i>Просто цифры.....</i>	90
<i>К нам в степь не добралась война.....</i>	92
Надежда Петровна Лапаева (Азовскова).....	93
Лидия Петровна Щипакина (Азовскова)	93
Александр Яковлевич Лапаев.....	93
Борис Васильевич Петухов	98
«Спасибо деду за Победу»	101
<i>Просто люди.....</i>	102
<i>Я славлю мой город на белом холме.....</i>	103
Жания Нуржан	104
Нина Павловна Теплова	106
<i>Сухие руки на столе</i>	109
Мира Ивановна Зимина	110
Людмила Григорьевна Никитенко.....	114
Василий Сергеевич Барнаш.....	120
<i>Кто знает, что такое голод?</i>	122
Галина Николаевна Перинская (Исаева)	123
Нина Ивановна Булаткина (Шадрина).....	128
Мухамбет Жолдыгулович Жолдыгулов.....	131
Татьяна Кирилловна Ковбасюк	133
Биржан Ермуханович Раев.....	135
Мария Ахметовна Ахметова	139
Еркин Каиргалиевич Беккалиев	141
Лариса Альбертовна Борисова.....	146
Семен Григорьевич Овсиенко.....	151
Анна Константиновна Овсиенко	151
Нина Павловна Немальцева (Волченкова).....	161
Антонина Степановна Буравлева (Уварова).....	165
Эльза Федоровна Михарева (Дубинкина)	170

Людмила Викторовна Волошина (Гриценко).....	173
Марат Сахиевич Дарибаев	177
Умирзак Альмухамбетович Дарибаев	180
Мухамбетияр Мухитович Камашев.....	184
Галым Мусинович Камысбаев	191
Хамза Казиханулы Куан.....	197
Римма Степановна Погуляй.....	201
Молдан Сансызбайулы Боханов	206
Бактыбай Утемисович Утемисов	208
Ольга Степановна Кирко	213
Мария Владимировна Котлобовская (Келлер)	216
Зинаида Павловна Милютинa	226
<i>Дети войны</i>	232
Тамара Порфирьевна Шелкова (Карпова).....	234
Любовь Павловна Обухова.....	237
Сергей Семенович Яцко.....	241
Жани Иманбаева	244
Мария Балжановна Бейсенбаева	248
Галимжан Салимович Бирманов	250
Дария Елеусизкызы Жусупова.....	254
Айжан Мусагалиевна Сарбаева	257
Галина Петровна Субботина (Медведко).....	260
Фаузия Абдрахмановна Султанова	265
Утегали Тулеуович Бекмухамбетов.....	268
Ануар Жумагалиевич Утегенов.....	270
Роза Биктимировна Чанышева (Байбулатова)	272
Валентина Даниловна Дынник	275
Вера Григорьевна Ивашевская	278
Мынтай Карилаповна Карабалина	281
Мария Сергеевна Каргаева (Вырина)	283
Нагима Уразгалиевна Уркумбаева (Бекетова)	288
Кенжегуловы.....	291
Биля Молдашевич Танирбергенов.....	295
Жолды Танкаев	302
<i>Просто цифры</i>	307
<i>Прошло уж много долгих лет</i>	308
<i>Неизвестная война</i>	309